

Ганнибал. Творцы истории

Джейкоб Эбботт

Hannibal

Jacob Abbott

The Project Gutenberg eBook of Hannibal.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то, прежде чем использовать эту электронную книгу, вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь.

Название: Ганнибал

Автор: Джейкоб Эбботт

Дата выхода: 17 декабря 2008 [eBook #27551]

Последнее обновление: 4 января 2021 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Д Александром и командой Online Distributed Proofreading Team at <https://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK HANNIBAL ***

Творцы истории

Ганнибал

Джейкоб Аботт

С ГРАВЮРАМИ

НЬЮ-ЙОРК И ЛОНДОН

ИЗДАТЕЛЬСТВО ХАРПЕР И БРАТЯ

1901

Введено, согласно Акту Конгресса, в тысяча восемьсот сорок девятом году
восемьсот сорок девятом году, компанией

Харпер и Братья,
в канцелярии окружного суда Южного округа
Нью-Йорка.

Copyright, 1876, Jacob Abbott.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор этой серии поставил перед собой цель строго придерживаться исторической правды, даже в самых мельчайших деталях, которые он записывает. Повествования - это не рассказы, основанные на истории, а сама история, без каких-либо прикрас или отклонений от строгой правды, насколько она может быть обнаружена при внимательном изучении летописей, написанных в то время, когда происходили сами события. При написании повествований автор старался использовать лучшие источники информации, которыми располагает эта страна; и хотя, конечно, в этих томах, как и во всех исторических повествованиях, должно быть больше или меньше недостатков и ошибок, здесь нет намеренного приукрашивания. Ничто, даже самые мельчайшие и, казалось бы, выдуманные детали, не изложены без того, что было сочтено хорошим историческим авторитетом. Поэтому читатели могут полагаться на эти записи как на правду, и ничего кроме правды, насколько честная цель и тщательное исследование помогли установить ее.

СОДЕРЖАНИЕ.

Глава	Страница
I. ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА	13
II. ГАННИБАЛ В САГУНТУМЕ	33
III. НАЧАЛО ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ	52
IV. ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ РОНУ	69
V. ГАННИБАЛ ПЕРЕХОДИТ АЛЬПЫ	90
VI. ГАННИБАЛ НА СЕВЕРЕ ИТАЛИИ	126
VII. АПЕННИНЫ	144
VIII. ДИКТАТОР ФАБИЙ	163
IX. БИТВА ПРИ КАННЕ	185
X. SCIPIO	205
XI. ГАННИБАЛ - БЕГЛЕЦ И ИЗГНАННИК	235
XII. РАЗРУШЕНИЕ КАРФАГЕНА	262

ГРАВЮРЫ.

КАРТА	<i>Фронтиспис.</i>
БИТВА НА РЕКЕ	42
СЛОНЫ ПЕРЕХОДЯТ РОНУ	87
ГАННИБАЛ В АЛЬПАХ	111
ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ БОЛОТА	161
ГОЛОВА ГАСДРУБАЛА	227
СОЖЖЕНИЕ КАРФАГЕНСКОГО ФЛОТА	242

ГАННИБАЛ.

Глава I.

Первая Пуническая война.

280-249 ГГ. ДО Н.Э.

Ганнибал.

Рим и Карфаген.

Ганнибал был карфагенским полководцем. Свою выдающуюся славу воина он приобрел в отчаянных схватках с римлянами. Рим и Карфаген выросли вместе на противоположных берегах Средиземного моря. Около ста лет они вели друг против друга самые страшные

войны. Таких войн было три. В конце концов Рим добился успеха, а Карфаген был полностью разрушен.

Между этими двумя народами не было никаких реальных причин для разногласий. Их вражда друг с другом была простым соперничеством и спонтанной ненавистью. Они говорили на разных языках, имели разное происхождение и жили по разные стороны одного моря. Поэтому они ненавидели и пожирали друг друга.

Тир.

Основание Карфагена.

Его торговый дух.

Золотые и серебряные рудники.

Новый Карфаген.

Те, кто читал историю Александра Македонского в этой серии, наверняка помнят, с какими трудностями он столкнулся при осаде и покорении Тира, великого морского города, расположенного примерно в двух милях от берега, на восточном побережье Средиземного моря. Карфаген был основан колонией из этого города Тира, и вскоре он стал великой торговой и морской державой, как и его мать. Карфагеняне строили корабли и с их помощью исследовали все части Средиземного моря. Они посещали все народы на этих берегах, покупали товары, которые нужно было продать, везли их в другие страны и продавали с большой выгодой. Вскоре они стали богатеть и становиться могущественными. Они нанимали воинов для сражений и стали захватывать острова Средиземноморья, а в некоторых случаях и пункты на основной земле. Например, в Испании: некоторые из их кораблей, отправившись туда, обнаружили, что у туземцев есть серебро и золото, которые они добывали из рудных жил у поверхности земли. Сначала карфагеняне получали это золото и серебро, продавая туземцам различные товары, которые они приобретали в других странах; разумеется, платили производителям лишь очень малую цену по сравнению с той, которую требовали от испанцев. Наконец, они завладели той частью Испании, где находились рудники, и сами стали их разрабатывать. Они копали глубже; они нанимали искусных инженеров, чтобы те делали насосы для подъема воды, которая всегда скапливается в шахтах и не позволяет разрабатывать их на большую глубину, если шахтеры не обладают значительной степенью научного и механического мастерства. Они основали здесь город, который называли Новый Карфаген - *Нова-Карфаго*. Они укрепили и гарнизонировали этот город, сделав его центром своих операций в Испании. Этот город и по сей день называется Карфагена.

Корабли и армия.

Нумидия.

Балеарские острова.

Таким образом, карфагеняне все делали с помощью денег. Они расширяли свои операции во всех направлениях, с каждым новым расширением принося новые сокровища и увеличивая свои средства для их дальнейшего расширения. Кроме торговых судов, принадлежавших частным лицам, у них были большие военные корабли, принадлежавшие государству. Эти суда назывались галерами, и на них гребли гребцы, ярус за ярусом, иногда по четыре и пять весел. У них также были армии, собранные из разных стран, в различных войсках, в зависимости от того, насколько разные народы преуспели в различных способах ведения войны. Например, нумидийцы, чья страна простиралась по соседству с Карфагеном, на африканском побережье, славились своими всадниками. В Нумидии были большие равнины и хорошие пастбища, и, следовательно, это была одна из тех стран, в которых

лошади и всадники естественно процветают. С другой стороны, уроженцы Балеарских островов, которые сейчас называются Майорка, Менорка и Ивица, славились своим мастерством пращников. Поэтому карфагеняне, формируя свои войска, нанимали кавалерию в Нумидии, а пращников - на Балеарских островах; по аналогичным причинам они получали отличную пехоту в Испании.

Праща.

Тенденция к принятию и культивированию различных способов ведения войны у разных народов в те древние времена была гораздо сильнее, чем сейчас. Балеарские острова, по сути, получили свое название от греческого слова *ballein*, что означает бросать из пращи. Молодежь там с ранних лет обучалась владению этим оружием в совершенстве. Говорят, что матери практиковали план: клали хлеб для завтрака своих мальчиков на ветви деревьев, высоко над их головами, и не позволяли им есть, пока они не смогут сбить его камнем, брошенным из пращи.

Правительство Карфагена.
Аристократия.

Таким образом, власть карфагенян значительно расширилась. Однако все управление осуществлялось небольшим кругом богатых и аристократических семейств внутри страны. Это было очень похоже на то правительство, которое существует в Англии в настоящее время, только аристократия Англии основана на древнем происхождении и земельной собственности, в то время как в Карфагене она зависела от торгового величия, в сочетании, правда, с наследственными семейными различиями. Аристократия Карфагена контролировала и управляла всеми делами. Никто, кроме собственных сыновей, не мог получить должность или власть. Основная масса жителей находилась в состоянии рабства и вассалитета. Такое положение вещей действовало тогда, как и сейчас в Англии, очень несправедливо и с трудом для тех, кто был таким образом унижен; но в результате - и в этом отношении аналогия с Англией все еще сохраняется - было создано очень эффективное и энергичное правительство. Правительство олигархии создает иногда очень богатое и могущественное государство, но недовольный и несчастный народ".

Географические связи Карфагенской империи.

Пусть читатель теперь обратится к [карте](#) и найдет на ней место Карфагена. Пусть он представит себе большой и богатый город с пирсами, доками и обширными складами для торговли, храмами и общественными зданиями великолепной архитектуры для религиозной и гражданской службы государства, элегантными особняками и дворцами для богатой аристократии, а также стенами и башнями для обороны всего города. Пусть он представит себе страну, простирающуюся на сотни миль вглубь Африки, плодородную и высококультурную, дающую огромные запасы кукурузы, вина и богатых фруктов всех видов. Пусть он посмотрит на острова Сицилия, Корсика, Сардиния и Балеары и представит их богатыми и процветающими странами, и все они находятся под властью карфагенян. Взгляните также на побережье Испании; представьте себе город Карфагену с его укреплениями и армией, золотые и серебряные рудники, на которых трудятся тысячи и тысячи рабов. Представьте себе флотилии кораблей, постоянно курсирующих вдоль берегов Средиземного моря из страны в страну, плавающих туда-сюда, в Тир, на Кипр, в Египет, на Сицилию, в Испанию, перевозящих кукурузу, лен, пурпурные красители, специи, духи, драгоценные камни, канаты и паруса для кораблей, золото и серебро, а затем периодически возвращающихся в Карфаген, чтобы добавить полученную прибыль к огромным сокровищам богатств, уже накопленных там. Пусть читатель представит себе все это на [карте](#), чтобы

иметь четкое представление о географических связях населенных пунктов, и у него сложится довольно верное представление о карфагенской державе в то время, когда она начала свои ужасные конфликты с Римом.

Рим и римляне.

Их характер.

Сам Рим был расположен очень по-разному. Рим был построен странниками из Трои, и долгое время он рос тихо и медленно, благодаря какому-то внутреннему принципу жизни и энергии. Одна за другой области итальянского полуострова вливались в римское государство. Они составляли население, которое в основном было неподвижным и земледельческим. Они обрабатывали поля, охотились на диких зверей, разводили большие стада и отары. Похоже, что они были расой - своего рода разновидностью человеческого вида - обладающей очень утонченной и превосходной организацией, которая в своем развитии породила характер твердости, энергии и силы, как тела, так и ума, что справедливо вызвало восхищение человечества. Карфагеняне обладали проницательностью - римляне называли ее хитростью - и активностью, предприимчивостью и богатством. Их соперники, напротив, отличались гением, мужеством и силой, порождавшими спокойную и неукротимую решимость и энергию, которая с тех пор во все века прочно ассоциируется в сознании людей с самим словом "римлянин".

Прогресс Карфагена и Рима.

В древние времена прогресс наций был гораздо медленнее, чем сейчас, и эти две соперничающие империи продолжали постепенно расти и расширяться, каждая по свою сторону великого моря, которое их разделяло, в течение *пятисот лет*, прежде чем столкнулись. Наконец, однако, столкновение произошло. Оно произошло следующим образом:

Происхождение первой Пунической войны.

Взглянув [на карту](#), читатель увидит, что остров Сицилия отделен от основной суши узким проливом, называемым Мессинским. Пролив получил свое название от города Мессина, который расположен на нем с сицилийской стороны. Напротив Мессины, на итальянской стороне, находился город под названием Региум. Случилось так, что оба эти города были захвачены незаконными воинами. Римляне пришли и освободили Региум, а захвативших его солдат очень сурово наказали. Сицилийские власти приступили к освобождению Мессины. Тамошние войска, обнаружив, что им угрожает опасность, послали к римлянам сказать, что если они, римляне, придут и защитят их, то отдадут Мессину в их руки.

Регий и Мессина.

Недоуменный вопрос.

Вопрос о том, какой ответ дать на это заявление, был поставлен перед римским сенатом и вызвал у них большое недоумение. Казалось, что это очень непоследовательно - встать на сторону мятежников Мессины, когда они так сурово наказали регийцев. К тому же римляне уже давно ревниво следили за ростом и расширением карфагенской державы. И вот представилась возможность встретиться с ней и противостоять ей. Сицилийские власти собирались обратиться за прямой помощью к Карфагену, чтобы вернуть город, и в результате этого дела карфагенские войска окажутся в пределах видимости от итальянского берега и в таком месте, где им будет легко совершать враждебные вторжения на римские территории.

Одним словом, это был случай так называемой политической необходимости, то есть случай, когда *интересы* одной из сторон в споре были настолько сильны, что все соображения справедливости, последовательности и чести должны были быть принесены в жертву их продвижению. Случаи подобной политической необходимости очень часто встречаются в управлении государственными делами во все эпохи мира.

Римляне решают построить флот.

Борьба за Мессину, в конце концов, рассматривалась римлянами лишь как предлог или, скорее, как повод для начала борьбы, в которую они давно хотели вступить. В плане, который они приняли в самом начале, проявились характерные для них энергия и величие. Они прекрасно понимали, что сила Карфагена зиждется главным образом на его владении морями, и что они не могли надеяться успешно справиться с ним, пока не встретят и не завоюют его в его собственной стихии. Тем временем, однако, у них не было ни одного корабля и ни одного моряка, в то время как Средиземное море было усеяно карфагенскими кораблями и моряками. Ничуть не обескураженные этим чудовищным неравенством, римляне решили немедленно приступить к созданию для себя военно-морской державы.

Приготовления.

Подготовка заняла некоторое время, ведь римлянам нужно было не только построить корабли, но и научиться их строить. Первым уроком для них стала карфагенская галера, выброшенная штормом на побережье Италии. Они захватили эту галеру, собрали своих плотников, чтобы те осмотрели ее, и приставили дровосеков, чтобы те валили деревья и собирали материалы для ее имитации. Плотники очень внимательно изучили модель, измерили размеры каждой детали и обратили внимание на то, как различные части были соединены и закреплены вместе. Сильные удары, которым подвергаются корабли от волн, делают необходимым обеспечить большую прочность их конструкции; и хотя корабли древних были очень малы и несовершенны по сравнению с военными людьми наших дней, все же удивительно, что римляне смогли добиться успеха в такой внезапной и поспешной попытке построить их.

Обучение гребцов.

Римский флот выходит в море.

Однако им это удалось. Пока корабли строились, офицеры, назначенные для этой цели, обучали людей на берегу искусству гребли на них. На земле были расставлены скамейки, похожие на те, что занимают гребцы на кораблях, и каждый день предполагаемых моряков обучали движениям и действиям гребцов. В результате через несколько месяцев после начала строительства кораблей у римлян был готов флот из ста галер с пятью банками весел. Они простояли с ними в гавани некоторое время, чтобы дать гребцам возможность убедиться, что они могут грести на воде так же хорошо, как на суше, а затем смело вышли в море навстречу карфагенянам.

Схватывающие орудия.

Мужество и решимость римлян.

В подготовке флота римлянами была одна часть мероприятий, которая поразительно характерна для решительности, которой отличалось все их поведение. Они соорудили машины, содержащие захваты, которые установили на носах своих кораблей. Эти машины были устроены таким образом, что в тот момент, когда один из кораблей, содержащих их, сталкивался с судном противника, захватывающие орудия падали на палубу последнего и

крепко сцепляли их друг с другом, чтобы исключить возможность побега одного из них от другого. Мысль о том, что у них самих может возникнуть желание выйти из схватки, казалась совершенно неуместной. Единственное, чего они опасались, - что карфагенские моряки, используя свое превосходное мастерство и опыт в морских маневрах, попытаются сбежать. Человечество всегда считало действия римлян в этом случае одним из самых ярких примеров воинского мужества и решимости, когда-либо зафиксированных в истории войн. Армия сухопутных людей спускается на берег моря и, едва увидев корабль, берется построить флот и нападает на державу, чьи корабли покрывают море и делают ее единственной и признанной хозяйкой. Они берут за образец разбитую галеру своих врагов, строят сотню похожих на нее судов, некоторое время практикуют маневры в порту, а затем выходят навстречу флотам своего могущественного противника, с грейферными машинами, чтобы удержать их, не боясь ничего, кроме возможности спастись.

Успех римлян.

Ростральная колонна.

Результат оказался таким, как и следовало ожидать. Римляне захватили, потопили, уничтожили или рассеяли карфагенский флот, вышедший им наперерез. Они взяли носы захваченных кораблей, доставили их в Рим и построили из них так называемую *ростральную колонну*. Ростральная колонна - это колонна, украшенная такими клювами или крыльями, которые на римском языке назывались *rostra*. Эта колонна была почти разрушена молнией примерно через пятьдесят лет после этого, но ее отремонтировали и отстроили заново, и она простояла потом много веков, являясь очень ярким и подходящим памятником этой необыкновенной морской победы. Римским полководцем в этом случае был консул Дуилий. Ростральная колонна была воздвигнута в честь него. При раскопках среди руин Рима было найдено то, что предположительно было остатками этой колонны, около трехсот лет назад.

Правительство Рима.

Теперь римляне готовились перенести войну в самую Африку. Конечно, после победы над карфагенским флотом было легко переправить войска через море к карфагенскому берегу. В это время римское государство управлялось сенатом, который принимал законы, и двумя высшими должностными лицами, называемыми консулами. Они считали, что иметь двух главных магистратов безопаснее, чем одного, поскольку каждый из них, естественно, будет сдерживать другого. Однако в результате взаимной ревности они часто вступали в споры и ссоры. В наше время считается, что лучше иметь только одного главного магистрата в государстве и предусмотреть другие способы сдерживания любой склонности, которую он может проявить к злоупотреблению своими полномочиями.

Консулы.

Римские консулы во время войны принимали командование армиями. Имя консула, на которого было возложено ведение войны с карфагенянами после этой первой великой победы, было Регул, и его имя прославлялось во все века благодаря его необыкновенным приключениям в этой кампании и безвременной судьбе. Насколько эта история соответствует действительности, сейчас уже невозможно установить, но ниже приводится ее изложение римскими историками:

История Регула.

Он становится консулом.

В то время, когда Регул был избран консулом, он был простым человеком, жил на своей ферме, содержал себя собственным трудом, и не проявлял никаких амбиций или гордости. Однако его сограждане заметили в нем те душевные качества, которыми привыкли восхищаться, и сделали его консулом. Он покинул город и принял командование армией. Он увеличил флот до более чем трехсот судов. Он посадил на корабли сто сорок тысяч человек и отплыл в Африку. На эти приготовления было потрачено около двух лет, в течение которых карфагеняне успели построить новые корабли, так что, когда римляне отплыли и двинулись вдоль побережья Сицилии, они вскоре увидели более многочисленный карфагенский флот, собравшийся для противостояния им. Регул выступил на поединок. Карфагенский флот был разбит, как и прежде. Корабли, которые не были захвачены или уничтожены, разбежались во все стороны, и Регул, не встречая дальнейшего сопротивления, высадил свои войска на карфагенском берегу. Сразу после высадки он разбил лагерь и отправил римскому сенату весточку с вопросом, что делать дальше.

Регул выступает в поход на Карфаген.

Сенат, посчитав, что великая трудность и опасность - отбить карфагенский флот - уже миновала, приказал Регулу отправить домой почти все корабли и большую часть армии, а с остальными начать поход на Карфаген. Регул повиновался: он отправил домой войска, которым было приказано вернуться, а с остальными начал наступление на город.

Его ждали трудности.

Однако как раз в это время до него дошли вести о том, что крестьянин, который заботился о его земле дома, умер, и его небольшая ферма, на которую он полагался в качестве единственного источника средств к существованию своей семьи, приходит в упадок. Регул отправился в сенат с просьбой назначить кого-нибудь другого командующим армией, а ему разрешить сложить с себя полномочия, чтобы он мог вернуться домой и позаботиться о жене и детях. Сенат вернул ему приказ продолжать кампанию, пообещав обеспечить поддержку его семье и проследить за тем, чтобы кто-то был назначен для ухода за его землей. Считается, что эта история иллюстрирует крайнюю простоту и незамысловатость всех привычек жизни римлян в те времена. Безусловно, так оно и есть, если это правда. Однако весьма необычно, что человек, которому такое государство доверило командование флотом из ста тридцати судов и армией из ста сорока тысяч человек, должен был иметь дома семью, зависящую от наемной обработки семи акров земли. Тем не менее, такова история.

Успехи Регула.

Прибытие греков.

Римляне обращены в бегство.

Регул продвигается к Карфагену, завоевывая все на своем пути. Карфагеняне терпели одно поражение за другим и уже дошли, по сути, до последней крайности, когда произошло событие, перевернувшее чашу весов. Этим событием стало прибытие большого войска из Греции с греческим генералом во главе. Это были войска, которые карфагеняне наняли, чтобы сражаться за них, как и остальная часть их армии. Но это были *греки*, а греки принадлежали к той же расе и обладали теми же качествами, что и римляне. Вновь прибывший греческий полководец сразу же продемонстрировал такое военное превосходство, что карфагеняне передали ему верховное командование. Соответственно, он собрал армию для битвы. В обозе у него было сто слонов. Они были обучены мчаться вперед и топтать врага. В центре - греческая фаланга, представлявшая собой тесное, компактное

многотысячное войско, оцетинившееся длинными, железными копьями, с которыми бойцы шли вперед, неся перед собой любую вещь. Одним словом, Регул был готов к встрече с карфагенянами, но не был готов к встрече с греками. Его войско было обращено в бегство, а сам он попал в плен. Ничто не могло превзойти волнение и ликование в городе, когда они увидели Регула и еще пятьсот римских солдат, приведенных в плен. За несколько дней до этого они были в ужасе от надвигающейся опасности его прихода в качестве безжалостного и мстительного завоевателя.

Регул попал в плен.

Римский сенат не был обескуражен этой катастрофой. Они снарядили новые армии, и война продолжалась, а Регул все это время находился в Карфагене в качестве близкого пленника. Наконец карфагеняне уполномочили его отправиться в Рим в качестве своего рода комиссара, чтобы предложить римлянам обменять пленных и заключить мир. Они потребовали от него торжественного обещания, что в случае неудачи он вернется обратно. Римляне взяли многих карфагенян в плен в своих морских сражениях и держали их в Риме. Обычно в таких случаях воюющие стороны производят обмен и возвращают пленников с обеих сторон к друзьям и на родину. Именно такой обмен пленными должен был предложить Регул.

Регул перед римским сенатом.

Когда Регул достиг Рима, он отказался войти в город, но предстал перед сенатом за стенами, в очень скромной одежде и с самым сдержанным и непритязательным поведением. По его словам, он был уже не римским офицером и даже не гражданином, а карфагенским пленником, и он отказался от права указывать или даже советовать римским властям, как следует поступить. Однако, по его мнению, римляне не должны были заключать мир или обмениваться пленными. Сам он и другие римские пленники были старыми и немощными и не стоили обмена; кроме того, они не имели никаких претензий к своей стране, так как могли попасть в плен только из-за недостатка мужества или патриотизма, чтобы умереть за дело своей страны. Он сказал, что карфагеняне устали от войны, их ресурсы исчерпаны, и что римляне должны с новыми силами продолжать войну, а его и других пленников оставить на произвол судьбы.

Результат его миссии.

Смерть Регула.

Сенат очень медленно и неохотно пришел к выводу последовать этому совету. Однако все они искренне пытались убедить Регула в том, что он не обязан возвращаться в Карфаген. Его обещание, по их словам, было вырвано обстоятельствами дела и ни к чему не обязывало. Однако Регул настаивал на том, чтобы сохранить веру в своих врагов. Он сурово отказался видаться с семьей и, попрощавшись с сенатом, вернулся в Карфаген. Карфагеняне, разгневанные тем, что он сам вмешался в успех своей миссии, некоторое время жестоко пытали его и в конце концов предали смерти. Можно было бы подумать, что он должен был посоветовать мир и обмен пленными, и не отказываться от встречи с несчастной женой и детьми; но он, конечно, поступил очень благородно, отказавшись нарушить свое слово.

Завершение войны.

После этого война продолжалась еще некоторое время, пока, в конце концов, оба народа не устали от борьбы, и был заключен мир. Ниже приводится договор, который был подписан. Он

показывает, что в целом преимущество в этой первой Пунической войне было на стороне римлян:

"Между Римом и Карфагеном будет заключен мир. Карфагеняне должны эвакуировать всю Сицилию. Они не будут вести войну ни с кем из союзников римлян. Они должны вернуть римлянам без выкупа всех пленных, которых они у них отняли, и выплатить им в течение десяти лет три тысячи двести талантов серебра".

Война продолжалась двадцать четыре года.

Глава II.

Ганнибал при Сагунтуме.

234-218 гг. до н.э.

Родословная Ганнибала.

Отца Ганнибала звали Гамилькар. Он был одним из ведущих карфагенских полководцев. Он занимал очень видное положение, как благодаря своему званию, богатству и высоким семейным связям в Карфагене, так и благодаря огромной военной энергии, которую он проявлял, командуя армиями за границей. Он продолжал войны, которые карфагеняне вели в Африке и Испании после окончания войны с римлянами, и мечтал снова начать военные действия с римлянами.

Характер Гамилькара.

Религиозные церемонии.

Однажды, когда Ганнибалу было около девяти лет, Гамилькар готовился отправиться в поход в Испанию и, как было принято в те времена, отмечал это событие играми, зрелищами и различными религиозными церемониями. Во все века мира, когда народы вступали в войну друг с другом, каждая сторона принимала меры, чтобы умилостивить благосклонность Небес. В наши дни христианские народы делают это с помощью молитв, возносимых на сайте каждой страной за успех своего оружия. Языческие народы делают это с помощью жертвоприношений, возлияний и подношений. Гамилькар приготовил такие жертвы, и жрецы приносили их в присутствии всей собравшейся армии.

Знаменитая клятва Ганнибала о вражде с Римом.

На церемонии присутствовал юный Ганнибал, которому тогда было около девяти лет. Он был очень энергичным и энергичным мальчиком и с большим энтузиазмом включился в происходящее. Ему хотелось самому отправиться в Испанию с войском, и он, подойдя к отцу, стал настойчиво добиваться своего. Отец не мог на это согласиться. Он был слишком молод, чтобы выдержать лишения и усталость такого предприятия. Однако отец привел его к одному из алтарей в присутствии других офицеров армии, заставил его приложить руку к освященной жертве и поклясться, что, как только он станет достаточно взрослым и будет в состоянии это сделать, он начнет войну с римлянами. Это было сделано, несомненно, отчасти для того, чтобы развлечь юного Ганнибала и смягчить его разочарование от невозможности отправиться на войну в то время, пообещав ему великого и могучего врага, с

которым он сможет сразиться в какой-то будущий день. Ганнибал запомнил это и с нетерпением ждал того времени, когда он сможет пойти на войну против *римлян*.

Гамилькар в Испании.

Гамилькар попрощался с сыном и отплыл в Испанию. Он был волен распространить свои завоевания во всех направлениях к западу от реки Ибер - реки, которую читатель найдет на [карте](#), впадающей на юго-востоке в Средиземное море. Ее название, Иберус, постепенно изменилось в современное время на Эбро. По договору с римлянами карфагеняне не должны были пересекать Ибер. Они также обязывались не приставать к жителям Сагунтума, города, лежащего между Ибером и карфагенскими владениями. Сагунтум находился в союзе с римлянами и под их защитой.

Гасдрубал.

Смерть Гамилькара.

Ганнибал отправляется в Испанию.

Гамилькар, однако, был очень беспокоен и беспокоился о том, что ему придется воздерживаться от военных действий с римской державой. Сразу после прибытия в Испанию он начал разрабатывать планы возобновления войны. В качестве главного лейтенанта при нем находился молодой человек, женившийся на его дочери. Его звали Гасдрубал. С помощью Гасдрубала он продолжал расширять свои завоевания в Испании, укреплять там свои позиции и постепенно разрабатывать планы возобновления войны с римлянами, но в конце концов умер. Его преемником стал Гасдрубал. Ганнибалу было уже, вероятно, около двадцати одного или двух лет, и он все еще находился в Карфагене. Гасдрубал направил карфагенскому правительству просьбу о том, чтобы Ганнибал получил назначение в армию и был отправлен вместе с ним в Испанию.

Противодействие Ганно.

По поводу выполнения этой просьбы в карфагенском сенате разгорелись бурные дебаты. Во всех случаях, когда вопросы правления решаются *голосованием*, во все века обнаруживалось, что всегда образуются *партии*, из которых две наиболее видные обычно почти уравниваются одна против другой. Так, в это время, хотя семья Гамилькара находилась у власти, в Карфагене существовала очень сильная партия, противостоящая ей. Лидер этой партии в сенате, которого звали Ганно, произнес очень убедительную речь против отправки Ганнибала. По его словам, он был слишком молод, чтобы принести какую-либо пользу. Он только научится порокам и безрассудствам в лагере и таким образом развратится и испортится. "Кроме того, - сказал Ханно, - такими темпами командование нашими армиями в Испании превратится в своего рода наследственное право. Гамилькар не был царем, чтобы его власть перешла сначала к зятю, а потом к сыну; ведь этот план сделать Ганнибала, - сказал он, - пока он еще едва достиг зрелого возраста, высшим офицером армии, - лишь ступенька к тому, чтобы передать войска полностью под его командование, когда по какой-либо причине Гасдрубал перестанет ими командовать".

Ганнибал отправляется в Испанию.

Римский историк, через рассказ которого мы получаем единственный отчет об этих дебатах, говорит, что, хотя это были веские причины, сила, как обычно, возобладала над мудростью при решении вопроса. Они проголосовали за отставку Ганнибала, и он отправился через море в Испанию с сердцем, полным энтузиазма и радости.

Благоприятное впечатление на армию.

Характер Ганнибала.

Армия с большим любопытством и интересом ожидала его прибытия. Солдаты были преданно привязаны к его отцу, и все они были готовы сразу же перенести эту привязанность на сына, если он окажется достойным этого. Вскоре после прибытия в лагерь стало ясно, что он окажется достойным. Он сразу же приступил к исполнению своих обязанностей с такой энергией, терпением и самоотречением, которые привлекли всеобщее внимание и сделали его всеобщим любимцем. Он одевался просто; он не принимал на себя никаких почестей; он не искал удовольствий и побряжек, не требовал освобождения от опасностей и лишений, которые приходилось терпеть простым солдатам. Он ел простую пищу и спал, часто в своем военном плаще, на земле, среди солдат, стоящих на страже; в бою он всегда первым шел вперед и последним покидал землю, когда приходило время отдыхать. Римляне говорят, что, помимо этих качеств, он был бесчеловечен и беспощаден в открытой войне со своими врагами, а также хитер и вероломен во всех других отношениях с ними. Вполне вероятно, что он таким и был. В те времена, как и сейчас, солдаты считали такие черты характера добродетелями в себе, а пороки - в своих врагах.

Его возводят в ранг верховного главнокомандующего.

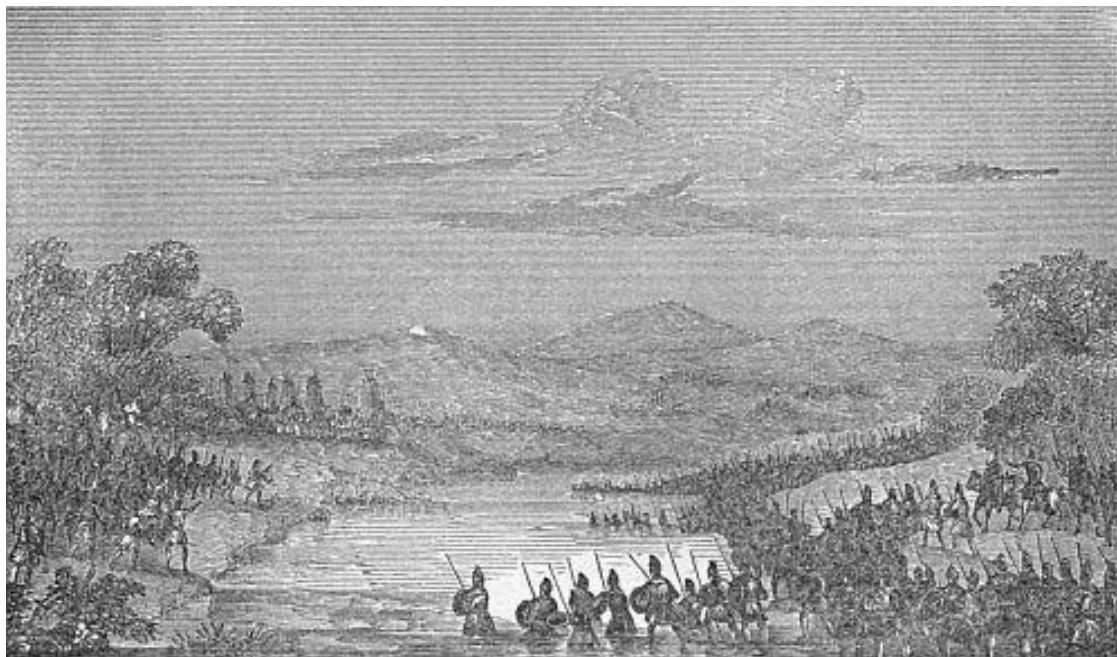
Как бы то ни было, Ганнибал стал большим и всеобщим любимцем в армии. В течение нескольких лет он совершенствовал свои военные знания, расширял и увеличивал свое влияние, как вдруг в один прекрасный день Гасдрубал был внезапно убит свирепым уроженцем страны, которого он чем-то обидел. Как только первый шок от этого события прошел, предводители армии отправились в погоню за Ганнибалом, которого с триумфом привели в палатку Гасдрубала и сразу же ввели его в верховное командование с единого согласия и под всеобщие аплодисменты. Как только весть об этом событии достигла Карфагена, правительство подтвердило решение армии, и Ганнибал, таким образом, неожиданно, но надежно получил в свое распоряжение очень высокое военное командование.

Река Ибер.

Его нетерпеливое и беспокойное желание помериться силами с римлянами получило новый импульс, когда он обнаружил, что власть теперь в его руках. Между двумя странами по-прежнему царил мир. Они были связаны торжественными договорами, чтобы оставаться в таком состоянии. Границей, отделявшей владения двух народов друг от друга в Испании, была река Ибер, территория к востоку от которой находилась под властью римлян, а к западу - карфагенян; кроме того, Сагунтум, находившийся на западной стороне, был союзником римлян, и карфагеняне по договору должны были оставить его независимым и свободным.

Ганнибал стремится к войне с римлянами.

Поэтому Ганнибал не мог пересечь Ибер или напасть на Сагунтум без открытого нарушения договора. Однако он сразу же начал двигаться к Сагунтуму и нападать на государства, расположенные в непосредственной близости от него. Если он хотел ввязаться в войну с римлянами, то это был самый верный способ способствовать этому; ведь, продвигаясь таким образом в непосредственной близости от столицы своих союзников, велика была вероятность возникновения споров, которые рано или поздно закончились бы войной.

Битва на реке.

Стратегема Ганнибала.

Захват реки.

Великая битва на реке Тежу.

Победа Ганнибала.

Римляне говорят, что Ганнибал был хитрым и вероломным, и он действительно в некоторых случаях проявлял большую ловкость в своих стратегемах. В одном случае во время предварительных войн он одержал победу над значительно превосходящими силами весьма примечательным образом. Он возвращался из похода на северные провинции, нагруженный добычей, когда узнал, что ему в тыл движется огромная армия, состоящая, по слухам, из ста тысяч человек. На небольшом расстоянии перед ним была река. Ганнибал двинулся дальше и перешел реку вброд, глубина воды была, возможно, около трех футов. Он спрятал большой отряд кавалерии у берега реки и вместе с основной частью армии отошел на небольшое расстояние от реки, чтобы создать у преследователей впечатление, что он стремительно бежит вперед. Враги, решив, что им нельзя терять времени, в огромном количестве бросились в поток с разных точек по берегам; и как только они достигли середины течения и с трудом перешли вброд, наполовину под водой, держа оружие над головой, чтобы как можно меньше сопротивляться воде, всадники Ганнибала бросились им навстречу и атаковали их. Всадники, конечно, имели большое преимущество, так как, хотя их лошади были в воде, они сами возвышались над ней, и их конечности были свободны, в то время как их враги были наполовину погружены в воду и, будучи обременены оружием и друг другом, были почти беспомощны. Они сразу же пришли в полное смятение, и их в огромном количестве захлестнуло и понесло вниз по течению. Некоторым из них удалось высадиться внизу, на стороне Ганнибала, но тем временем основная часть его армии вернулась и была готова принять их, и они были растоптаны ногами слонов, которых в те дни было принято использовать в качестве военной силы. Как только река была очищена, Ганнибал переправил через нее свою армию и атаковал то, что осталось от врага на их собственной стороне. Он одержал полную победу, которая была настолько велика и решительна, что обеспечила ему владение всей страной к западу от Ибера, кроме Сагунтума, а сам Сагунтум начал серьезно тревожиться.

Сагунтум.

Сагунтинцы отправили в Рим посольства, чтобы просить римлян вмешаться и защитить их от угрожавшей им опасности. Посольства старательно пытались как можно скорее добраться до Рима, но опоздали. Под тем или иным предлогом Ганнибал придумал поднять спор между городом и одним из соседних племен, а затем, приняв сторону этого племени, двинулся на город. Сагунтинцы приготовились к обороне, надеясь вскоре получить помощь из Рима. Они укрепили свои стены, а Ганнибал начал выдвигать вперед огромные военные машины для их разрушения.

Ганнибал нападает на него.

Ганнибал прекрасно понимал, что, воюя против этого города, он начинает борьбу с самим Римом, так как Рим обязательно должен принять участие в войне со своим союзником. На самом деле, нет никаких сомнений в том, что его целью была всеобщая война между двумя великими народами. Он начал с Сагунтума по двум причинам: во-первых, ему было бы небезопасно пересекать Ибер и вступать на римскую территорию, оставив в тылу столь богатый и могущественный город; во-вторых, ему было легче найти предлог для того, чтобы косвенно поссориться с Сагунтумом и навлечь на Рим одиозное объявление войны, чем убедить карфагенское государство отказаться от мира и самому начать военные действия. В Карфагене, как уже говорилось, была очень сильная партия, настроенная против Ганнибала, которая, разумеется, противилась бы любым мерам, ведущим к войне с Римом, поскольку рассматривала бы такую войну как открытие обширного поля для удовлетворения честолюбия Ганнибала. Поэтому единственным выходом было спровоцировать войну агрессией против римских союзников, оправдываясь самыми благовидными предложениями, которые он мог найти.

Ход осады.

Ганнибал ранен.

Ганнибал выздоравливает.

Сагунтум был очень богатым и могущественным городом. Он располагался примерно в миле от моря. Нападение на него и оборона его жителями продолжались некоторое время с большой энергией. В ходе этих операций Ганнибал подвергал себя большой опасности. Однажды он подошел так близко к стене, наблюдая за расстановкой своих солдат и установкой двигателей, что тяжелое копье, брошенное с парапета, ударило его в бедро. Оно пронзило плоть и нанесло такую тяжелую рану, что он тут же упал, и солдаты отнесли его в сторону. Прошло несколько дней, прежде чем он освободился от опасности, вызванной потерей крови и лихорадкой, которая следует за такой раной. Все это время его армия находилась в состоянии сильного волнения и тревоги и приостановила свои активные действия. Однако, как только Ганнибал поправился, они возобновили их, причем с большей энергией, чем прежде.

Фаларика.

Оружие для ведения войны в те древние времена было совершенно иным, чем сейчас, и одно из них, описанное древним историком как использованное сагунтийцами во время осады, можно было бы почти отнести к современному названию огнестрельного оружия. Он назывался *фаларика*. Это было своего рода копье, состоящее из древка, с длинным железным острием. Это острие, как говорят, было длиной в три фута. Это копье металось во врага либо из рук солдата, либо с помощью двигателя. Но главная его особенность заключалась в том, что рядом с острием вокруг деревянного древка наматывалась длинная

лента из *жгута*, пропитанная смолой и другими горючими веществами, и эта горючая лента поджигалась непосредственно перед броском копья. Когда снаряд летел, ветер раздувал пламя и заставлял его гореть так яростно, что когда копье ударялось в щит противостоящего ему воина, его невозможно было вытащить, а сам щит приходилось бросать и бросать.

Прибытие римских посольств.

Пока жители Сагунтума тщетно пытались защититься от страшного врага с помощью этих и подобных средств, их посольства, не зная о нападении на город, добрались до Рима и изложили римскому сенату свои опасения, что город подвергнется нападению, если они не примут энергичных и немедленных мер для его предотвращения. Римляне решили отправить к Ганнибалу посольство, чтобы узнать у него о его намерениях и предостеречь его от любых враждебных действий против Сагунтума. Когда римские посольства прибыли на побережье, недалеко от Сагунтума, они обнаружили, что военные действия уже начались, а город находится в горячей осаде. Они были в растерянности, не зная, что делать.

Политика Ганнибала.

Для мятежника лучше не слышать приказа, которому он заранее намерен не подчиняться. Ганнибал с ловкостью, которую карфагеняне называли проницательностью, а римляне - вероломством и хитростью, решил не встречаться с этими посланцами. На берегу он послал им весточку, что они не должны пытаться прибыть в его лагерь, так как страна находится в таком беспокойном состоянии, что высаживаться на берег им небезопасно; кроме того, он не может принять их или обслужить, так как слишком занят неотложными военными делами, чтобы у него было время на споры и переговоры.

Ганнибал отправляет посольства в Карфаген.

Ганнибал знал, что посольства, получив отпор, а также узнав, что война началась и что Сагунтум фактически находится в осаде войск Ганнибала, немедленно отправятся в Карфаген, чтобы потребовать там удовлетворения. Он также знал, что Ганно и его партия, скорее всего, встанут на сторону римлян и попытаются помешать его планам. Поэтому он отправил в Карфаген своих посольцев, чтобы те оказали влияние в его пользу на карфагенский сенат и попытались убедить его отвергнуть требования римлян и позволить войне между Римом и Карфагеном разгореться с новой силой.

Римские посольства.

Римские посольства явились в Карфаген и были допущены к аудиенции в сенате. Они изложили свое дело, заявив, что Ганнибал в нарушение договора начал войну с Сагунтумом и отказался даже принять сообщение, отправленное ему римским сенатом через них. Они потребовали от карфагенского правительства отречься от его действий и выдать его им, чтобы он понес наказание, которого так справедливо заслуживает нарушение договора и агрессия против союзника римлян.

Партии в карфагенском сенате.

Речь Ганно.

Ганно предлагает отказаться от Ганнибала.

Сторона Ганнибала в карфагенском сенате, конечно же, очень хотела, чтобы эти предложения были с презрением отвергнуты. Другая сторона, во главе которой стоял Ганно, утверждала, что это разумные требования. Ганно, произнеся очень энергичную и сильную речь, сказал сенату, что он предупреждал их не посылать Ганнибала в Испанию. Он

предвидел, что такой горячий и буйный дух, как у него, вовлечет их в неразрешимые трудности с римской державой. Ганнибал, по его словам, явно нарушил договор. Он занял и осадил Сагунтум, который они торжественно обязались не трогать, и им нечего было ожидать в ответ, кроме того, что римские легионы вскоре займут и осадят их собственный город. Тем временем римляне, добавил он, были умеренны и терпеливы. Они ничего не предъявляли карфагенянам. Они не обвиняли никого, кроме Ганнибала, который до сих пор один был виновен. Карфагеняне, отрекшись от его деяний, могли избавить себя от ответственности за них. Поэтому он настоял на том, чтобы в Рим было отправлено посольство с извинениями, Ганнибал был низложен и передан римлянам, а сагунтинцам была выплачена компенсация за нанесенный им ущерб.

Защита друзей Ганнибала.

С другой стороны, друзья Ганнибала выступили в карфагенском сенате в защиту полководца. Они проанализировали историю событий, в результате которых началась война, и показали или попытались показать, что сагунтийцы сами начали военные действия и что, следовательно, они, а не Ганнибал, несут ответственность за все последующее; что при таких обстоятельствах римляне не должны были принимать в них участие, а если они это сделали, то это доказывает, что они предпочли дружбу Сагунтума дружбе Карфагена; И что с их стороны было бы в высшей степени трусливо и бесчестно отдать полководца, которого они поставили у власти и который своей храбростью и энергией показал себя столь достойным их выбора, в руки их древних и непримиримых врагов.

Ганнибал торжествует.

Сагунтум падает.

Таким образом, Ганнибал вел одновременно две войны: одну в карфагенском сенате, где оружием служили аргументы и красноречие, и другую под стенами Сагунтума, где сражались с помощью таранных дождей и раскаленных копьев. Он одержал победу в обоих случаях. Сенат решил отправить римских посольцев домой, не удовлетворив их требований, и стены Сагунтума были разрушены двигателями Ганнибала. Жители отказались от всех компромиссов и сопротивлялись до последнего, поэтому, когда победоносные воины переломили стены и ворвались в город, он был отдан им на разграбление, и они убивали и уничтожали всех, кто попадался им на пути. Разочарованные посольства вернулись в Рим с известием о том, что Сагунтум взят и разрушен Ганнибалом, а карфагеняне, не предложив никакого возмещения за нанесенную обиду, сами взяли на себя ответственность за нее и готовятся к войне.

Таким образом, Ганнибал осуществил свою цель - открыл путь к войне с Римской державой. Он готовился вступить в борьбу с максимальной энергией и рвением. Последующий конфликт длился семнадцать лет и известен в истории как вторая Пуническая война. Это была одна из самых страшных схваток между соперничающими и враждебными народами, которые только может представить мрачная история человечества. События, которые произошли, будут описаны в последующих главах.

Глава III.

Начало второй Пунической войны.

217 г. до н.э.

Падение партии Ганно.

Когда в каком-либо народе волна поворачивается в пользу войны, она, как правило, наступает с большой стремительностью и силой и сносит все на своем пути. Так было и в Карфагене. Партия Ганно была полностью отброшена в меньшинство и замолчала, а друзья и сторонники Ганнибала увлекли за собой не только правительство, но и всю общину, и все жаждали войны. Отчасти это объяснялось естественной заразительностью воинского духа, который, будучи воспринят одним, легко проникает в сердце другого. Это огонь, который, разгоревшись, распространяется во все стороны и поглощает все, что попадает на его пути.

Сила Ганнибала.

Отчаянная доблесть сагунтинцев.

Кроме того, когда Ганнибал овладел Сагунтумом, он нашел там огромные сокровища, которые использовал не для увеличения своего личного состояния, а для укрепления и утверждения своей гражданской и военной власти. Сагунтинцы сделали все возможное, чтобы эти сокровища не попали в его руки. Они отчаянно сражались до последнего, отказывались от всех условий капитуляции и в конце концов дошли до такого безумия, что, согласно рассказу Ливия, когда они обнаружили, что стены и башни города рушатся и что всякая надежда на дальнейшую оборону исчезла, они развели на улицах огромный костер и свалили на него все сокровища, которые успели собрать и которые огонь мог уничтожить, а затем многие из главных жителей сами прыгнули в пламя, чтобы их ненавистные завоеватели могли потерять не только пленных, но и добычу.

Ганнибал распорядился добычей.

Ганнибал выбирает одного из суффетов.

Однако, несмотря на это, Ганнибал получил огромное количество золота и серебра, как в виде денег, так и в виде пластин, а также много ценных товаров, которые сагунтинские купцы накопили в своих дворцах и складах. Все это имущество он использовал для укрепления своего политического и военного положения. Он полностью выплатил своим солдатам все причитающиеся им долги. Он разделил между ними большую дополнительную сумму как их долю в добыче. Он отправил богатые трофеи домой в Карфаген и подарки, состоящие из денежных сумм, драгоценностей и камней, своим друзьям там и тем, кого он хотел сделать своими друзьями. В результате этой щедрости и славы, которую принесли ему победы в Испании, он был вознесен на вершину влияния и почета. Карфагеняне избрали его одним из *суффетов*.

Характер должности.

Суффеты были высшими должностными лицами карфагенского государства. Правительство, как уже отмечалось, было своего рода аристократической республикой, а в республиках всегда очень осторожно относятся к передаче власти, даже исполнительной, какому-либо одному человеку. Как в Риме было *два* консула, правящих совместно, а во Франции, после ее первой революции, Директория из *пяти* человек, так и карфагеняне ежегодно выбирали *двух суффетов*, как их называли в Карфагене, хотя римские писатели называют их без

разбора суффетами, консулами и царями. Теперь Ганнибал был возведен в это достоинство, так что в сочетании со своим коллегой он обладал верховной гражданской властью в Карфагене, а также был наделен командованием огромной и победоносной армией в Испании.

Большое волнение в Риме.

Страшные предчувствия.

Когда весть об этих событиях - осаде и разрушении Сагунтума, отклонении требований римских посольств и энергичных приготовлениях карфагенян к войне - достигла Рима, весь город пришел в смятение. Сенат и народ провели бурные и беспорядочные собрания, на которых с большим волнением и шумом обсуждались произошедшие события и дальнейшие действия, которые должны были предпринять римляне. Римляне, по сути, боялись карфагенян. Кампании Ганнибала в Испании произвели на людей сильное впечатление, они почувствовали безжалостную и страшную энергию его характера; они сразу же пришли к выводу, что у него будут разработаны планы похода в Италию, и даже предвидели опасность того, что он доведет войну до самых ворот города, чтобы угрожать им разрушением, которое он обрушил на Сагунтум. Это событие показало, насколько справедливо они оценили его характер.

После окончания первой Пунической войны мир между римлянами и карфагенянами длился около четверти века. В течение всего этого времени оба народа росли в богатстве и могуществе, но карфагеняне добились гораздо более быстрого прогресса, чем римляне. В предыдущей войне римляне действительно были очень успешны на первых порах, но в конце концов карфагеняне показали себя равными им. Поэтому они, похоже, опасались новой встречи с этими могущественными врагами, во главе которых, как теперь выяснилось, стоял такой полководец, как Ганнибал.

Новое посольство в Карфаген.

Горячие споры.

Бесплодные переговоры.

Поэтому они решили отправить в Карфаген второе посольство, чтобы предпринять еще одну попытку сохранить мир до начала военных действий. Они избрали пять человек из числа наиболее влиятельных граждан государства - людей почтенного возраста и с большим общественным авторитетом - и поручили им отправиться в Карфаген и еще раз спросить, было ли это обдуманное и окончательное решение карфагенского сената - признать и поддержать действия Ганнибала. Это торжественное посольство отправилось в путь. Они прибыли в Карфаген. Они предстали перед сенатом. Они доказывали свою правоту, но, разумеется, к ним прислушивались глухо и неохотно. Карфагенские ораторы отвечали им, каждая сторона пыталась свалить вину за нарушение договора на другую. Это был торжественный час, ведь от решения спора зависели мир во всем мире, жизни сотен тысяч людей, дальнейшее счастье или запустение и разорение огромных территорий страны. К несчастью, в результате дискуссии пропасть только увеличилась. "Хорошо, - сказали наконец римские комиссары, - мы предлагаем вам мир или войну, что вы выберете?" "Что хотите", - ответили карфагеняне, - "решайте сами". "Значит, война", - сказали римляне, - "раз так должно быть". Конференция была прервана, и посольства вернулись в Рим.

Посольства возвращаются.

Ответ вольскианцев.

Они вернулись, однако, через Испанию. Их целью были переговоры с различными королевствами и племенами Испании и Франции, через которые Ганнибалу предстояло пройти при вторжении в Италию, и попытка склонить их на сторону римлян. Однако они опоздали, так как Ганнибал сумел расширить и установить свое влияние во всем этом регионе слишком сильно, чтобы его можно было поколебать; поэтому под тем или иным предлогом все предложения римлян были отвергнуты. Например, было одно могущественное племя, называемое вольскианцами. Посольцы в присутствии большого совета вольсков заявили им о вероятности войны и предложили вступить в союз с римлянами. Вольски отвергли это предложение с презрением. "Мы видим, - сказали они, - на примере судьбы Сагунтума, к чему может привести союз с римлянами. Оставив этот город беззащитным и одиноким в борьбе с такой страшной опасностью, напрасно просить другие народы довериться вашей защите. Если вы хотите обрести новых союзников, вам лучше всего отправиться туда, где история Сагунтума не известна". Этот ответ вольскианцев вызвал одобрение у других народов Испании, насколько было известно, и римские посольства, отчаявшись добиться успеха в этой стране, отправились в Галлию, под именем которой в античной истории известна страна, называемая ныне Францией.

Совет галлов.

Достигнув определенного места, которое было центральным пунктом влияния и власти в Галлии, римские комиссары созвали там большой военный совет. Зрелище, которое представляло собой это собрание, было весьма внушительным, так как воинственные советники явились на него во всеоружии и в самом грозном виде, словно шли на битву, а не на совет и дебаты. Почтенные посольства изложили им суть дела. Они много говорили о силе и величии римлян, о том, что они непременно победят в предстоящем поединке, и приглашали галлов поддержать их дело, подняться с оружием в руках и преградить Ганнибалу путь через их страну, если он попытается это сделать.

Бурная сцена.

Отпор посольствам.

Собрание с трудом заставило себя выслушать посольства; как только они закончили свое выступление, весь совет разразился криками несогласия и недовольства, а также насмешками. Наконец порядок был восстановлен, и офицеры, чьей обязанностью было выражать мнение собрания, ответили, что галлы никогда не получали от Рима ничего, кроме насилия и обид, а от Карфагена - ничего, кроме доброты и благосклонности, и что они и не думали быть виновными в глупости, навлекая на свою голову надвигающуюся бурю враждебности Ганнибала только ради того, чтобы отвести ее от своих древних и непримиримых врагов. Таким образом, посольства были повсюду отбиты. Они не обнаружили дружеского расположения к римской державе, пока не переправились через Рону.

Доброта Ганнибала к своим солдатам.

Ганнибал начал обдуманно и осторожно разрабатывать планы похода в Италию. Он хорошо понимал, что это будет экспедиция такого масштаба и продолжительности, что она потребует заранее самых тщательных и продуманных мероприятий, как для войск, которые должны были отправиться, так и для государств и общин, которые должны были остаться. Приближалась зима. Первой его мерой было увольнение значительной части своих войск, чтобы они могли посетить свои дома. Он сказал им, что на следующую весну у него намечены большие планы, которые могут завести их на большое расстояние и надолго отлучить от Испании, и, соответственно, он даст им промежуточное время, чтобы они могли

навестить свои семьи и дома и уладить свои дела. Этот акт доброго внимания и доверия вновь укрепил привязанность солдат к своему командиру, и весной они вернулись в его лагерь не только с новыми силами и бодростью, но и с удвоенной привязанностью к службе, в которой они участвовали.

Он доводит свои замыслы до конца.

Отправив домой своих солдат, Ганнибал удалился в Новый Карфаген, который, как видно по [карте](#), находится дальше к западу от Сагунтума, где он расположился на зимний отдых и посвятил себя завершению своих замыслов. Помимо необходимых приготовлений к собственному походу, он должен был позаботиться об управлении странами, которые ему предстояло покинуть. Он разработал различные и хитроумные планы, чтобы предотвратить опасность восстаний и мятежей во время своего отсутствия. Один из них заключался в том, чтобы организовать армию для Испании из солдат, взятых из *Африки*, в то время как войска, которые должны были использоваться для гарнизона Карфагена и поддержания правительства, были взяты из Испании. Поменяв таким образом войска двух стран, каждая из них оказалась под контролем иностранной армии, которая, скорее всего, будет верна в своем повиновении командирам и менее склонна к симпатиям к населению, которым она была призвана управлять, чем если бы каждая из них оставалась на своей родине.

План Ганнибала по управлению Испанией в его отсутствие.

Ганнибал прекрасно понимал, что различные государства и провинции Испании, отказавшиеся вступить в союз с римлянами и покинуть его, были вынуждены сделать это под влиянием его подарков или страха перед его властью, и что если после его проникновения в Италию он столкнется с неудачами, которые сильно уменьшат их надежды на получение выгоды от его благосклонности или страх перед его властью, то возникнет большая опасность дезертирства и восстаний. В качестве дополнительной защиты от этого он принял следующий гениальный план. Он набрал войско из всех народов Испании, которые были в союзе с ним, выбрав молодых людей, которые были набраны, по возможности, из семей, пользующихся уважением и влиянием, и это войско, когда оно было организовано и укомплектовано, он отправил в Карфаген, дав понять народам и племенам, из которых они были взяты, что он рассматривает их не только как солдат, служащих в его армии, но и как *заложников*, которых он должен держать в качестве гарантии верности и послушания стран, из которых они прибыли. Число этих солдат составляло четыре тысячи человек.

Брат Ганнибала Гасдрубал.

Его оставили управлять Испанией.

У Ганнибала был брат, которого, как оказалось, звали так же, как и его шурина Гасдрубала. Именно ему он передал управление Испанией на время своего отсутствия. Солдаты, предоставленные ему, как уже говорилось, в основном были взяты из Африки. В дополнение к пешим солдатам он предоставил ему небольшой конный корпус. Кроме того, он оставил с собой четырнадцать слонов. А поскольку он считал маловероятным, что римляне в случае чего во время его отсутствия могут напасть на испанское побережье с моря, он построил и снарядил для него небольшой флот из примерно шестидесяти судов, пятьдесят из которых были первого класса. В наше время величина и эффективность корабля оценивается по количеству пушек, которые он может нести; тогда это было количество весел. Пятьдесят кораблей Гасдрубала были *квинкверемами*, как их называли, то есть имели пять весел.

Приготовления римлян.

Их план ведения войны.

С другой стороны, римляне не пренебрегали собственными приготовлениями. Не желая вступать в войну, они все же готовились вступить в нее со свойственной им энергией и пылкостью, когда убедились, что предотвратить ее невозможно. Они решили собрать две мощные армии, по одной для каждого из консулов. План состоял в том, что одна из них должна была выступить навстречу Ганнибалу, а другая - направиться в Сицилию, а из Сицилии к африканскому побережью, чтобы угрожать карфагенской столице. Этот план, в случае успеха, вынудил бы карфагенян отозвать часть или всю армию Ганнибала из намеченного вторжения в Италию для защиты своих африканских владений.

Римский флот.

Силы, собранные римлянами, составили около семидесяти тысяч человек. Примерно треть из них составляли римские солдаты, а остальные были набраны из различных народов, проживавших в Италии и на островах Средиземного моря, которые находились в союзе с римлянами. Из этих войск шесть тысяч составляла конница. Конечно, поскольку римляне намеревались пересечь Африку, им был необходим флот. Они построили и оснастили его, который состоял из двухсот двадцати кораблей самого большого класса, то есть квинкверемов, а также ряда более мелких и легких судов для служб, требующих скорости. В те времена использовались суда и побольше квинкверемов. Иногда упоминаются те, которые имели шесть и даже семь весел. Но они использовались только в качестве флагманов командиров и для других церемониальных и парадных целей, поскольку были слишком громоздкими для эффективной службы в бою.

Жеребьевка.

Религиозные церемонии.

Затем, согласно римскому обычаю, в таких случаях очень торжественно проводилась жеребьевка, чтобы решить вопрос о распределении этих двух армий между соответствующими консулами. Одна, которой суждено было встретить Ганнибала на пути из Испании, досталась консулу по имени Корнелий Сципион. Вторую звали Семпроний. Следовательно, именно он должен был возглавить экспедицию, предназначенную для Сицилии и Африки. Когда все приготовления были закончены, вопрос был поставлен перед римским народом в очень торжественной и официальной форме для окончательного голосования и принятия решения. "Принимает ли римский народ решение и постановление об объявлении войны против карфагенян?". Решение было утвердительным. После этого война была объявлена с обычными торжественными церемониями. Затем последовали жертвоприношения и религиозные празднества, чтобы умиловить богов и внушить солдатам ту смелость и уверенность, которую суеверные люди, какими бы злыми они ни были, испытывают, когда могут представить себя под защитой небес. Эти представления и зрелища закончились, все было готово.

Марш Ганнибала.

Тем временем Ганнибал с наступлением весны продвигался к берегам Ибера, пограничной реки, переход через которую делал его захватчиком территории, которая в некотором смысле была римской. Он смело перешел этот поток и двинулся вперед вдоль побережья Средиземного моря, постепенно приближаясь к Пиренеям, которые образуют границу между Францией и Испанией. Его солдаты до сих пор не знали о его планах. *В настоящее время* военные и морские командиры очень редко сообщают своим людям подробную информацию о своих планах, а тогда это было еще менее принято; кроме того, в те времена

простые солдаты не имели доступа к тем средствам информации, с помощью которых сейчас так широко распространяются новости любого рода. Таким образом, хотя все офицеры армии и хорошо информированные граждане, как в Риме, так и в Карфагене, предвидели и понимали замыслы Ганнибала, его собственные солдаты, невежественные и униженные, не знали ничего, кроме того, что им предстоит отправиться на какую-то далекую и опасную службу. Они, скорее всего, не имели ни малейшего представления ни об Италии, ни о Риме, ни о величине владений, ни о могуществе огромной империи, в которую им предстояло вторгнуться.

Пиренеи.

Недовольство в армии Ганнибала.

Обращение Ганнибала.

Недовольные отправляются домой.

Однако когда, пройдя день за днем, они подошли к подножию Пиренеев и обнаружили, что им действительно предстоит пройти через эту могучую цепь гор и для этого войти в ее дикие и мрачные дефиле, мужество некоторых из них не выдержало, и они начали роптать.

Недовольство и тревога были настолько велики, что один корпус, состоящий примерно из трех тысяч человек, покинул лагерь и двинулся к своим домам. Наведя справки, Ганнибал обнаружил, что еще десять тысяч человек находятся в таком же состоянии. Все его войска насчитывали более ста тысяч человек. И как, по мнению читателя, поступил бы Ганнибал в такой ситуации? Вернулся бы он в погоню за этими дезертирами, чтобы схватить и уничтожить их для устрашения остальных? Или он отпустил бы их и попытался словами примирения и ободрения утвердить и спасти тех, кто еще остался? Он не сделал ни того, ни другого. Он собрал десять тысяч недовольных, которые все еще оставались в его лагере, и сказал им, что, поскольку они боятся сопровождать его армию или не хотят этого делать, они могут вернуться. Он не хотел, чтобы у него на службе были те, кто не обладает мужеством и стойкостью, чтобы идти вперед, куда бы он ни повел. Он не хотел, чтобы в его армии были слабонервные и робкие. Они были бы только обузой, мешающей мужеству и энергии остальных. Сказав так, он приказал им возвращаться, а сам с остальной армией, чья решимость и пыл удвоились после этого случая, двинулся дальше через горные проходы.

Проницательность Ганнибала.

Этот поступок Ганнибала, разрешившего своим недовольным солдатам вернуться, по своему воздействию на умы воинов, которые шли дальше, был похож на великодушный поступок. Однако мы не должны думать, что он был продиктован духом великодушия. Это была политика. Кажущаяся щедрость в данном случае была именно тем, что требовалось для достижения его целей. Ганнибал был безжалостно жесток во всех случаях, когда, по его мнению, требовалась суровость. От полководца иногда требуется большая проницательность, чтобы понять, когда он должен наказать, а когда разумнее всего простить. Ганнибал, подобно Александру и Наполеону, обладал этой проницательностью в очень высокой степени; и, несомненно, только осуществление этого принципа побудило его действовать в данном случае.

Пиренеи пройдены.

Таким образом, Ганнибал перешел Пиренеи. Следующей трудностью, которую он ожидал, была переправа через реку Рону.

Глава IV.

Переход через Рону.

217 Г. ДО Н.Э.

Ожидаемые трудности.

Разведывательный отряд.

Перейдя Пиренеи, Ганнибал не предвидел новых трудностей, пока не добрался до Роны. Он хорошо знал, что это широкая и быстрая река, и что он должен пересечь ее вблизи устья, где вода глубокая, а берега низкие; кроме того, не исключалось, что римляне, которые шли ему навстречу под командованием Корнелия Сципиона, могли достичь Роны до того, как он туда прибудет, и быть готовыми на берегу оспаривать его переход. Поэтому он послал вперед небольшой отряд, чтобы разведать страну и выбрать путь к Роне, и если там они не встретят трудностей, которые могли бы их задержать, то должны были идти дальше, пока не достигнут Альп, и изучить проходы и дефиле, через которые его армия могла бы лучше всего пересечь эти покрытые снегом горы.

Некоторые племена уменьшились.

Тревога галлов.

Похоже, что до того, как он достиг Пиренеев, то есть пока он находился на испанской стороне, некоторые племена, через территории которых ему предстояло пройти, стали оказывать ему сопротивление, и ему пришлось напасть на них и подчинить силой; а затем, когда он был готов двигаться дальше, он оставил на завоеванных территориях стражу, чтобы держать их в подчинении. Слухи об этом дошли до Галлии. Галлы встревожились за свою безопасность. Они не собирались выступить против Ганнибала, полагая, что он лишь желает безопасно пройти через их страну по пути в Италию; но теперь, когда они узнали из того, что произошло в Испании, что он собирается завоевать страны, которые он пересекает по пути, они встревожились. Схватив оружие, они поспешно собрались в Рускино и стали придумывать меры защиты. Рускино - это то самое место, где римские посольства собрали большой совет галлов по возвращении в Италию из Карфагена.

Альпы.

Трудность их прохождения.

Пока этот великий совет, или, скорее, собрание армий, собирался в Рускино, полный угроз и гнева, Ганнибал находился в Иллиберисе, городе у подножия Пиренейских гор. Похоже, он не опасался, что любое противодействие, которое галлы смогут оказать ему, будет успешным, но его пугала задержка. Ему крайне не хотелось тратить драгоценные месяцы начала лета на борьбу с такими врагами, как они, когда перед ним лежала дорога в Италию. Кроме того, перевалы через Альпы, трудные и трудоемкие в любое время, совершенно неосуществимы только в июле и августе. В любое другое время года они завалены непроходимыми снегами или были таковыми в те времена. В наше время были проложены дороги, прорубленные в скале, а открытые места защищены наклонными крышами, выступающими сверху, над которыми проносятся бури и сходят лавины, не причиняя вреда; так что теперь обычное сообщение между Францией и Италией через Альпы поддерживается в какой-то мере круглый год. Во времена Ганнибала, однако, горы можно было преодолеть только в летние месяцы, и если бы не результат, оправдывающий затею, то

попытка перехода с армией вообще считалась бы непростительным безрассудством и глупостью.

Послание Ганнибала галлам.

Поэтому Ганнибалу нельзя было терять времени, и это обстоятельство делало данный случай одним из тех, в которых вместо вызова и силы требовались терпение и проявление великодушия. Он послал гонцов на совет в Рускино, чтобы в очень любезной и приветливой манере сказать, что желает лично увидеться и посоветоваться с их принцами, и что, если они пожелают, он выдвинется с этой целью в Рускино; или же они могут, если захотят, отправиться к нему в Иллиберис, где он будет ожидать их прибытия. Он пригласил их свободно войти в его лагерь и сказал, что готов, если они согласятся принять его, войти в их лагерь, так как он прибыл в Галлию как друг и союзник и не желает ничего, кроме свободного прохода через их территорию. По его словам, он принял решение, если галлы позволят ему его выполнить, что в его армии не будет извлечено ни одного меча, пока он не войдет в Италию.

Успех его политики.

Тревога и враждебные чувства, преобладавшие среди галлов, были значительно ослаблены этим сообщением. Они разбили свой лагерь и двинулись к Иллиберису. Принцы и высшие офицеры их армий отправились в лагерь Ганнибала и были приняты с самыми высокими знаками отличия и почета. Их нагрозили подарками, и они ушли, очарованные приветливостью, богатством и щедростью своего гостя. Вместо того чтобы противостоять его продвижению, они стали проводниками и проводницами его армии. Сначала они отвезли их в Рускино, который был как бы их столицей, а затем, после небольшой задержки, армия без дальнейших помех двинулась к Роне.

Корнелий Сципион.

Он высаживает свою армию.

Обе армии на Роне.

Тем временем римский консул Сципион, посадив войска, предназначенные для встречи с Ганнибалом, на шестьдесят кораблей в устье Тибра, отплыл к устью Роны. Люди теснились на кораблях, как и положено войскам, перевозимым по морю. Они не могли выйти далеко в море, так как в те времена не было компаса, а в случае шторма или облачного неба нельзя было направить ход плавания иначе, как по суше. Корабли медленно продвигались вдоль берега, то под парусами, то на веслах, и, продержавшись некоторое время, терпя все тяготы и лишения, связанные с таким путешествием - морскую болезнь и заключение такого количества людей в столь узком пространстве, приносящее всевозможные неудобства, - флот вошел в устье Роны. Офицеры даже не подозревали, что Ганнибал уже близко. Они только слышали о том, что он пересек Ибер. Они полагали, что он еще по ту сторону Пиренеев. Они вошли в Рону по первому попавшемуся рукаву - ведь Рона, как и Нил, делится у своего устья и впадает в море несколькими отдельными протоками - и беззаботно плыли до Марселя, полагая, что их враг все еще находится за сотни миль, запутавшись, возможно, в дефиле Пиренеев. Но вместо этого он благополучно расположился лагерем на берегу Роны, на небольшом расстоянии от них, спокойно и хладнокровно принимая меры для ее пересечения.

Исследовательский отряд.

Когда Корнелий вывел своих людей на сушу, они были слишком измотаны болезнями и страданиями, перенесенными во время плавания, чтобы двинуться навстречу Ганнибалу, не имея нескольких дней на отдых и освежение. Однако Корнелий отобрал триста всадников, способных передвигаться, и отправил их вверх по реке на разведку, чтобы узнать о фактах, касающихся Ганнибала, и доложить ему о них. Отправив их, он остался в своем лагере, реорганизовывая и набирая армию, и ожидая возвращения отряда, который он послал на разведку.

Отношение галлов к Ганнибалу.

Хотя Ганнибал до сих пор не встречал серьезного сопротивления в своем продвижении по Галлии, не следует думать, что люди, через чьи территории он проходил, были действительно дружелюбны к его делу или довольны его присутствием среди них. Армия всегда является бременем и проклятием для любой страны, в которую она входит, даже если ее единственной целью является мирный проход. Галлы дружелюбно отнеслись к этому страшному захватчику и его орде только потому, что считали, что так он скорее пройдет и исчезнет. Они были слишком слабы и имели слишком мало средств для сопротивления, чтобы попытаться остановить его, и, как следующее лучшее, что они могли сделать, решили оказать ему любую возможную помощь, чтобы ускорить его продвижение. Такой политики придерживались различные племена, пока он не достиг реки. Однако люди, жившие *на другом берегу* реки, решили, что им лучше сопротивляться. Они были ближе к римским территориям и, следовательно, в большей степени находились под римским влиянием. Они опасались недовольства римлян, если даже пассивно окажут Ганнибалу какое-либо содействие в его замыслах; а поскольку между ними и их врагом была широкая и быстрая река, они считали, что с ее помощью смогут полностью исключить его из своих владений.

Галлы за рекой противостоят проходу Ганнибала.

Так случилось, что, когда Ганнибал подошел к реке, люди на одной стороне стремились содействовать, а на другой - препятствовать его проходу; обе стороны были движимы одним и тем же желанием избавить свою страну от такой напасти, как присутствие девяностотысячной армии; И вот, наконец, Ганнибал стоял на берегу реки, а люди на *его* стороне потока ждали и были готовы предоставить все лодки и суда, какие только могли, и оказать посильную помощь в высадке, в то время как люди на другой стороне были собраны в боевой порядок, ряды за рядами, сверкая оружием, выстроившись так, чтобы охранять каждое место высадки, и усеяв пиками весь берег, а вдали за ними виднелись пики их палаток, в огромном количестве, с развевающимися в воздухе знаменами. Все это время триста всадников, которых отправил Корнелий, медленно и осторожно пробирались вверх по реке от римского лагеря вниз.

Подготовка к переправе через реку.

Строительство лодки.

Некоторое время молча созерцая открывшуюся перед ним картину у реки, Ганнибал приступил к подготовке к переправе. Сначала он собрал все лодки всех видов, которые только можно было достать у галлов, живших на берегу реки. Однако они служили лишь для начала, поэтому он собрал всех рабочих и все инструменты, которыми располагала страна на несколько миль вокруг, и принялся за строительство новых. У галлов того региона был

обычай делать лодки из стволов больших деревьев. Дерево, срубленное и обрезанное до нужной длины, выдолбили топорами и клещами, а затем, перевернув его дном вверх, придали внешнюю форму, чтобы оно легко скользило по воде. Этот способ изготовления лодок настолько удобен, что в тех случаях, когда попадаются достаточно крупные деревья, он применяется и по сей день. Такие лодки теперь называются каное.

Плоты.

На берегах Роны было много больших деревьев. Солдаты Ганнибала наблюдали за работой галлов по изготовлению лодок из них, пока сами не научились этому искусству. Некоторые сначала помогали своим новым союзникам в более легких работах, а затем стали сами валить большие деревья и делать лодки. Другие, менее умелые или более стремительные, предпочитали не дожидаться медленного процесса выдолбления древесины и, соответственно, валили деревья на берегу, отрезали стволы одинаковой длины, клали их бок о бок в воду и скрепляли болтами, чтобы получился плот. Форма и фасон их судна не имели значения, говорили они, поскольку оно предназначалось только для одного перехода. Подойдет любая вещь, лишь бы она плыла и несла свою ношу.

Враги молча смотрят на это.

Тем временем враг на противоположном берегу наблюдал за происходящим, но ничего не мог сделать, чтобы помешать этим операциям. Если бы у них была артиллерия, подобная той, что используется в настоящее время, они могли бы стрелять через реку и разнести лодки и плоты на куски шарами и снарядами так быстро, как только галлы и карфагеняне могли их построить. В самом деле, рабочие не смогли бы построить их под таким обстрелом; но у врага в данном случае не было ничего, кроме копий, стрел и камней, которые можно было метать либо вручную, либо с помощью слишком слабых двигателей, чтобы перебрасывать их через такой поток с каким-либо эффектом. Поэтому они должны были спокойно наблюдать за происходящим и позволить этим великим и грозным приготовлениям к нападению на них продолжаться без перерыва. Их единственной надеждой было завалить армию своими ракетами и предотвратить ее высадку, когда она, наконец, достигнет берега, пытаясь переправиться через реку.

Трудности переправы через реку.

Если армия переправляется через реку без врага, который мог бы противостоять ей, то умеренное количество лодок вполне подойдет, так как часть армии можно перевезти за один раз, а всю постепенно переправить с одного берега на другой путем многократных переездов на одних и тех же средствах передвижения. Но когда на месте высадки находится враг, необходимо предусмотреть средства для переправы очень большого войска за один раз; ведь если бы небольшая дивизия переправлялась сначала одна, она бы только бросилась, слабая и беззащитная, в руки врага. Поэтому Ганнибал ждал, пока у него не появятся лодки, плоты и плавсредства, достаточные для переправы достаточно многочисленного и мощного войска, чтобы атаковать врага с перспективой на успех.

Тактика Ганнибала.

Его стратегема.

Римляне, как мы уже отмечали, говорят, что Ганнибал был хитер. Он, конечно, не был склонен, подобно Александру, полагаться в своих сражениях на простое превосходство в храбрости и силе, но всегда придумывал какую-нибудь хитрость, чтобы увеличить шансы на

победу. Так он поступил и в этом случае. В течение многих дней он устраивал на виду у противника парад и суматоху, строя лодки и плоты, как будто полагался только на множество людей, которых он мог переправить через реку за один раз, и таким образом держал их внимание приковано к этим приготовлениям. Однако все это время у него был еще один план, который находился в процессе исполнения. Он тайно отправил сильный отряд вверх по реке с приказом незаметно пробраться через леса и пересечь реку в нескольких милях выше. Этот отряд должен был отойти от реки, как только пересечет ее, и обрушиться на врага в тылу, чтобы атаковать и преследовать его там в то самое время, когда Ганнибал будет переправляться с основной частью армии. Если им удастся благополучно переправиться через реку, они должны были развести костер в лесу, на другом берегу, чтобы столб дыма, который поднимется от него, послужил Ганнибалу сигналом об их успехе.

Отряд под командованием Ганно.

Успех Ганно.

Сигнал.

Этим отрядом командовал офицер по имени Ганно - конечно, совсем другой человек, нежели великий враг Ганнибала, носивший это имя в Карфагене. Ганно отправился в путь ночью, отойдя от реки, чтобы не попасть в поле зрения галлов на другом берегу. У него было несколько проводников из местных жителей, которые обещали указать ему удобное место для переправы. Отряд прошел вверх по реке около двадцати пяти миль. Здесь они нашли место, где вода разливалась на большую ширину, где течение было менее быстрым, а вода не такой глубокой. Они добрались до этого места в тишине и тайне, так как их враги внизу не подозревали о подобном замысле. Так как им некому было противостоять, они смогли переправиться гораздо легче, чем основная армия внизу. Они сделали несколько плотов, чтобы перевезти тех, кто не умел плавать, и военное снаряжение, которое могло пострадать от сырости. Остальные перешли вброд, пока не достигли канала, а затем поплыли, частично опираясь на свои пряжки, которые они положили под тело в воде. Таким образом, все они благополучно переправились. Они сделали дневную паузу, чтобы высушить одежду и отдохнуть, а затем осторожно двинулись вниз по реке, пока не оказались достаточно близко к позиции Ганнибала, чтобы их сигнал был замечен. Тогда развели костер и с ликованием смотрели на столб дыма, поднимавшийся от него высоко в воздух.

Переход реки.

Ганнибал увидел сигнал и немедленно приготовился к переправе со своей армией. Всадники сели в лодки, держа лошадей на привязи, чтобы они могли плыть вместе с лодками. Других лошадей, с уздечками и упряжью, посадили в большие плоскодонные лодки, чтобы переправить их сухими, чтобы они были готовы к службе в момент высадки. Разумеется, для первого перехода была отобрана самая бодрая и боеспособная часть армии, а все те, кто по каким-либо причинам был слаб или немощен, остались позади, вместе с запасами и военным снаряжением, чтобы перевезти их потом, когда первый переход будет осуществлен. Все это время враги на противоположном берегу приводили свои ряды в порядок и готовились к яростному нападению на захватчиков, как только те подойдут к суше.

Сцена смятения.

Нападение Ганно.

Бегство галлов.

Пока люди высаживались на берег и отплывали от суши, царили тишина и порядок, но по мере продвижения по течению громкие команды, крики и возмущения становились все громче, а быстрота течения и вихри, в которых лодки и плоты торопились вниз по течению, то

сталкивались друг с другом, вскоре привели к ужасающей сцене беспорядка и смятения. Как только первые лодки приблизились к суше, галлы, собравшиеся противостоять им, обрушили на них ливень снарядов и неземные крики, которые варварские воины всегда поднимают, вступая в бой, чтобы и возбудить себя, и утратить врага. Офицеры Ганнибала подгоняли лодки и старались, насколько это было возможно, хладнокровно и обдуманно произвести высадку. Неизвестно, чем бы закончилось это сражение, если бы не отряд под командованием Ганно, который внезапно вступил в бой. В то время как галлы, пытаясь отеснить карфагенян от берега, находились в апогее своего возбуждения, они были поражены, услышав позади себя крики и вопли врага, и, оглянувшись, увидели, что из зарослей на них с ужасающей стремительностью и силой надвигаются войска Ганнона. Армии очень трудно одновременно сражаться и впереди, и в тылу. Галлы после непродолжительной борьбы оставили попытки противостоять высадке Ганнибала. Они бежали вниз по реке и вернулись в глубь страны, оставив Ганно в надежном владении берега, а Ганнибал со своими войсками в свое удовольствие поднялся из воды, найдя друзей, а не врагов, чтобы принять их.

Перевозка слонов.

Способ перевозки.

Остальную часть армии вместе с военными запасами и боеприпасами нужно было перевезти, и это удалось сделать без особого труда, так как теперь не было врага, который мог бы помешать их действиям. Однако была одна часть войска, которая вызвала некоторые проблемы и задержки. Это была часть армии, состоящая из слонов. Как переправить этих громоздких животных через столь широкую и быструю реку, было вопросом не из легких. Существуют различные рассказы о том, как Ганнибал справился с этой задачей, из которых следует, что использовались разные методы. Один из них заключался в следующем: смотритель слонов выбирал одного, более энергичного и вспыльчивого, чем остальные, и придумывал, как его дразнить и мучить, чтобы он разозлился. Слон направился к своему хозяину с поднятым хоботом, чтобы отомстить. Смотритель убежал; слон погнался за ним, за ним последовали другие слоны стада, как это принято у животных в таких случаях. Смотритель бросился в воду, чтобы скрыться от преследователя, а слон и большая часть стада устремились за ним. Человек заплыл в канал, и слоны, не успев проверить себя, обнаружили, что находятся за пределами своей глубины. Некоторые поплыли за сторожем и переплыли реку, где их легко было спасти. Другие, испугавшись, отдались на волю течения и поплыли вниз, беспомощно сопротивляясь, пока наконец не сели на мелководье или точку суши, откуда снова выбрались на берег, одни по одну сторону потока, другие по другую.

Новый план.

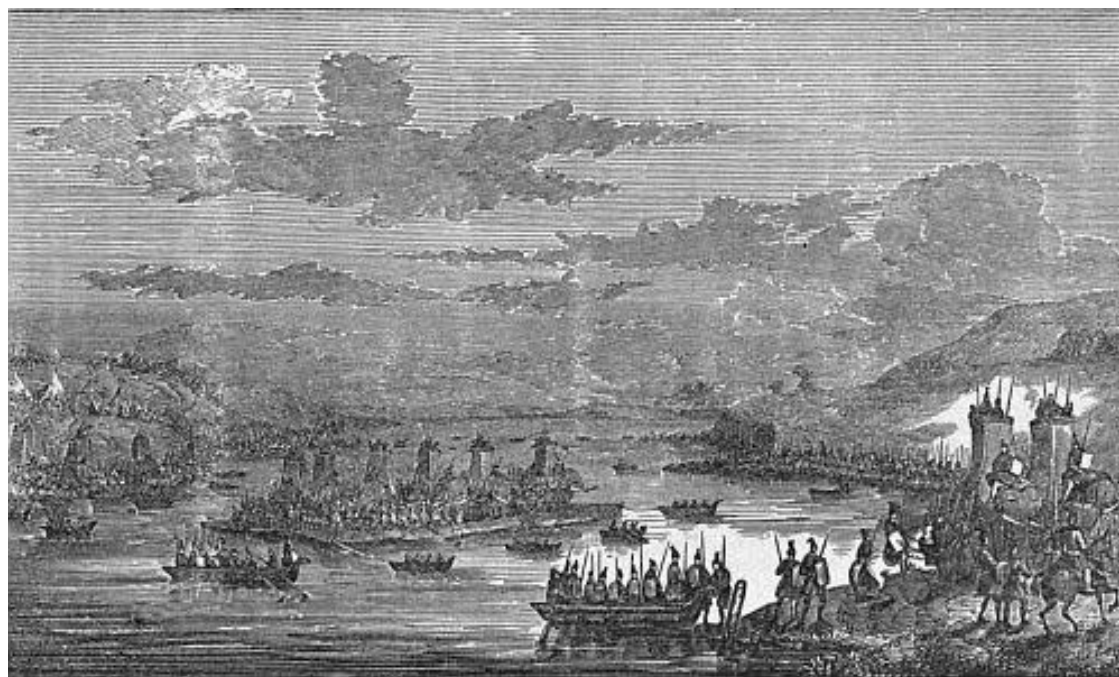
Огромные плоты.

Этот план удался лишь частично, и Ганнибал придумал более эффективный способ для оставшейся части отряда. Он построил огромный плот, подплыл на нем к берегу, надежно закрепил его и обложил землей, дерном и кустарником так, чтобы он напоминал выступ земли. Затем он соорудил второй плот такого же размера, подвел его к внешнему краю другого, закрепил на нем временное соединение, укрыл и спрятал так же, как и первый. Первый из этих плотов находился на расстоянии двухсот футов от берега и был шириной пятьдесят футов. Второй, то есть внешний, был лишь немного меньше. Тогда солдаты придумали заманить слонов на внешний плот и перебраться на него, причем животные воображали, что не покидали суши. После этого два плота были отсоединены друг от друга, и

внешний плот начал двигаться со своими громоздкими пассажирами по воде, буксируемый несколькими лодками, которые были заранее прикреплены к его внешнему краю.

Слоны благополучно переправились.

Как только слоны заметили движение, их охватила тревога, и они тут же начали тревожно оглядываться то в одну, то в другую сторону и тесниться к краям уносящего их плота. Оказавшись зажатыми водой со всех сторон, они были напуганы и впали в смятение. Некоторых оттеснило в реку, и они плыли по течению, пока не высадились на берег. Остальные вскоре успокоились и позволили спокойно переправить себя через реку, когда обнаружили, что все надежды на бегство и сопротивление были одинаково тщетны.

Слоны

переправляются через Рону.

Разведывательные партии.

Отряды встречаются.

Происходит сражение.

Тем временем, пока происходили эти события, отряд из трехсот человек, который Сципион отправил вверх по реке, чтобы узнать, какие вести он может получить от карфагенян, медленно продвигался к месту переправы Ганнибала; и случилось так, что Ганнибал отправил вниз отряд из пятисот человек, когда только достиг реки, чтобы узнать, могут ли они получить какие-либо вести о римлянах. Ни одна из армий даже не подозревала, насколько близко они находятся друг к другу. Два отряда встретились на пути внезапно и неожиданно. Их послали на разведку, а не воевать; но поскольку они были почти равны по силам, каждый из них жаждал славы, чтобы захватить другого и привести его в плен в свой лагерь. Они сражались долго и кроваво. Было убито огромное количество людей, причем примерно в одинаковой пропорции с обеих сторон. Римляне говорят, что они победили. Мы не знаем, что сказали карфагеняне, но, поскольку обе стороны отступили с поля боя и вернулись в свои лагеря, можно с уверенностью предположить, что ни одна из сторон не могла похвастаться решающей победой.

Глава V.

Ганнибал переходит Альпы.

217 г. до н. э.

Альпы.

Тому, кто не видел горных пейзажей, подобных тем, что представляют собой Альпы, трудно составить четкое представление об их великолепии и величии. Ганнибал никогда не видел Альп, но мир тогда, как и сейчас, был наполнен их славой.

Их возвышенность и величие.

Вечный холод в верхних слоях атмосферы.

Некоторые из главных черт возвышенности и величия, которые демонстрируют эти горы, в основном обусловлены вечным холодом, царящим на их вершинах. Это объясняется просто их высотой. В любой части Земли, когда мы поднимаемся от поверхности земли в атмосферу, она по какой-то таинственной причине становится все более и более холодной по мере нашего подъема, так что над нашими головами, где бы мы ни находились, на расстоянии двух или трех миль царит сильный и вечный холод. Это верно не только в прохладных и умеренных широтах, но и в самых жарких регионах земного шара. Если бы мы поднялись на воздушном шаре на Борнео в полдень, когда палящее солнце тропиков находилось прямо над нашими головами, на высоту пяти или шести миль, мы бы обнаружили, что, хотя мы все время двигались ближе к солнцу, его лучи постепенно потеряли бы всю свою силу. Они падают на нас так же ярко, как и раньше, но их тепло исчезает. Они были бы похожи на лунные лучи, и нас окружала бы атмосфера, такая же морозная, как у айсбергов фригидной зоны.

Именно из этого региона вечного холода в разгар лета на нас обрушиваются градины, и там же постоянно образуется и падает снег; но легкие и ворсистые хлопья тают, не долетая до земли, так что, хотя град обладает такой твердостью и силой, что пробивает себе путь, снег растворяется и падает на нас в виде прохладного и освежающего дождя. Дождь охлаждает воздух вокруг нас и землю, потому что он исходит из более прохладных областей воздуха.

Так уж сложилось, что не только вершины, но и обширные участки верхних склонов Альп попадают в область вечной зимы. Разумеется, там постоянно скапливается лед, а образующийся снег падает на землю в виде снега и скапливается в огромных и постоянных запасах. Вершина горы Блан покрыта слоем снега огромной толщины, который является почти таким же постоянным геологическим слоем горы, как и гранит, лежащий под ним.

Лавины.

Их страшная сила.

Разумеется, в зимние месяцы вся страна Альп, как долины, так и холмы, покрыта снегом. Весной снег тает в долинах и на равнинах, а выше становится влажным и тяжелым от частичного таяния и сползает вниз по склонам в виде огромных лавин, которые иногда достигают такой огромной величины и сходят с такой несокрушимой силой, что обрушивают

на землю, камни и даже деревья леса. Однако на более высоких склонах и на всех округлых вершинах снег все еще держится за свое место, уступая слабым лучам солнца даже в июле.

Ледники.

Движение льда.

В высоких Альпах есть обширные овраги и долины, в которых скапливается снег, сгоняемый в них ветрами и бурями зимой и сползающий в них большими лавинами весной. Эти огромные хранилища снега превращаются в лед под поверхностью; ведь на поверхности происходит непрерывное таяние, и вода, стекая вниз через массу, замерзает внизу. Так возникают долины, или скорее овраги, некоторые из них шириной в две или три мили и длиной в десять или пятнадцать миль, заполненные льдом, прозрачным, твердым и голубым, глубиной в сотни футов. Они называются *ледниками*. И что самое удивительное в этих ледяных скоплениях, так это то, что, хотя лед совершенно компактный и твердый, вся масса постоянно находится в состоянии медленного движения вниз по долине, в которой она лежит, со скоростью около фута за двадцать четыре часа. Если встать на поверхность и внимательно прислушаться, то время от времени можно услышать скрежещущий звук. Камни, лежащие по сторонам, раздроблены, они постоянно движутся друг относительно друга и падают; кроме того, что является более прямым и положительным доказательством движения массы, на льду можно поставить метку, как это часто делалось, и сделать соответствующие метки на твердых камнях по обе стороны долины, и таким образом полностью установить факт движения и его точную скорость.

Расщелины и пропасти.

Таким образом, эти долины действительно и буквально являются ледяными реками, поднимающимися среди вершин гор и текущими, медленно, правда, но с непрерывным и определенным течением, к своего рода устью в какой-нибудь большой и открытой долине внизу. Здесь потоки, стекавшие по поверхности сверху и спускавшиеся в массу через бесчисленные расщелины и пропасти, в которые с ужасом заглядывает путешественник, концентрируются и вырываются из-под льда в виде мутного потока, который вырывается из огромной арки, образовавшейся в результате обрушения масс, которые вода подрывала. Этот нижний конец ледника иногда представляет собой перпендикулярную стену высотой в сотни футов; иногда он теснится в плодородной долине, продвигаясь в необычайно холодное лето в возделанную страну, где, медленно продвигаясь, он вспахивает землю, уносит сады и поля и даже изгоняет жителей из деревень, которым он угрожает. Если следующее лето оказывается теплым, страшный монстр медленно откидывает свою фригидную голову, и жители возвращаются на землю, которую он неохотно покидает, и пытаются восстановить нанесенный им ущерб.

Положение Альп.

Дороги через Альпы.

Альпы лежат между Францией и Италией, а великие долины и горные хребты расположены в таком направлении, что их необходимо *пересекать*, чтобы попасть из одной страны в другую. Однако эти хребты не являются регулярными. Их пересекают бесчисленные расщелины, трещины и овраги; в одних местах они поднимаются огромными округлыми вершинами и вздымаются, покрытые полями безупречного снега; в других возвышаются высокими, похожими на иглы пиками, которые не под силу преодолеть даже серне, и где едва ли найдется место для отдыха хоть одной снежной чешуйке. Вокруг и среди этих пиков и вершин, через эти страшные дефиле и пропасти, дороги извиваются и поворачивают, зигзагообразно и постоянно поднимаясь вверх, ползут вдоль самых страшных обрывов, то

под ними, то на краю, проникают в самые темные и мрачные дефиле, обходя самые бурные и пенящиеся потоки, и наконец, возможно, выйдя на поверхность ледника, затеряться в бескрайних полях льда и снега, где бесчисленные ручьи бегут по стеклянным руслам, а расщелины зияют, готовые воспользоваться любым промахом, который позволит им увлечь путешественника в свои бездонные пропасти.

Возвышенные пейзажи.

Красота альпийских пейзажей.

Живописные пейзажи.

И все же, несмотря на ужасающее запустение, царящее в верхних районах Альп, нижние долины, через которые ручьи в конце концов выходят на открытые равнины и по которым путешественник попадает к возвышенным сценам верхних гор, невыразимо зеленеют и прекрасны. Они оплодотворены отложениями постоянных наводнений ранней весной, а летом солнце бьет в них с благодатным теплом, которое приносит миллионы цветов самых красивых форм и расцветок, и быстро созревают самые широкие и богатые поля зерновых. Коттеджи всех живописных и красивых форм, в которых живут земледельцы, пастухи и скотоводы, венчают каждую небольшую выпуклость на дне долины и прижимаются к склонам гор, возвышающихся по обе стороны. Над ними вздымаются вечные леса елей и сосен, укрывая своей мрачной листвой самые крутые и скалистые склоны. Еще выше возвышаются серые обрывы, шпили и пинакли, гораздо более величественные и живописные, если не сказать симметричные, чем те, что построены человеком. Между ними то тут, то там на заднем плане виднеются огромные вздымающиеся массы белого и ослепительного снега, которые венчают вершины более высоких гор за горами.

Ганнибал решает пересечь Альпы.

Решение Ганнибала провести армию в Италию через Альпы, а не перевозить ее на галерах по морю, всегда считалось одним из величайших начинаний древних времен. Некоторое время он колебался, идти ли ему вниз по Роне, встретиться и дать бой Сципиону или оставить римскую армию на произвол судьбы, а самому направиться прямо к Альпам и Италии. Офицеры и солдаты армии, которые теперь кое-что узнали о своем предназначении и планах своего предводителя, хотели идти навстречу римлянам. Они боялись Альп. Они были готовы столкнуться с военным противником, каким бы грозным он ни был, потому что это была опасность, к которой они привыкли и которую могли понять; но их воображение было потрясено новыми и ужасными образами падения с обрывов скал или постепенного замерзания, а во время этого процесса они будут погребены полуживыми в вечных снегах.

Речь Ганнибала к своей армии.

Обнаружив, что его солдаты боятся идти дальше, Ганнибал собрал передовые части своей армии и обратился к ним с речью. Он упрекнул их в том, что они поддаются недостойным страхам после того, как успешно встретили и победили такие опасности, которым они уже подвергались. "Вы преодолели Пиренеи, - сказал он, - вы перешли Рону. Теперь вы фактически находитесь в виду Альп, которые являются теми самыми воротами, через которые можно попасть в страну врага. Что вы представляете себе Альпы? В конце концов, это всего лишь высокие горы. Пусть они выше Пиренеев, но они не достигают небес; а раз так, то они не могут быть непреодолимыми. Их преодолевают, фактически, каждый день; они даже заселены и возделаны, и путешественники постоянно проезжают по ним туда и обратно. И то, что может сделать один человек, может сделать целая армия, ведь армия - это всего лишь большое количество одиноких людей. В самом деле, для солдата, у которого нет

с собой ничего, кроме орудий войны, ни один путь не может быть слишком трудным, чтобы его преодолели мужество и энергия".

Его последствия.

Его армия следует за ним.

Закончив речь, Ганнибал, найдя своих людей оживленными и воодушевленными сказанным, приказал им отправиться в свои палатки, освежиться и готовиться к походу на следующий день. Они больше не возражали против продолжения похода. Ганнибал, однако, не стал сразу же двигаться прямо к Альпам. Он не знал, каковы могут быть планы Сципиона, который, как следует помнить, находился ниже его, на Роне, с римской армией. Он не хотел тратить время и силы на поединок со Сципионом в Галлии, а хотел как можно скорее переправиться через Альпы в Италию. Поэтому, опасаясь, как бы Сципион не нанес удар через всю страну и не перехватил его, если он попытается идти самым прямым путем, он решил двигаться на север, вверх по реке Роне, пока не проникнет в глубь страны, чтобы в конце концов добраться до Альп более кружным путем.

Сципион движется за Ганнибалом.

Печальные остатки.

На самом деле Сципион планировал как можно скорее настигнуть Ганнибала и напасть на него; поэтому, как только его всадники, вернее, те, кто остался в живых после битвы, вернулись и сообщили ему, что Ганнибал и его армия уже близко, он разбил свой лагерь и быстро двинулся вверх по реке. Он прибыл к месту, где карфагеняне переправились через несколько дней после их ухода. Место было в ужасном состоянии разрухи и смятения. Трава и травяной покров были вытоптаны на протяжении миль, и по всему пространству виднелись черные и дымящиеся останки, где были разожжены костры. Верхушки и ветви деревьев валялись повсюду, их листья увядали на солнце, а рощи и леса были завалены сучьями, отброшенными стволами и деревьями, срубленными и брошенными там, где они лежали. Вдоль берега тянулись развалины лодок и плотов, потерянное или брошенное оружие, тела тех, кто утонул во время переправы или был убит в схватке на берегу. Эти и другие многочисленные следы остались, но армия ушла.

Сципион в недоумении.

Он отплывает обратно в Италию.

Однако на земле стояли группы туземцев и других гостей, пришедших посмотреть на место, которому суждено было стать столь памятным в истории. От них Сципион узнал, когда и куда ушел Ганнибал. Он решил, что бесполезно пытаться преследовать его. Он был в большом недоумении, не зная, что делать. В результате жеребьевки ему досталась Испания, но теперь, когда великий враг, с которым он собирался встретиться, совсем покинул Испанию, единственной надеждой пресечь его продвижение было отплыть назад в Италию и встретить его, когда он спустится с Альп в великую долину По. Тем не менее, поскольку Испания была определена ему в качестве его провинции, он не мог полностью отказаться от нее. Поэтому он направил большую часть своей армии в Испанию, чтобы атаковать оставленные там силы Ганнибала, а сам с меньшими силами спустился к морскому побережью и отплыл обратно в Италию. Он рассчитывал найти в долине По римские войска, которые, как он надеялся, будут достаточно сильны, чтобы встретить Ганнибала, когда тот спустится с гор, если ему удастся перебраться через них.

Ганнибал приближается к Альпам.

Тем временем Ганнибал шел дальше, все ближе и ближе приближаясь к снежным вершинам, которые его солдаты уже много дней видели на восточном горизонте. Эти хребты выглядели очень эффектно и величественно, когда солнце садилось на западе, ведь тогда оно светило прямо на них. По мере того как армия приближалась к ним, они постепенно скрывались из виду и исчезали, будучи скрытыми соседними вершинами, менее высокими, но более близкими. Однако когда солдаты пошли дальше и стали проникать в долины, приближаться к страшным пропастям и обрывам среди гор и увидели низвергающиеся с них мутные потоки, их страх возродился. Однако отступать было уже поздно. Они шли вперед, непрерывно поднимаясь вверх, пока их дорога не стала крайне обрывистой и небезопасной, прокладывая себе путь через почти непроходимые дефиле, с нависающими над ними суровыми скалами и возвышающимися вокруг снежными вершинами.

Опасное дефиле.

Армия разбивает лагерь.

Наконец они подошли к узкому дефиле, через которое нужно было обязательно пройти, но которое охранялось большими группами вооруженных людей, собравшихся на скалах и обрывах, готовых бросить в них камни и оружие всех видов, если они попытаются пройти. Армия остановилась. Ганнибал приказал им расположиться лагерем на месте, пока он не решит, что делать. В течение дня он узнал, что горцы не остаются на своих возвышенных постах на ночь из-за сильного холода и опасности, зная также, что для армии будет невозможно преодолеть такой перевал, который они пытаются охранять, без дневного света, чтобы направлять их, так как дорога, или, скорее, тропа, проходящая через эти дефиле, в целом повторяет русло горного потока, который течет через череду страшных оврагов и пропастей, и часто проходит по полке или выступу скалы, в сотнях, а иногда и тысячах футов от русла потока, который пенится и ревет далеко внизу. Разумеется, без дневного света невозможно надеяться на безопасное прохождение такого маршрута.

Горцы.

Стратегема Ганнибала.

Поэтому горцы, зная, что нет необходимости охранять перевал ночью - его страшная опасность сама по себе является достаточной защитой, - привыкли вечером расходиться и спускаться в места, где они могли найти убежище и отдых, а утром возвращаться и снова нести вахту. Узнав об этом, Ганнибал решил опередить их, чтобы на следующий день на скалы, а чтобы у них не возникло никаких подозрений относительно его замысла, он притворился, что делает все приготовления для ночного лагеря на занятой им земле. Соответственно, он поставил еще больше палаток, развел к вечеру множество костров и начал некоторые приготовления, указывающие на то, что на следующий день он намерен пробиться через перевал. Он выдвинул сильный отряд к месту, расположенному недалеко от входа в перевал, и занял там укрепленную позицию, как будто хотел, чтобы все они были готовы к наступлению, когда наступит подходящий момент на следующий день.

Успех.

Удивление горцев.

Горцы, видя все эти приготовления, предвкушали конфликт на следующий день и ночью, как обычно, покинули свои позиции, чтобы спуститься в укрытия. Однако на следующее утро, когда они с раннего утра начали подниматься на них, то с удивлением обнаружили, что все высокие скалы, утесы и выступы, нависающие над перевалом, покрыты карфагенянами.

Ганнибал с раннего рассвета поднял сильные отряды своих людей и повел их по крутому подъему к тем местам, которые оставили горцы, чтобы оказаться там раньше них. Горцы остановились, пораженные этим зрелищем, и их разочарование и ярость значительно усилились, когда они посмотрели вниз, в долину, и увидели там остатки карфагенской армии, спокойно продвигающиеся через перевал в длинном обозе, не подвергаясь никакому нападению, поскольку друзья, а не враги, теперь владели скалами наверху.

Страшный конфликт в дефиле.
Нападение Ганнибала.

Горцы не смогли сдержать чувства досады и гнева, но тут же бросились вниз по склонам, на которые они частично поднялись, и атаковали армию в дефиле. Последовала ужасная сцена борьбы и смятения. Некоторые были убиты оружием или скатившимися на них камнями. Другие, сражаясь вместе и отчаянно сопротивляясь в местах с очень узкой опорой, падали вниз головой с изрезанных скал в поток внизу; а лошади, нагруженные багажом и запасами, становились испуганными и неуправляемыми и теснили друг друга на самых страшных обрывах. Ганнибал, находившийся наверху, на высоких скалах, некоторое время смотрел на эту сцену с величайшей тревогой и ужасом. Он не решался спуститься вниз и принять участие в драке, опасаясь усилить смятение. Однако вскоре он убедился, что вмешательство его абсолютно необходимо, и как можно быстрее спустился вниз со своим отрядом. Они спускались по косым и зигзагообразным тропам, где только могли закрепиться среди скал, и с яростью атаковали горцев. В результате, как он и опасался, поначалу смятение и резня только усилились. Лошади все больше и больше пугались от новой энергии боя, от громких криков и воплей, которые становились вдвойне ужаснее от эха и отголосков гор. Они теснились друг к другу и падали, лошади и люди вместе, массами, с обрывов на скалы внизу, где лежали в беспорядке, одни мертвые, другие умирающие, беспомощно корчась в агонии или тщетно пытаясь поползти.

Горцы побеждены.
Армия останавливается, чтобы подкрепиться.

Однако горцы были наконец побеждены и отброшены, а перевал остался свободным. Карфагенская колонна была приведена в порядок. Лошадей, которые не пали, успокоили и утихомирили. Брошенный на землю багаж был собран, а раненых уложили на грубо сооруженные на месте подстилки, чтобы их можно было донести до безопасного места. Через некоторое время все были готовы двигаться дальше, и марш был возобновлен. Больше никаких трудностей не возникло. Колонна продвигалась спокойно и организованно, пока не миновала дефиле. На его краю они подошли к просторному форту, принадлежащему туземцам. Ганнибал занял этот форт и остановился там на некоторое время, чтобы отдохнуть и подкрепиться.

Нехватка продовольствия.

Одна из самых больших трудностей, с которой сталкивается генерал, проводя армию по трудным и опасным дорогам, - это обеспечение ее продовольствием. Армия может перевозить свою еду лишь на очень небольшой путь. Люди, идущие по ровным дорогам, могут нести с собой провизию только на несколько дней, а там, где дороги такие трудные и опасные, как перевалы в Альпах, они едва ли смогут унести хоть что-то. Соответственно, полководец должен искать пропитание в стране, через которую проходит его поход. Поэтому Ганнибалу теперь приходилось не только заботиться о безопасности своих людей, но и о том, чтобы их продовольствие было на исходе, и он должен был немедленно принять меры для его пополнения.

Стада и отары на горах.

Нижние склоны высоких гор обычно дают обильную пищу для отар и стад. Постоянно выпадающие ливни и влага, стекающая по склонам гор через землю, делают дерн вечно зеленым, и овцы и скот любят пастись на нем; они забираются на большие высоты, находя траву более тонкой и сладкой, чем выше они поднимаются. Поэтому жители горных массивов почти всегда пастухи и скотоводы. В долинах внизу можно выращивать зерно, но склоны гор, хотя и дают траву в совершенстве, слишком круты, чтобы их можно было обрабатывать.

Кормовые отряды.

Как только Ганнибал закрепился в форте, он разослал небольшие отряды людей, чтобы те захватили и увезли весь скот и овец, которые смогли найти. Эти люди, разумеется, были вооружены, чтобы быть готовыми к любому сопротивлению, которое они могли встретить. Горцы, однако, не пытались оказать им сопротивление. Они чувствовали, что побеждены, и, соответственно, были удручены и обескуражены. Единственный способ спасти свой скот, который им оставался, - это загнать его как можно быстрее в укромные и недоступные места. Они попытались это сделать, и пока отряды Ганнибала рыскали по окрестным долинам, осматривая все поля, сараи и овчарни, какие только могли найти, несчастные и отчаявшиеся жители разбегались во все стороны, загоняя коров и овец, от которых зависела вся их надежда на пропитание, в укрытия гор. Они гнали их в дикие заросли, в темные овраги и пропасти, через опасные ледники и по самым крутым подъемам, везде, где только можно было укрыться от грабителей.

Сбор скота.

Однако эти попытки спасти свое небольшое имущество увенчались лишь частичным успехом. Мародерские отряды Ганнибала один за другим возвращались домой, ведя за собой толпы овец и крупного рогатого скота, некоторые побольше, некоторые поменьше, но в целом составляя огромное количество. На добытой таким образом пище Ганнибал продержался три дня. Чтобы прокормить девяносто или сто тысяч человек даже в течение трех дней, нужен огромный запас; кроме того, во всех подобных случаях армия всегда тратит и уничтожает гораздо больше, чем потребляет на самом деле.

Продвижение армии.

В течение этих трех дней армия не стояла на месте, а медленно продвигалась вперед. Путь, хотя все еще трудный и опасный, был, по крайней мере, открыт, так как теперь не было врага, который мог бы оспаривать их проход. Так они и шли, радуясь обильным припасам и двойной победе - над враждебностью людей и физическими опасностями и трудностями пути. Бедные горцы вернулись в свои хижины разоренными и опустошенными, ибо горцы, потерявшие своих коров и овец, потеряли все.

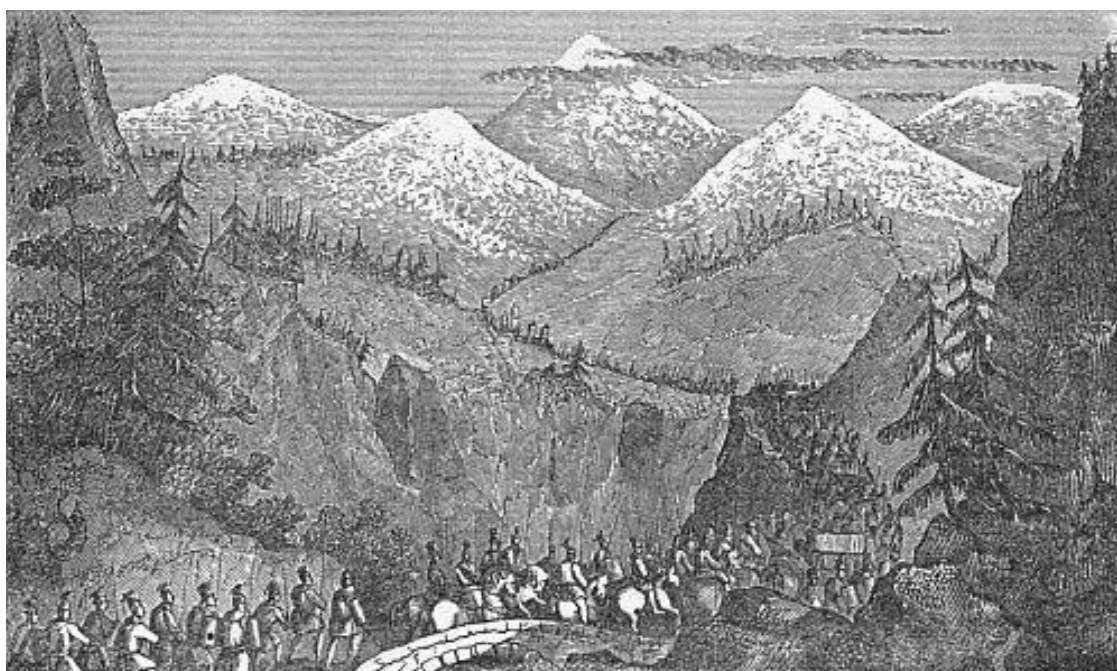
Кантоны.

Посольство.

Заложники.

Альпы - это не все, что находится в Швейцарии. Некоторые из самых знаменитых вершин и хребтов находятся в соседнем государстве под названием Савойя. Вся страна, по сути, разделена на небольшие государства, называемые в наши дни *кантонами*; похоже, что подобное политическое деление существовало и во времена римлян. Продвигаясь вперед от уже описанного перевала, Ганнибал, соответственно, вскоре приблизился к границам

другого кантона. Когда он медленно продвигался в него, с длинным обозом своей армии, петляющим по долинам, на границах этого нового государства его встретило посольство, присланное от его правительства. Они привезли с собой свежие запасы провизии и несколько проводников. Они сказали, что слышали о страшных разрушениях, постигших другой кантон в результате их попыток противостоять его продвижению, и что они не намерены возобновлять столь тщетные попытки. Поэтому, по их словам, они пришли предложить Ганнибалу свою дружбу и помощь. Они взяли с собой проводников, чтобы показать армии лучший путь через горы, и подарок с провизией; а чтобы доказать искренность своих слов, они предложили Ганнибалу заложников. Заложниками были юноши и мальчики, сыновья главных жителей, которых они предложили отдать во власть Ганнибала и держать у себя до тех пор, пока он не убедится в их верности и правдивости в выполнении того, что они предложили.

Ганнибал на

Альпах.

Подозрения Ганнибала.

Ганнибал настолько привык к хитрости и вероломству, что поначалу не мог понять, были ли эти предложения и признания честными и искренними, или же они были сделаны только для того, чтобы вывести его из равновесия. Он подумал, что, возможно, они хотели склонить его к тому, чтобы он отдал себя под их руководство, чтобы они завели его в какое-нибудь опасное ущелье или лабиринт скал, откуда он не сможет выбраться, и где они смогут напасть на него и уничтожить. Однако он решил дать им положительный ответ, но следить за ними очень внимательно и действовать под их руководством с величайшей осторожностью и осмотрительностью. Он принял предложенную ими провизию и взял заложников. Последних он передал на попечение солдат, и они двинулись в путь вместе с остальной армией. Затем, велел новым проводникам идти впереди, армия двинулась за ними. Слоны шли первыми, а за ними следовали и сопровождали их умеренные силы для охраны. Затем шли длинные поезда лошадей и мулов, нагруженные военными запасами и багажом, и, наконец, пешие солдаты, шедшие нестройной длинной колонной. Весь обоз растянулся на многие мили и, должно быть, выглядел из-за любой возвышенности вокруг, как огромная змея, извилисто прокладывающая себе путь через дикие и пустынные долины.

Вероломство горцев.
Они нападают на Ганнибала.
Слоны.

Ганнибал оказался прав в своих подозрениях. Посольство было хитростью. Люди, пославшие его, устроили засаду в очень узком проходе, спрятав свои силы в зарослях, в расщелинах, в укромных уголках среди скал, и когда проводники повели армию навстречу опасности, раздался внезапный сигнал, и эти скрытые враги бросились на них в огромном количестве, ворвались в их ряды, и возобновили сцену ужасного шума, беспорядка и разрушений, которые наблюдались в другом дефиле. Можно было подумать, что слоны, такие громоздкие и беспомощные в этой сцене, станут первыми объектами нападения. Но это было не так. Горцы боялись их. Они никогда раньше не видели таких животных и испытывали к ним таинственный трепет, не зная, какой страшной силы можно ожидать от этих огромных зверей. Поэтому они держались в стороне от них и от всадников и наседали на голову колонны пеших воинов, которая следовала сзади.

Армия Ганнибала разделилась.

Первое наступление было весьма успешным. Они прорвались через голову колонны и отбросили остальных назад. Лошади и слоны тем временем продвигались вперед, неся с собой багаж, так что вскоре две части армии оказались полностью разделены. Ганнибал остался позади с солдатами. Горцы укрепили свои позиции, и с наступлением ночи поединок прекратился, поскольку в таких диких местах, как эти, никто не может двигаться иначе, как при свете дня. Горцы, однако, остались на своих местах, разделив армию, а Ганнибал продолжал оставаться в течение ночи в состоянии большого напряжения и тревоги, так как слоны и багаж были отделены от него и, очевидно, находились во власти врага.

Ганнибал нападает на горцев.
Они затрудняют его поход.

В течение ночи он вел энергичные приготовления к нападению на горцев на следующий день. Как только забрезжил утренний свет, предпринял атаку, и ему удалось оттеснить врага, по крайней мере, настолько, что он смог снова собрать свою армию. Затем он снова начал продвигаться вперед. Горцы, однако, вились вокруг его пути и делали все возможное, чтобы помешать и затруднить его продвижение. Они прятались в засадах и нападали на карфагенян, когда те проходили мимо. Они сбрасывали на них камни или выпускали копья и стрелы с возвышенностей; а если кто-то из армии Ганнибала по какой-то причине отрывался от остальных, они отрезали им путь к отступлению, а затем брали их в плен или уничтожали. Таким образом, они доставили Ганнибалу немало хлопот. Они постоянно преследовали его на марше, не представляя ни в одном месте сил, которые он мог бы встретить и сойтись в бою. Разумеется, Ганнибал не мог больше полагаться на своих проводников и был вынужден прокладывать свой путь как попало, иногда правильно, но часто ошибаясь, подвергаясь тысяче трудностей и опасностей, которых знакомые со страной люди могли бы легко избежать. Все это время горцы непрерывно нападали на него группами, подобно разбойникам, то в хвосте, то в тылу, везде, где природа местности или обстоятельства марширующей армии предоставляли им возможность.

Неукротимое упорство Ганнибала.

Однако Ганнибал упорно преодолевал все эти препятствия, защищая своих людей, насколько это было в его силах, но упорно продвигаясь вперед, пока через девять дней не достиг вершины. Под вершиной, однако, подразумевается не вершина гор, а вершина *перевала*, то есть самая высокая точка, которую ему необходимо было преодолеть. Во всех горных хребтах есть впадины, которые в Швейцарии называют *шеями*, [A] и в них всегда пролегают тропы и дороги через хребты. В Америке такое углубление в горном хребте, если оно хорошо обозначено и решено, называется *выемкой*. Ганнибал достиг высшей точки *хребта*, через который ему предстояло пройти, через девять дней после великой битвы. Однако, конечно же, далеко над ним возвышались высокие пики и вершины.

Он разбивает лагерь.

Возвращение разрозненных отрядов.

Он остановился здесь на два дня, чтобы отдохнуть и подкрепиться. Враг больше не досаждал ему. Более того, в лагерь постоянно прибывали отряды людей и лошадей, которые заблудились или были оставлены в долинах внизу. Они прибывали медленно, некоторые из них были ранены, другие измотаны и измучены усталостью и облучением. В некоторых случаях лошади приходили в одиночку. Это были лошади, которые поскользнулись или споткнулись, упали среди камней или упали, измученные работой, и были оставлены позади, а затем, восстановив силы, пошли дальше, ведомые странным инстинктом придерживаться следов, которые проложили их товарищи, и таким образом они наконец благополучно вернулись в лагерь.

Унылый пейзаж вершины.

Бури в горах.

На самом деле, одной из главных причин задержки Ганнибала в лагере на вершине перевала или вблизи нее было желание дать время всем пропавшим без вести присоединиться к армии, которая имела на это право. Если бы не эта необходимость, он, несомненно, спустился бы на некоторое расстояние, по крайней мере, в более теплое и защищенное место, прежде чем искать покоя. Вряд ли можно найти более мрачное и безлюдное место для отдыха, чем вершина альпийского перевала. Голые и бесплодные скалы полностью лишены растительности и, кроме того, утратили возвышенные и живописные формы, которые они принимают внизу. Они раскинулись огромными голыми полями во всех направлениях вокруг зрителя, поднимаясь пологими подъемами, мрачные и унылые, их поверхность словно выбелена вечными дождями. Бури, по сути, почти вечны в этих возвышенных районах. Огромное облако, которое для пастуха в долине кажется лишь ворсистой шапочкой, безмятежно покоящейся на вершине или медленно плывущей по склону, на самом деле - туман или холодный и бурный дождь, угрюмо воющий над бескрайними полями разрушенных скал, словно злясь, что при всем своем поливе он не может заставить их расти. Поэтому редко открываются далекие виды, а все, что находится вблизи, представляет собой сцену простого уныния и запустения.

Унылый лагерь.

Ориентиры.

Таким образом, солдаты Ганнибала оказались посреди унылой картины в своем возвышенном лагере. В таких местах, как это, есть один особый источник опасности, которому в меньшей степени подвержены нижние части гор, - это полное уничтожение тропинок снегопадами. Говорить о тропе в таких местах, где нет дерна, а бескрайние поля скал, неровные и твердые, не оставляют следов шагов, кажется почти абсурдным. Однако, как правило, здесь есть слабые следы, а там, где они полностью отсутствуют, путь иногда

указывают небольшие кучки камней, расставленные через определенные промежутки вдоль линии маршрута. Неопытный глаз едва ли отличит эти небольшие ориентиры во многих случаях от случайных куч камней, которые валяются повсюду. Однако они оказывают очень важную услугу проводникам и альпинистам, которые привыкли ориентироваться по подобным ориентирам в других частях гор.

Снежная буря.

Но когда начинается снегопад, все эти и другие возможные средства различения пути вскоре полностью исчезают. Вся поверхность земли, вернее, скал, покрывается снегом, и все ориентиры исчезают. Маленькие памятники становятся лишь небольшими неровностями на поверхности снега, не отличимыми от тысячи других. Воздух густой и мутный, он закрывает все дальние перспективы, форму и очертания земли, которая находится вблизи; растерянный путник не может ориентироваться даже по звездам, так как на небе не видно ничего, кроме темных, падающих хлопьев, спускающихся с непроницаемого полога грозовых облаков.

Армия возобновляет свой марш.

На вершине перевала Ганнибал столкнулся со снежной бурей, и его войско было сильно напугано ею. На дворе стоял ноябрь. Армия столкнулась с таким количеством задержек и проволочек, что их путешествие затянулось до позднего времени. Было бы небезопасно пытаться дождаться, пока снег снова растает. Поэтому, как только буря закончилась и тучи рассеялись, чтобы люди смогли разглядеть общие черты окружающей местности, лагерь был разбит, и армия двинулась в путь. Солдаты шли по снегу с большой тревогой и страхом. Мужчины шли впереди, чтобы разведать дорогу и указать остальным путь с помощью флажков и знамен, которые они несли. Те, кто шел первым, конечно же, прокладывали тропинки для тех, кто шел позади, так как снег утапывался их шагами. Однако, несмотря на эти вспомогательные средства, армия продвигалась вперед с большим трудом и страхом.

Ганнибал среди первопроходцев.

Первый вид Италии.

Радость армии.

Однако, спустившись на небольшое расстояние, Ганнибал, понимая, что скоро перед ним откроются долины и равнины Италии, лежащие за Альпами, вышел вперед среди пионеров, которые держали знамена, направлявшие движение армии, и, как только открытая местность стала видна, он выбрал место, откуда открывался самый широкий вид, и остановил там свою армию, чтобы дать им возможность рассмотреть прекрасную страну, которая теперь лежала перед ними. Альпы очень обрывисты со стороны Италии. С холодных и ледяных вершин спуск происходит очень резко, и перед нами расстилаются широкие просторы самых пышных и солнечных равнин. На эти равнины, раскинувшиеся чарующим пейзажем у их ног, Ганнибал и его солдаты смотрели теперь с ликованием и восторгом. Прекрасные озера, усыпанные еще более прекрасными островами, отражали лучи солнца. Бесконечная череда полей, окрашенных в трезвые осенние тона, с разбросанными тут и там домиками рабочих и стогами зерна, и реки, текущие по зеленеющим лугам, придавали разнообразие и очарование виду.

Речь Ганнибала.

Ганнибал обратился к своим офицерам и людям с речью, в которой поздравил их с тем, что они, наконец, так близко подошли к успешному завершению своих трудов. "Трудности пути, -

сказал он, - наконец-то преодолены, и эти могучие преграды, которые мы преодолели, - стены не только Италии, но и самого Рима. Поскольку мы перешли Альпы, у римлян больше не будет защиты от нас. Когда мы спустимся на равнину, нам предстоит всего одно сражение или, самое большее, два, и сам великий город будет полностью в нашем распоряжении".

Усталость похода.

Вся армия была воодушевлена и воодушевлена как перспективой, открывшейся перед ними, так и словами Ганнибала. Они приготовились к спуску, не ожидая особых трудностей; но, возобновив марш, обнаружили, что их неприятности отнюдь не закончились. Горы с италийской стороны гораздо круче, чем с другой, и было очень трудно найти тропы, по которым слоны и лошади, и даже люди могли бы безопасно спуститься. Некоторое время они продвигались вперед с огромным трудом и усталостью, пока, наконец, Ганнибал, оглянувшись, не обнаружил, что голова колонны остановилась, а весь обоз позади вскоре оказался зажатым, ряды останавливались по пути, сменяя друг друга, поскольку их путь преграждала остановка тех, кто шел впереди них.

Новые трудности.

Марш через ледник.

Ганнибал отправился вперед, чтобы выяснить причину затруднений, и обнаружил, что фургон армии подошел к обрыву, спуститься по которому было невозможно. Необходимо было сделать круг в надежде найти какой-нибудь приемлемый способ спуститься. Проводники и первопроходцы отправились дальше, ведя за собой армию, и вскоре вышли на ледник, лежавший на их пути. На поверхности ледника лежал свежий снег, который покрывал лед и скрывал *расщелины*, как их называют, то есть большие трещины и расщелины, которые тянутся в ледниках вниз через тело льда. Армия двинулась дальше, утаптывая новый снег и прокладывая поначалу хорошую дорогу своими шагами; но очень скоро старый лед и снег начали *вытаптывать* копыта лошадей и тяжелые шаги огромного количества вооруженных людей. Он размягчился на большую глубину, и пробираться через него стало огромным трудом. Кроме того, поверхность льда и снега круто наклонялась, и люди и звери постоянно падали или соскальзывали вниз, попадая в лавины, которые их собственный вес приводил в движение, или в скрытые расщелины, где они погружались, чтобы больше не подняться.

Грозная преграда.

Ганнибал прорубает себе путь сквозь скалы.

Однако они продвигались вперед, хотя и медленно, и с большой опасностью. Наконец они спустились ниже уровня снега, но и здесь столкнулись с новыми трудностями, связанными с крутизной и изрезанностью скал, а также с зигзагообразным и извилистым направлением пути. Наконец они добрались до места, где их дальнейшее продвижение оказалось полностью отрезано большой массой скал, которые, казалось, необходимо было удалить, чтобы расширить проход настолько, чтобы они могли идти дальше. Римский историк рассказывает, что Ганнибал удалил эти камни, разведя на них большие костры, а затем полил их уксусом, который открыл в них швы и трещины, с помощью которых камни можно было расколоть и разбить на куски клиньями и ломами. Читая этот рассказ, ум, естественно, задумывается о вероятности его правдивости. Поскольку в те времена у людей не было пороха, они были вынуждены прибегать к такому способу удаления камней, как описанный выше. Есть некоторые виды горных пород, которые легко раскалываются и ломаются под действием огня. Другие сопротивляются этому. Однако не существует очевидной причины, по которой уксус должен существенно помочь в этой операции. Кроме того, мы не можем

предположить, что в такое время и в таком месте Ганнибал мог иметь под рукой очень большой запас уксуса. В целом можно предположить, что если подобная операция и была проведена, то в очень небольших масштабах, и ее результаты в то время были весьма незначительными, хотя этот факт с тех пор получил широкую известность в истории.

Армия в безопасности на равнинах Италии.

Перебираясь через снега и спускаясь по скалам, расположенным непосредственно под ними, армия и особенно животные, связанные с ней, сильно страдали от голода. Было трудно добыть для них какой-либо корм. Однако, продолжая спуск, они попали сначала в лес, а вскоре и на склоны травянистых полей, спускающихся в теплые и плодородные долины. Здесь животным разрешили остановиться и отдохнуть, а также восстановить силы благодаря обильной пище. Люди радовались, что их труды и опасности позади, и, легко проделав оставшийся путь, они наконец-то благополучно расположились лагерем на равнинах Италии.

Глава VI.

Ганнибал на севере Италии.

217 Г. ДО Н. Э.

Плачевное состояние армии.

Большие потери.

Когда армия Ганнибала оказалась на равнинах Италии и спокойно присела отдохнуть, она гораздо сильнее ощутила последствия своего утомления и воздействия, чем волнение, которое она испытывала, находясь в горах. На самом деле они находились в жалком состоянии. Ганнибал рассказал римскому офицеру, которого он потом взял в плен, что более тридцати тысяч человек погибли по пути через горы; некоторые - в сражениях, которые происходили на перевалах, и еще большее число, вероятно, от усталости и холода, от падений среди скал и ледников и болезней, вызванных нуждой и страданиями. Остатки армии, вышедшей на равнину, были истощены, больны, оборваны и бездушны; они были склонны скорее лечь и умереть, чем идти дальше и заняться завоеванием Италии и Рима.

Чувства солдат Ганнибала.

Через несколько дней, однако, они начали набираться сил. Хотя до этого они полуголодали в горах, теперь у них было много полезной пищи. Они починили свою изорванную одежду и сломанное оружие. Они рассказывали друг другу о потрясающих сценах, через которые им пришлось пройти, и об опасностях, которые они преодолели, и таким образом, постепенно укрепляя свои впечатления о величии совершенных ими подвигов, они вскоре начали пробуждать в груди друг друга стремление идти дальше и совершать другие смелые и славные подвиги.

Планы Сципиона.

Мы оставили Сципиона с его армией в устье Роны, который собирался отплыть в Италию с частью своих сил, в то время как остальная часть была направлена в Испанию. Сципион отплыл вдоль побережья к Генуе, а затем к Пизе, где и высадился. Он ненадолго

остановился, чтобы набрать солдат после плавания, а тем временем разослал приказ всем римским войскам, находившимся на севере Италии, присоединиться к его штандарту. Он надеялся таким образом собрать достаточно сил, чтобы встретиться с Ганнибалом. Приняв эти меры, он как можно быстрее двинулся на север. Он знал, в каком состоянии армия Ганнибала спустилась с Альп, и хотел напасть на них прежде, чем они успеют оправиться от последствий своих лишений и страданий. Он достиг По прежде, чем увидел Ганнибала.

Армии приближаются друг к другу.

Ганнибал тем временем не бездействовал. Как только его люди были в состоянии двигаться, он начал действовать против племен, которые обнаружил у подножия гор, предлагая свою дружбу одним и нападая на других. Таким образом он покорила всех, кто пытался ему сопротивляться, и все время продвигался на юг, к По. Эта река имеет множество рукавов, и среди них есть один под названием Тичинус. Именно на берегах этой реки и сошлись в конце концов две армии.

Чувства Ганнибала и Сципиона.

Оба генерала должны были испытывать определенную тревогу за результат предстоящего поединка. Сципион хорошо знал ужасающую эффективность Ганнибала как воина, да и сам он был выдающимся полководцем, к тому же *римлянином*, так что у Ганнибала не было причин рассчитывать на легкую победу. Какие бы сомнения или опасения ни испытывали офицеры накануне сражения, всегда считается необходимым полностью скрывать их от людей, а также вдохновлять и ободрять войска самой несомненной уверенностью в том, что они одержат победу.

Ганнибал и Сципион, соответственно, обратились к своим армиям - по крайней мере, так утверждают историки тех времен, - и каждый из них выразил своим сторонникам уверенность в том, что другая сторона будет легко побеждена. Речь, приписываемая Сципиону, была примерно следующей:

Обращение Сципиона к римской армии.

"Я хочу сказать вам несколько слов, солдаты, прежде чем мы отправимся в бой. Возможно, в этом нет особой необходимости. В этом, конечно, не было бы необходимости, если бы сейчас под моим командованием находились те же войска, которые я взял с собой к устью Роны. Там они знали карфагенян и не боялись бы их здесь. Часть наших всадников встретила и атаковала более многочисленное их войско и разбила его. Затем мы двинулись всей своей силой к их лагерю, чтобы дать им бой. Однако они бросили землю и отступили, прежде чем мы достигли места, признав своим бегством свой страх и наше превосходство. Если бы вы были с нами там и стали свидетелями этих фактов, мне не было бы нужды говорить что-либо, чтобы убедить вас сейчас, как легко вы победите этого карфагенского врага".

"У нас уже была война с этим народом. Тогда мы завоевали их и по суше и по морю; а когда, наконец, был заключен мир, мы потребовали от них дань и продолжали взимать ее в течение двадцати лет. Они - покоренный народ; и вот теперь эта жалкая армия безумно пробивается через Альпы, чтобы броситься нам в руки. Они встретили нас уменьшенными в численности, истощенными в ресурсах и силе. Более половины их армии погибло в горах, а те, кто выжил, слабы, подавлены, оборваны и больны. И все же они вынуждены встретиться с нами. Если бы у них был хоть какой-то шанс на отступление или хоть какой-то способ избежать

необходимости сражения, они бы им воспользовались. Но его нет. Они зажаты горами, которые теперь стали для них непроходимой стеной, ибо у них нет сил, чтобы снова их преодолеть. Это не настоящие враги; это лишь остатки и тени врагов. Они совершенно удручены и обескуражены, их силы и энергия, как душевные, так и телесные, истрачены и угасли из-за холода, голода и жалких страданий, которые они перенесли. Их суставы затекли, сухожилия окоченели, а формы истощены. Их доспехи разбиты и сломаны, их лошади увечны, а все их снаряжение изношено и разрушено, так что больше всего я боюсь, что мир откажет нам в славе победы и скажет, что это Альпы победили Ганнибала, а не римская армия".

"Однако, как бы ни была легка победа, мы должны помнить, что на карту поставлено очень многое. Нам предстоит сразиться не только ради славы. Если Ганнибал победит, он пойдет на Рим, и наши жены, наши дети и все, что нам дорого, окажутся в его власти. Помните об этом и идите на битву с ощущением, что от ее результата зависит судьба самого Рима".

Гениальный способ Ганнибала начать свою речь.

Любопытное сражение.

Влияние на армию.

Ганнибалу тоже приписывается ораторская речь по случаю этого сражения. Однако он проявил свойственную ему изобретательность и дух хитрости в том, как ему удалось привлечь внимание к тому, что он собирался сказать, тем, как он это представил. Он выстроил свою армию в круг, как будто для того, чтобы стать свидетелем зрелища. Затем он привел в центр этого круга несколько пленников, которых он захватил в Альпах - возможно, это были заложники, которые были доставлены ему, как говорилось в предыдущей главе. Кем бы они ни были, заложниками или пленниками, взятыми в сражениях, которые происходили в дефиле, Ганнибал привел их со своей армией в Италию, и теперь, введя их в центр круга, который образовала армия, он бросил перед ними оружие, которое они привыкли использовать в своих родных горах, и спросил их, согласны ли они взять это оружие и сразиться друг с другом, при условии, что каждому, кто убьет своего противника, будет возвращена свобода и даны конь и доспехи, чтобы он мог с честью вернуться домой. Варварские чудовища с готовностью согласились и с величайшей жадностью схватились за оружие. Двум или трем парам бойцов разрешили сразиться. Одного из них убивали, а другого, по обещанию Ганнибала, отпускали на свободу. Бои вызывали величайший интерес и пробуждали сильнейший энтузиазм среди солдат, которые были их свидетелями. Когда этот эффект был достигнут, остальных пленников отослали, и Ганнибал обратился к огромному кольцу солдат со следующей речью:

Речь Ганнибала к своей армии.

"Я хотел, солдаты, в том, что вы сейчас увидели, не просто позабавить вас, но и дать вам представление о вашем собственном положении. Справа и слева вы окружены двумя морями, и ни на одном из них у вас нет ни одного корабля. Перед вами По, а позади - Альпы. По - более глубокая, быстрая и бурная река, чем Рона; а что касается Альп, то вы с величайшим трудом перешли их, когда были в полном порядке и бодрости; теперь же они для вас - непреодолимая стена. Поэтому вы, подобно нашим пленникам, закрыты со всех сторон, и у вас нет надежды на жизнь и свободу, кроме как в битве и победе".

Его слова ободрения.

"Победа, однако, не будет трудной. Я вижу среди вас, куда бы я ни посмотрел, дух решимости и мужества, который, я уверен, сделает вас завоевателями. Войска, с которыми вам

предстоит сразиться, - это в основном новобранцы, которые ничего не знают о лагерной дисциплине и никогда не смогут успешно противостоять таким измотанным войной ветеранам, как вы. Вы все хорошо знаете друг друга, и я в том числе. Я, по сути, был вашим учеником в течение многих лет, прежде чем принял командование. Но войска Сципиона незнакомы друг с другом и с ним самим, а значит, не имеют общей симпатии; что же касается самого Сципиона, то ему как римскому полководцу всего шесть месяцев от роду.

Обещания Ганнибала.

"Подумай также, какую великолепную и благополучную карьеру откроет перед тобой победа. Она приведет тебя в Рим. Она сделает тебя хозяином одного из самых могущественных и богатых городов мира. До сих пор вы сражались только ради славы или господства, теперь же вас ждет нечто более существенное в награду за успех. Если мы победим, то разделим между вами огромные сокровища, но если мы потерпим поражение, то погибнем. Мы зажаты со всех сторон, и нет места, куда мы могли бы добраться бегством. Поэтому у нас нет альтернативы бегству. Мы *должны победить*".

Его настоящие чувства.

Вряд ли Ганнибал мог действительно и искренне испытывать всю ту уверенность, которую он выражал в своих обращениях к солдатам. У него наверняка были какие-то опасения. Ведь во всех начинаниях человека признаки успеха и основанные на них надежды время от времени колеблются, заставляя его уверенность в результате колебаться, так что светлые предвкушения успеха и триумфа чередуются в его сердце с чувствами уныния и отчаяния. Этот эффект испытывают все: как энергичные и решительные, так и робкие и колеблющиеся. Первые, однако, никогда не позволяют этим колебаниям надежды и страха влиять на их действия. Прежде чем приступить к делу, они хорошо обдумывают все основания для ожидания успеха, а затем неуклонно идут вперед при любых обстоятельствах - и когда светит небо, и когда идет дождь - пока не достигнут цели. Неэффективные и нерешительные люди могут действовать только под влиянием надежды. Цель, к которой они стремятся, должна быть постоянно видна перед ними. Если на мгновение она исчезает из виду, их мотив пропадает, и они больше ничего не могут сделать, пока в силу каких-то изменений обстоятельств она снова не появится в поле зрения.

Энергия и решение Ганнибала.

Его твердая решимость.

Непоколебимое мужество Ганнибала.

Ганнибал был энергичен и решителен. Время для размышлений о том, столкнется ли он с враждебностью Римской империи, возбужденной до максимально возможной степени, наступило, когда его армия расположилась на берегах Ибера, прежде чем переправиться через него. Ибер был его Рубиконом. Переступив эту черту, он больше не должен был отступать. Трудности, которые время от времени возникали, чтобы омрачить его перспективы, лишь стимулировали его к новым усилиям и пробуждали новую, хотя все еще спокойную и твердую решимость. Так было на Пиренеях, так было на Роне, так было среди Альп, где трудности и опасности побудили бы почти любого другого полководца вернуться; так было и теперь, когда он оказался закрыт со всех сторон суровыми границами Северной Италии, которые он не мог надеяться пройти снова, и перед ним сосредоточились все располагаемые силы Римской империи, которыми командовал один из *консулов*. Неотвратимая опасность не давала ему покоя и, по-видимому, не внушала страха.

Движения Сципиона.

Армии еще не были в поле зрения друг друга. Фактически они находились на противоположных берегах реки По. Римский полководец решил переправить свои войска через реку и двинуться в погоню за Ганнибалом, который все еще находился на расстоянии нескольких миль. Обдумав различные способы переправы через реку, он решил построить мост.

Мост Сципиона через По.

Армия переправляется через реку.

Военные командиры обычно наводят какой-нибудь мост через лежащий на их пути поток воды, если он слишком глубок и его нелегко перейти вброд, если только он не настолько широк и быстр, что строительство моста затруднено или нецелесообразно. В этом последнем случае они переправляются как можно лучше с помощью лодок и плотов, а также вплавь. По, хотя и не очень большой поток в этом месте, был слишком глубок, чтобы его можно было вброд, и Сципион, соответственно, построил мост. Солдаты срубили деревья, росшие в лесах по берегам, и, обрезав верхушки и ветви, скатили стволы в воду. Они положили эти стволы рядом друг с другом, а сверху - другие, уложенные поперек и скрепленные штырями. Так они сформировали плоты, которые поставили в ряд поперек потока, хорошо закрепив их друг с другом и с берегами. Так был заложен фундамент для моста, и после того, как этот фундамент был покрыт другими материалами, чтобы сделать верхнюю поверхность удобной проезжей частью, по нему провели армию, а затем на каждой его оконечности разместили небольшой отряд солдат в качестве охраны.

Такой мост служит очень хорошей временной цели, и в тихой воде, например, через узкие озера или очень вялые ручьи, где течение очень слабое, плавучее сооружение такого рода иногда строится для постоянной службы. Однако на широких и быстрых реках, подверженных наводнениям, такие мосты не выдержат. В таких случаях одно лишь давление воды подвергает опасности все крепления; а в тех случаях, когда поток сносит дрейфующую древесину или лед, плавающие массы, не имея возможности пройти под мостом, скапливаются над ним и вскоре оказывают на него такое огромное давление, что ничто не может противостоять его силе. Мост был бы разрушен, и все скопление - мост, дрейфующая древесина и лед - вместе неудержимо понеслось бы вниз по течению.

Военные действия Ганнибала.

Мост Сципиона, однако, очень хорошо отвечал его цели. Его армия прошла по нему в полной безопасности. Когда Ганнибал узнал об этом, он понял, что битва близка. Сам Ганнибал в это время находился на расстоянии около пяти миль. Пока Сципион занимался мостом, Ганнибал, как и все время после спуска с гор, был занят в основном покорением различных мелких народов и племен к северу от По. Некоторые из них были не прочь присоединиться к его штандарту. Другие были союзниками римлян и желали оставаться таковыми. С первыми он заключал договоры и посылал им помощь, а ко вторым отправлял отряды войск, чтобы запугать и покорить их. Однако когда он узнал, что Сципион переправился через реку, он приказал всем этим отрядам немедленно прибыть сюда и начал всерьез готовиться к предстоящему сражению.

Он концентрирует свою армию.

Ганнибал обращается к своим солдатам.

Он обещает им земли.

Он созвал собрание своих солдат, и объявил им, что битва уже близка. Он повторил слова ободрения, сказанные им ранее, и в дополнение к сказанному пообещал солдатам

земельные награды в случае победы. "Я дам каждому из вас по ферме, - сказал он, - где бы вы ее ни выбрали - в Африке, Италии или Испании. Если вместо земли кто-то из вас предпочтет получить денежный эквивалент, вы получите награду в таком виде, а затем сможете вернуться домой и жить со своими друзьями, как до войны, при обстоятельствах, которые сделают вас предметом зависти для тех, кто остался в тылу. Если кто-то из вас захочет жить в Карфагене, я сделаю вас свободными гражданами, чтобы вы могли жить там в независимости и чести".

Ратификация обещания.

Но какова гарантия верного исполнения этих обещаний? В наше время такой гарантией служат облигации, денежные штрафы или передача права собственности в ответственные руки. В древние времена поступали иначе. Обещающий связывал себя каким-то торжественным и формальным способом, сопровождаемым в важных случаях определенными церемониями, которые должны были скрепить и подтвердить взятое на себя обязательство. В случае Ганнибал принес ягненка в присутствии собравшейся армии. Он держал его перед собой левой рукой, а правой схватил тяжелый камень. Затем он громко воззвал к богам, умоляя их уничтожить его в тот момент, когда он собирался зарезать ягненка, если он не выполнит в точности и в полном объеме данные им обещания. Тогда он нанес бедному ягненку сильный удар камнем. Животное упало замертво к его ногам, и Ганнибал, по мнению армии, был отныне связан очень торжественным обязательством - быть верным в исполнении своего слова.

Предзнаменования.

Солдаты были сильно воодушевлены этими обещаниями и поспешили устроить поединок. Римские солдаты, похоже, были настроены иначе. Произошли некоторые обстоятельства, которые они сочли дурными предзнаменованиями, и они были очень удручены и подавлены ими. Удивительно, что люди вообще допускают, чтобы на их разум влияли такие совершенно случайные события, как эти. Одно из них было таким: в их лагерь из одного из близлежащих лесов пришел волк и, ранив нескольких человек, снова скрылся. Другой случай был еще более пустяковым. Рой пчел прилетел в лагерь и зажегся на дереве прямо над палаткой Сципиона. По какой-то причине это было расценено как знак того, что их постигнет беда, и люди были запуганы и удручены. Поэтому они ждали битвы с тревогой и беспокойством, в то время как армия Ганнибала предвкушала ее с нетерпением и радостью.

Битва.

Римляне в смятении.

Сципион ранен.

Римляне отброшены назад за реку.

Римляне разрушают мост через Тицинус.

Сражение произошло, наконец, очень неожиданно и в тот момент, когда ни одна из сторон его не ожидала. Большой отряд обеих армий продвигался к позиции другой, у реки Тицинус, для разведки, когда они встретились, и сражение началось. Ганнибал стремительно продвигался вперед и одновременно отправил отряд в обход, чтобы атаковать врага в тыл. Римляне вскоре пришли в замешательство; всадники и пешие воины спутались; людей топтали лошади, а лошадей пугали люди. В разгар этой сцены Сципион получил рану. Консул был сановником очень высокого ранга. По сути, он был чем-то вроде полукороля. Офицеры и все солдаты, как только узнали, что консул ранен, пришли в ужас и смятение, и римляне начали отступать. У Сципиона был молодой сын, которого тоже звали Сципион, ему было тогда около двадцати лет. Он сражался рядом с отцом, когда тот получил рану. Он защитил

отца, вывел его в центр компактного отряда кавалерии и медленно двинулся с места, а те, кто находился в тылу, повернулись лицом к врагу и отбивали его, преследуя их. Таким образом они достигли своего лагеря. Здесь они остановились на ночь. Они укрепили это место, и, поскольку наступала ночь, Ганнибал счел неразумным атаковать их здесь. Он стал ждать утра. Сципион же, будучи сам раненным, а его армия - обескураженной, решил, что ждать до утра неразумно. В полночь он двинул все свои силы в отступление. Он поддерживал огонь в лагере и делал все возможное, чтобы карфагеняне не заметили никаких признаков его ухода. Его армия шла скрытно и бесшумно, пока не достигла реки. Они переправились через нее по построенному ими мосту, а затем, срезав крепления, с помощью которых плиты держались вместе, сразу же разрушили сооружение, а материалы, из которых оно состояло, уплыли вниз по течению, представляя собой лишь массу развалин. Из Тицинуса они, надо полагать, попадали в По, а оттуда вниз по По в Адриатическое море, где дрейфовали по водным просторам, пока их, наконец, один за другим не прибывало штормами к песчаным берегам.

Глава VII.

Апеннины.

217 Г. ДО Н.Э.

Ганнибал преследует римлян.
Он берет несколько пленных.

Как только утром Ганнибалу сообщили, что Сципион и его войска покинули свои позиции, он устремился за ними, очень желая нагнать их до того, как они достигнут реки. Но он опоздал. Основная часть римской армии уже переправилась. Однако на стороне Ганнибала остался отряд из нескольких сотен человек, которые должны были охранять мост, пока не пройдет вся армия, а затем помочь перерезать его. Они справились с этой задачей до прибытия Ганнибала, но не успели придумать, как перебраться через реку самим. Ганнибал взял их всех в плен.

Восстание некоторых галлов против римлян.

Состояние и перспективы римского и карфагенского дела полностью изменились после этой битвы и отступления Сципиона через По. Все народы севера Италии, которые раньше были подданными или союзниками римлян, теперь перешли на сторону Ганнибала. Они отправили посольства в его лагерь, предлагая ему свою дружбу и союз. В самом деле, в римском лагере находилось большое количество галлов, сражавшихся под началом Сципиона в битве при Тицине, которые сразу же после этого дезертировали с его штандарта и массово перешли на сторону Ганнибала. Они подняли восстание ночью и, вместо того чтобы скрыться, подняли невероятный шум, убили стражников, наполнили лагерь своими криками и воплями и на некоторое время создали ужасную сцену ужаса.

Ганнибал принял их, но он был слишком благоразумен, чтобы принять такую вероломную орду в свою армию. Он отнесся к ним с большим вниманием и добротой и отпустил их с подарками, чтобы все они разошлись по своим домам, поручив им оказывать влияние в его пользу среди племен, к которым они по отдельности принадлежали.

Ганнибал переходит реку.

Солдаты Ганнибала тоже были очень воодушевлены начатым делом. Армия сразу же начала готовиться к переправе через реку. Одни солдаты строили плоты, другие отправились вверх по течению в поисках места для брода. Некоторые переплывали реку вплавь. Эти или другие способы были безопасны, так как римляне не стояли на противоположном берегу, чтобы противостоять им, а быстро продвигались вперед, как только Сципиона могли нести. Его раны начали воспаляться и были крайне болезненны.

Разочарование римлян.

Семпроний отозван в Италию.

На самом деле римляне были встревожены опасностью, которая теперь им угрожала. Как только весть об этих событиях достигла города, власти немедленно отправили депешу в Сицилию, чтобы отозвать другого консула. Его звали Семпроний. Следует помнить, что, когда жребий бросили между ним и Сципионом, Сципиону выпало отправиться в Испанию, чтобы задержать поход Ганнибала, а Семпроний отправился в Сицилию и Африку. Цель этого движения заключалась в том, чтобы угрожать карфагенянам и атаковать их дома, чтобы отвлечь их внимание и не дать им послать свежие силы на помощь Ганнибалу, а возможно, даже заставить их отозвать его из Италии для защиты собственной столицы. Но теперь, когда Ганнибал не только перешел Альпы, но и переправился через По и двинулся к Риму - сам Сципион был выведен из строя, а его армия бежала впереди него, - они были вынуждены сразу же отказаться от плана угрожать Карфагену. Они со всей поспешностью отправили Семпронию приказ поспешить домой и помочь в обороне Рима.

Сципион страдает от раны.

К нему присоединяется Семпроний.

Семпроний был человеком с очень быстрым и порывистым характером, с большой уверенностью в своих силах и очень готовым к действиям. Он немедленно прибыл в Италию, набрал новых солдат для армии, поставил себя во главе войска и двинулся на север, чтобы соединиться со Сципионом в долине реки По. Сципион очень страдал от ран и почти ничего не мог сделать для управления армией. Он медленно отступал перед Ганнибалом: жар и боль в ранах сильно усиливались от движения. Так он добрался до Требии, небольшого ручья, впадающего в По с севера. Переправившись через этот ручей и убедившись, что не может идти дальше из-за мучительной боли, которую причиняло ему движение, он остановил свою армию, наметил лагерь, возвел вокруг него укрепления и приготовился к обороне. К его большому облегчению, Семпроний вскоре подошел и присоединился к нему.

Римские полководцы разошлись во мнениях.

Теперь генералов было двое. Наполеон говорил, что лучше один плохой полководец, чем два хороших, - так важны для успеха всех военных операций быстрота, уверенность и решение, которые могут существовать только там, где действиями руководит один-единственный разум. Семпроний и Сципион разошлись во мнениях относительно того, как следует действовать. Семпроний хотел немедленно напасть на Ганнибала. Сципион выступал за промедление. Семпроний приписывал нежелание Сципиона дать сражение унынию и отчаянию, вызванному его раной, или чувству зависти, что ему, Семпронию, выпала честь победить карфагенян, в то время как сам он беспомощен в своей палатке. С другой стороны, Сципион считал Семпрония неосмотрительным и безрассудным, склонным бездумно бросаться в схватку с противником, силы и средства которого он не понимал.

Стычки.

Семпроний жаждет битвы.

Между тем, пока оба полководца расходились во мнениях, между отрядами обеих армий произошло несколько стычек и небольших столкновений, в которых, по мнению Семпрония, преимущество было на стороне римлян. Это все больше и больше возбуждало его энтузиазм, и он стал чрезвычайно желать генерального сражения. Он начал выходить из терпения из-за осторожности и промедления Сципиона. Солдаты, говорил он, были полны сил и мужества, все жаждали сражения, и было нелепо сдерживать их из-за слабости одного больного. "К тому же, - сказал он, - какой смысл медлить дальше? Мы готовы к встрече с карфагенянами уже сейчас, как никогда. Нет *третьего* консула, который пришел бы нам на помощь; и какой позор для нас, римлян, которые в прежней войне привели свои войска к самым воротам Карфагена, позволить Ганнибалу властвовать над всем севером Италии, в то время как мы постепенно отступаем перед ним, боясь встретить теперь силу, которую мы всегда побеждали прежде".

Стратегема Ганнибала.

Ганнибал не сразу узнал через своих шпионов, что между римскими генералами существуют разногласия и что Семпроний полон самонадеянного пыла, и стал думать, что ему удастся разработать какой-нибудь план, чтобы выманить последнего на битву при обстоятельствах, в которых ему придется действовать в невыгодном положении. Он и придумал такой план. Он удался на славу, и этот случай стал одним из тех многочисленных примеров удачной стратегемы, которые встречаются в истории Ганнибала и которые заставили римлян сказать, что главными чертами его характера были вероломство и хитрость.

Детали плана Ганнибала.

Одним словом, план Ганнибала заключался в попытке выманить римскую армию из лагеря темной, холодной и бурной декабрьской ночью и заманить ее в реку. Этой рекой была Требия. Она впадала на севере в По, между римским и карфагенским лагерями. В деталях его план состоял в том, чтобы отправить часть своей армии за реку и напасть на римлян ночью или очень рано утром. Он надеялся, что таким образом Семпроний будет вынужден выйти из своего лагеря и напасть на карфагенян. Карфагеняне должны были бежать и переправиться через реку, а Ганнибал надеялся, что Семпроний последует за ними, возбужденный пылкой погоней. Тогда у Ганнибала будет сильный резерв армии, который все это время оставался в тепле и безопасности, чтобы выйти и напасть на римлян с несокрушимой силой и бодростью, в то время как сами римляне будут ослаблены холодом и сыростью и дезорганизованы беспорядком, возникшим при переправе через реку.

Засада.

Две тысячи отборных воинов.

Часть резерва Ганнибала должна была расположиться в засаде. У воды находилось несколько лугов, которые во многих местах были покрыты высокой травой и кустарником. Ганнибал отправился осмотреть место и обнаружил, что этот кустарник достаточно высок, чтобы в нем могли укрыться даже всадники. Он решил разместить здесь тысячу пеших воинов и тысячу всадников, самых эффективных и отважных в армии. Он отобрал их следующим образом:

Как Ганнибал их выбирал.

Он вызвал на место одного из своих генерал-лейтенантов, объяснил ему несколько своих замыслов, а затем попросил его пойти и выбрать из кавалерии и пехоты по сотне лучших солдат, которых он мог найти. Эти две сотни были собраны, и Ганнибал, осмотрев их с видом одобрения и удовольствия, сказал: "Да, вы те, кто мне нужен, только вместо двухсот мне нужно две тысячи. Возвращайтесь в армию, отберите и приведите ко мне каждый по девять таких же, как вы". Легко представить, что солдаты были довольны таким поручением и добросовестно его выполнили. Все отобранные таким образом силы были вскоре собраны и размещены в вышеописанных зарослях, где они лежали в засаде, готовые напасть на римлян после того, как те перейдут реку.

Ганнибал также принял меры, чтобы оставить большую часть своей армии в собственном лагере, готовой к бою, с приказом, чтобы они принимали пищу и прохладительные напитки и грелись у костров, пока их не призовут. Когда все было готово, он выделил группу всадников, чтобы переправиться через реку и проверить, смогут ли они спровоцировать римлян выйти из своего лагеря и преследовать их.

"Иди, - сказал Ганнибал командиру этого отряда, - перейди ручей, продвись к римскому лагерю, напади на стражников, а когда армия сформируется и выйдет на тебя, медленно отступай перед ними назад через реку".

Нападение на римский лагерь.

Успех стратагемы Ганнибала.

Семпроний переправляется через реку.

Стремительная атака Ганнибала.

Отряд поступил так, как ему было приказано. Когда они прибыли в лагерь, а это было вскоре после рассвета - ведь в планы Ганнибала входило вывести римлян до того, как они успеют позавтракать, - Семпроний по первому сигналу тревоги призвал всех солдат к оружию, полагая, что на них нападает весь карфагенский отряд. Утро выдалось холодное и бурное, а из-за дождя и снега мало что можно было разглядеть. Колонна за колонной всадников и пехоты выходила из лагеря. Карфагеняне отступали. Семпроний был очень взволнован мыслью о том, что ему так легко удастся отбить нападавших, и, пока они отступали, он продолжал их преследовать. Как и предполагал Ганнибал, он так увлекся преследованием, что не остановился на берегу реки. Карфагенские всадники, отступая, погрузились в поток, а римляне, пешие и всадники, последовали за ними. Обычно ручей был небольшим, но сейчас он вздулся от дождя, который шел всю ночь. Вода, конечно, была очень холодной. Всадники прошли ее вполне благополучно, но пешие воины были основательно вымочены и оцепенели; а поскольку утром они не принимали никакой пищи, выступили по внезапному призыву и без достаточной подготовки, то последствия такого воздействия ощущались в сильнейшей степени. И все же они продолжали путь. Переправившись через реку, они поднялись на берег, а когда снова построились там и двинулись вперед, преследуя все еще летящего врага, внезапно на них ворвались все силы резерва Ганнибала, сильные и бодрые, только что из палаток и от костров. Они едва успели оправиться от изумления и потрясения, вызванного этим неожиданным нападением, как две тысячи человек, скрывавшихся в засаде, вырвались вперед и с ужасающими криками и воплями атаковали римлян с тыла.

Положение римской армии.

Ужасный конфликт.

Все эти события происходили очень быстро. Прошло совсем немного времени с того момента, как римская армия, офицеры и солдаты, спокойно спали в своем лагере или медленно поднимались, чтобы подготовиться к обычному дню, прежде чем они обнаружили,

что все они выстроились в боевой порядок в нескольких милях от своего лагеря, окружены и зажаты врагами. События сменяли друг друга так быстро, что казались солдатам сном; но очень скоро их промокшая и замерзшая одежда, затекшие и окоченевшие конечности, ливень, который несся по равнине, бесконечные ряды карфагенской пехоты, теснившие их со всех сторон, колонны всадников и слонов, несущиеся на них, убедили их в том, что их положение было ужасающей реальностью. Бедствие, которое им грозило, было не только огромным, но и неминуемым и страшным; ведь хотя план и план действий Ганнибала был очень прост, он все же осуществил его с размахом и привел в действие всю римскую армию. Переправившихся через реку было, как говорят, около сорока тысяч, и примерно столько же в карфагенской армии, чтобы противостоять им. Такое количество воинов, разумеется, занимало значительную территорию, и последовавший за этим конфликт стал одной из самых страшных сцен из тех, что Ганнибал помогал разыгрывать.

Полное поражение римлян.

Конфликт продолжался много часов, римляне все больше и больше приходили в замешательство. Слоны карфагенян, то есть те немногие, что еще оставались, вносили большой хаос в их ряды, и наконец, после многочасового боя, вся армия была разбита и обращена в бегство, некоторые части компактно, так как их офицеры могли держать их вместе, а другие в безнадежном и неразрывном беспорядке. Они пробирались обратно к реке, которой достигли в разных местах вверх и вниз по течению. Тем временем из-за непрекращающегося дождя вода еще больше вздулась, низины были затоплены, глубокие места скрыты, а широкое водное пространство в центре потока закручивалось в кипящих и мутных вихрях, поверхность которых шелестела от декабрьского ветерка и была повсюду усеяна каплями дождя, которые все еще падали.

Сцена после битвы.

Когда римская армия была окончательно разбита и рассеяна, карфагеняне отказались от дальнейшего продолжения борьбы. Они были слишком мокрыми, холодными и измученными, чтобы испытывать какой-либо пыл в преследовании своих врагов. Однако огромное количество римлян попыталось переправиться через реку и было снесено и уничтожено безжалостным потоком, противостоять которому у них не хватило сил. Другие части войска прятались в укромных местах, куда они отступили, до наступления ночи, а затем делали плоты, на которых им удавалось переправиться обратно через поток. Войска Ганнибала были слишком мокрыми, холодными и измученными, чтобы снова выходить в штурм, поэтому эти попытки остались без защиты. Однако, несмотря на это, огромное их количество было унесено вниз по течению и потеряно.

Различные сражения Ганнибала.

Нехватка продовольствия.

Наступил декабрь, слишком поздно для Ганнибала, чтобы пытаться продвинуться дальше в этом сезоне, и все же путь перед ним был открыт к Апеннинам, благодаря поражению Семпрония, так как ни он, ни Сципион не могли теперь надеяться выступить против него до тех пор, пока не получат новые подкрепления из Рима. В течение зимних месяцев Ганнибал пережил множество сражений и приключений, иногда с частями и отрядами римской армии, а иногда с туземными племенами. Иногда он испытывал большие трудности из-за нехватки продовольствия для своей армии, но в конце концов подкупил правителя одного из замков, где хранилось римское зерно, чтобы тот передал его ему, и после этого он был хорошо обеспечен.

Однако местные жители были настроены к нему отнюдь не благожелательно, и в течение всей зимы они пытались помешать его действиям и преследовать его армию всеми доступными им способами. Находя свое положение неудобным, он продвигался на юг и в конце концов решил, что, несмотря на ненастное время года, он перейдет Апеннины.

Долина реки Арно.

Если взглянуть на [карту](#) Италии, то можно увидеть, что великая долина реки По простирается через весь север Италии. Долина Арно и Умбро лежит к югу от нее, отделенная от нее частью Апеннинского хребта. Эта южная долина и была Этрурией. Ганнибал решил попытаться пройти через горы в Этрурию. Он полагал, что там будет теплее климат, а жители будут более благосклонны к нему, к тому же это будет гораздо ближе к Риму.

Переход через Апеннины.

Страшная буря.

Гибель слонов.

Но, хотя Ганнибал и покорил Альпы, Апеннины покорились ему. Как раз в тот момент, когда он достиг самого незащищенного места среди гор, разразилась сильнейшая буря. Было очень холодно, ветер срывал град и снег прямо в лицо войскам, так что идти дальше было невозможно. Они остановились и повернулись спиной к буре, но ветер усиливался все больше и больше, сопровождаемый страшными громами и молниями, которые вселяли солдат тревогу, так как они находились на такой высоте, что сами были окутаны облаками, из которых исходили раскаты и вспышки. Не желая отступить, Ганнибал приказал армии разбить лагерь на этом месте, в лучшем укрытии, которое они могли найти. Они попытались разбить палатки, но закрепить их не удалось. Ветер усилился до ураганного. Столбы палаток были неуправляемыми, полотно срывалось с креплений, а иногда рвалось или разлеталось в лохмотья от хлопанья на ветру. Бедные слоны, то есть все, что осталось от них после предыдущих сражений и облучения, падали под этим сильным холодом и умирали. В живых остался только один.

Ганнибал забеспокоился.

Ганнибал приказал отступить, и армия вернулась в долину реки По. Но здесь Ганнибалу было не по себе. Местные жители очень устали от его присутствия. Его армия поглощала их пищу, опустошала их страну и разрушала весь их мир и счастье. Ганнибал подозревал их в намерении отравить его или убить каким-то другим способом. Он постоянно следил за ними и принимал меры предосторожности против этих попыток. Он сшил множество различных платьев, чтобы использовать их в качестве маскировки, и накладные волосы разных цветов и моды, чтобы он мог менять свою внешность по своему усмотрению. Это было сделано для того, чтобы любой шпион или убийца, который мог бы прийти в его лагерь, не смог опознать его по описанию его одежды и внешности. Однако, несмотря на все эти меры предосторожности, ему было не по себе, и весной, при первой же возможности, он предпринял новую попытку перейти горы, и теперь уже успешно.

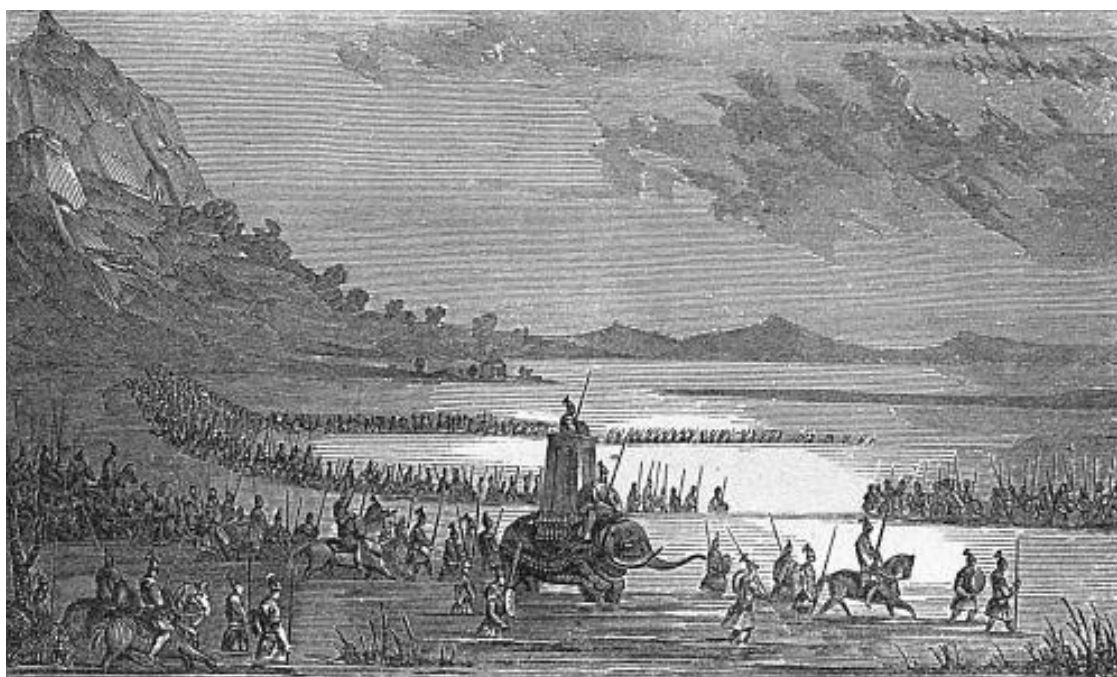
Он пересекает Апеннины.

Спустившись с южных склонов Апеннин, он узнал, что с юга к нему движется новая римская армия под командованием нового консула. Ему не терпелось встретить это войско, и он готовился сразу же двинуться вперед по ближайшему пути. Однако он обнаружил, что это приведет его через нижнюю часть долины Арно, которая здесь была очень широкой и, хотя обычно проходимой, теперь была переполнена из-за того, что воды реки вздулись из-за

таяния снегов на горах. Вся страна теперь представляла собой огромное пространство болот и заболоченных мест.

Опасный поход.
Болезнь Ганнибала.

И все же Ганнибал решил переправиться через нее, и в этой попытке он подверг свою армию трудностям и опасностям, почти таким же большим, как в Альпах. Воды непрерывно поднимались; они заполнили все каналы и растекались по обширным равнинам. Они были настолько мутными, что скрывали все, что находилось под поверхностью, и солдаты, пробирающиеся по ним, постоянно погружались в глубокие и внезапные каналы и трясины, где многие погибали. Все они были истощены и измождены сыростью и холодом, а также длительным пребыванием в этих условиях. В таком положении они находились четыре дня и три ночи, так как продвижение вперед, разумеется, было крайне медленным. Все это время люди почти не спали, а в некоторых местах единственным способом отдохнуть было положить оружие и поклажу в стоячую воду, чтобы таким образом соорудить что-то вроде кушетки или платформы, на которой можно было лежать. Сам Ганнибал тоже был болен. На него напало сильное воспаление глаз, и в конце концов зрение одного из них было потеряно. Однако он не был так подвержен опасности, как другие офицеры: из всех слонов, начавших поход в Испанию, остался один, и Ганнибал ехал на нем в течение четырех дней похода по воде. Перед ним были проводники и сопровождающие, чтобы найти безопасную и удобную дорогу, и с их помощью, а также благодаря проницательности животного, он благополучно преодолел путь.

болота.

Переход через

Глава VIII.

Диктатор Фабий.

216 Г. ДО Н.Э.

Тревога в Риме.

Консул Фламиний.

Тем временем, пока Ганнибал стремительно приближался к воротам Рима, жители города все больше и больше тревожились, пока, наконец, всеобщее чувство ужаса не охватило все слои общества. Граждане и солдаты были охвачены одним общим страхом. Они собрали новую армию и поставили ее под командование нового консула, так как срок службы остальных истек. Имя этого нового полководца было Фламиний, и он двигался на север во главе своих войск в то самое время, когда Ганнибал с таким трудом проводил свои войска через луга и болота Арно.

Еще одна стратагема.

Уверенность Фламиния.

Однако эта армия оказалась не более успешной, чем ее предшественники. Ганнибал решил заманить Фламиния в ловушку с помощью хитрости, как ранее заманил Семпрония. В восточной части Этрурии, недалеко от гор, есть озеро, называемое Фрасименским. Случилось, что это озеро простиралось так близко к подножию гор, что между ними оставался лишь узкий проход - чуть шире, чем нужно для дороги. Ганнибал решил расположить часть своих войск в засаде у подножия гор, а часть - на склонах выше, а затем тем или иным способом заманить Фламиния с его армией через дефиле. Фламиний, как и Семпроний, был пылким, самоуверенным и тщеславным. Он презирал силу Ганнибала и считал, что его успехи до сих пор объяснялись неэффективностью или нерешительностью его предшественников. Со своей стороны, он беспокоился только о том, чтобы встретиться с ним, так как был уверен в легкой победе. Поэтому он смело и без опасений двинулся к Фрасименскому проходу, когда узнал, что Ганнибал расположился за ним лагерем.

Полный разгром римлян.

Ганнибал расположился лагерем на возвышенности за перевалом, и когда Фламиний со своими войсками вошел в самую узкую часть дефиле, они увидели этот лагерь в отдалении перед собой, а за перевалом простиралась широкая равнина. Они предположили, что там находятся все силы противника, не подозревая о присутствии сильных отрядов, которые прятались на склонах гор над ними и в этот самый момент смотрели на них из-за скал и кустов. Поэтому, когда римляне прошли через проход, они расположились на равнине за ним и продвигались к лагерю, как вдруг из засады выскочили скрытые войска и, спустившись с гор, полностью овладели проходом и напали на римлян с тыла, а Ганнибал атаковал их в авангарде. Последовала еще одна долгая, отчаянная и кровавая схватка. Римляне были разбиты по всем направлениям, и, поскольку они были зажаты между озером, горой и перевалом, они не могли отступить; армия, соответственно, была почти полностью разрушена. Сам Фламиний был убит.

Последствия битвы.

Весть об этой битве распространилась повсюду и произвела сильнейший фурор. Ганнибал отправил в Карфаген депеши с сообщением о своей окончательной победе над великим врагом, и эта новость была воспринята с величайшим ликованием. В Риме, напротив,

новость вызвала страшный шок разочарования и ужаса. Казалось, что последняя надежда противостоять наступлению страшного врага угасла, и теперь им ничего не оставалось делать, как погрузиться в отчаяние и ждать того часа, когда его колонны ворвутся в ворота города.

Паника римлян.
Их суеверные страхи.

Жители Рима, по сути, были готовы к панике, ведь их страхи росли и набирали силу уже некоторое время. В те древние времена они были очень суеверны в отношении знаков и предзнаменований. Тысяча пустяковых происшествий, которые в наши дни не имели бы никакого значения, тогда считались дурными знаменами, предвещавшими страшные беды; и в таких случаях, когда казалось, что беда неминуема, обращалось внимание на каждую мелочь, и обстоятельства, на которые в обычное время никто бы не обратил внимания, передавались от одного к другому, причем по мере распространения истории преувеличивались, пока воображение людей не наполнялось таинственными, но непобедимыми страхами. Вера в эти чудеса и предзнаменования была столь всеобъемлющей, что иногда о них официально докладывали в сенат, назначали комитеты для их расследования и приносили торжественные жертвы, чтобы, как это называлось, "искупить их", то есть отвратить недовольство богов, которое предзнаменования должны были предвещать и предвещать.

Приметы и дурные знаки.

Очень любопытный список этих предзнаменований был сообщен сенату зимой и весной, когда Ганнибал продвигался к Риму. В один из домов попал бык со скотного рынка, который, сбившись с пути, забрался на третий этаж и, испугавшись шума и гама преследовавших его людей, выбежал из окна и упал на землю. В небе появился свет в виде кораблей. В один из храмов ударила молния. Копье в руке статуи Юноны, прославленной богини, однажды само собой задрожало. В одном месте видели явление людей в белых одеждах. В лагерь пришел волк, выхватил из рук воина, стоявшего на страже, меч и убежал с ним. Однажды солнце выглядело меньше, чем обычно. На небе виднелись две луны. Это было днем, и одна из лун, несомненно, была ореолом или белым облаком. В местечке под названием Пиценум с неба падали камни. Это было одно из самых страшных предзнаменований, хотя сейчас известно, что это обычное явление.

Любопытные превращения.

Все эти предзнаменования, несомненно, были реальными событиями, более или менее примечательными, но, разумеется, совершенно бессмысленными в том смысле, что они указывали на грядущие беды. Сенату были доложены и другие события, которые, должно быть, возникли почти целиком в воображении и страхах наблюдателей. Говорили, что в одном лагере два щита потеют кровью. Некоторые люди жали, и в корзину падали окровавленные колосья зерна. Это, конечно, должно было быть полностью воображаемым, если только кто-то из жнецов не порезал себе пальцы серпом. Некоторые ручьи и фонтаны стали кровавыми; и, наконец, в одном месте в стране некоторые козы превратились в овец. Курица также превратилась в петуха, а петух - в курицу.

Их влияние.
Значение, придаваемое этим историям.

Такие нелепые истории не заслуживали бы внимания сейчас, если бы не та степень важности, которую им придавали тогда. Они были официально доложены римскому сенату, свидетели, утверждавшие, что видели их, были вызваны и допрошены, и состоялось торжественное обсуждение вопроса о том, что следует предпринять, чтобы предотвратить сверхъестественное влияние зла, о котором говорили эти предзнаменования. Сенат постановил устроить три дня искупления и жертвоприношений, в течение которых весь народ Рима посвятил себя религиозным обрядам, призванным, по их мнению, умиротворить гнев Небес. Они делали различные подношения и дары различным богам, среди которых была золотая молния весом в пятьдесят фунтов, изготовленная для Юпитера, которого они считали громовержцем.

Лихорадочное волнение в Риме.

Известие о битве.

Все это происходило до битвы на Фрасименском озере, так что вся община находилась в состоянии лихорадочного возбуждения и тревоги до прихода вестей от Фламиния. Когда же эти вести наконец пришли, они повергли весь город в полное смятение. Конечно, гонец отправился прямо в сенат, чтобы доложить правительству, но весть о том, что прибыли такие новости, быстро распространилась по городу, и все население толпилось на улицах и площадях, с нетерпением ожидая вестей. Огромная толпа собралась перед зданием сената, требуя информации. Наконец появился чиновник и громко сказал им: "Мы потерпели поражение в великой битве". Больше он ничего не сказал. Слухи переходили от одного к другому, пока по всему городу не стало известно, что Ганнибал снова победил римскую армию в великой битве, что огромное количество солдат пало или попало в плен, а сам консул был убит.

Сбор народа.

Прибытие беглецов.

Ночь прошла в великой тревоге и ужасе, а на следующий день и в течение нескольких последующих дней народ в огромном количестве собирался у ворот, с нетерпением ожидая новостей о каждом, кто прибывал из страны. Очень скоро стали прибывать разрозненные солдаты и небольшие отряды, принося с собой сведения о битве, причем каждый из них мог рассказать свою историю, исходя из своего личного опыта участия в ней. Как только эти люди прибывали, жители города, особенно женщины, у которых мужья или сыновья были в армии, толпились вокруг них, засыпая их вопросами и заставляя рассказывать снова и снова, как будто нестерпимое напряжение и беспокойство слушателей не могло быть удовлетворено. Сведения были таковы, что в целом подтверждали и усиливали страхи тех, кто их слушал; но иногда, когда становилось известно о безопасности мужа или сына, они вызывали такое же облегчение и ликование, как в других случаях ужас и отчаяние. О том, что материнская любовь была столь же сильным импульсом в те суровые дни, как и в более утонченные и культурные времена нашего века, свидетельствует тот факт, что две из этих римских матерей, увидев своих сыновей, внезапно появившихся перед ними, живых и здоровых, когда они слышали, что те пали в бою, сразу же погибли от неожиданности и радости, как от удара.

Назначение диктатора.

Фабий.

В периоды большой и неминуемой опасности для государства римляне имели обычай назначать так называемого диктатора, то есть верховного руководителя, облеченного абсолютной и неограниченной властью; на него возлагалась обязанность спасти

государство от угрожающей ему гибели путем самых быстрых и энергичных действий. Данный случай, очевидно, относился к числу чрезвычайных, требующих такой меры. Времени для обсуждений и дебатов не было; ведь обсуждения и дебаты в периоды такого волнения и опасности превращаются в споры и заканчиваются беспорядками и волнениями. Ганнибал шел во главе победоносной армии, опустошая уже завоеванную страну, и между ним и городом не было никаких препятствий. Это была чрезвычайная ситуация, требовавшая назначения диктатора. Народ выбрал человека с большим опытом и мудростью, по имени Фабий, и передал в его руки всю власть в государстве. Все другие власти были приостановлены, и все было подчинено его власти. Весь город, с жизнью и имуществом каждого жителя, был отдан в его распоряжение; армия и флот также находились под его командованием, даже консулы подчинялись его приказам.

Меры Фабия.

Религиозные церемонии.

Фабий принял огромную ответственность, которую наложил на него избрание, и сразу же начал принимать необходимые меры. Прежде всего он распорядился о проведении торжественных религиозных церемоний, чтобы изгладить предзнаменования и умиловить богов. Он собрал всех людей в большие соборы и заставил их дать клятвы, в самой формальной и внушительной манере, обещая принести жертвы и устроить празднества в честь различных богов в будущем, если эти божества предотвратят угрожающую опасность. Сомнительно, однако, что Фабий, совершая эти действия, действительно верил в их реальную эффективность, или же он прибегал к ним как к средству успокоения и умиротворения умов людей, а также для создания того спокойствия и уверенности, которые всегда проистекают из надежды на благосклонность Небес. Если он преследовал именно эту цель, то его поведение было чрезвычайно мудрым.

Минуций.

Верховная власть диктатора.

Фабий также немедленно приказал собрать большое количество войск. Его второму командиру, называемому *конным мастером*, было приказано провести этот сбор и собрать войска в месте под названием Тибур, в нескольких милях к востоку от города. Для сопровождения и поддержки диктатора всегда назначался конный мастер. В случае с Фабием его звали Минуций. Минуций был таким же пылким, стремительным и порывистым, как Фабий - хладнокровным, благоразумным и расчетливым. Он собрал войска и привел их к месту сбора. Фабий вышел, чтобы принять командование. Один из консулов собирался присоединиться к нему с войском, которое было под его командованием. Фабий передал ему, что он должен прийти без каких-либо знаков отличия, так как вся его власть, полурегулярная в обычное время, отменяется и упраздняется в присутствии диктатора. Консул привык во всех случаях передвигаться с большим размахом. Его сопровождали двенадцать человек с эмблемами и знаками отличия, чтобы внушить армии и народу ощущение величия его достоинства. Поэтому, увидев консула, лишённого всех этих знаков власти и входящего в присутствие диктатора, как любой другой офицер входил бы к признанному начальнику, армия Фабия очень остро ощутила величие достоинства и власти своего нового полководца.

Прокламация Фабия.

Затем Фабий издал прокламацию, которую разослал с надлежащими гонцами по всем окрестностям Рима, особенно по той части территории, которая находилась во владении Ганнибала. В этой прокламации он приказал всем жителям покинуть страну и города, которые не были сильно укреплены, и искать убежища в замках, крепостях и укрепленных городах. Им также было приказано опустошить страну, которую они покинут, и уничтожить все имущество, а особенно провизию, которую они не могли взять с собой в места своего убежища. Сделав это, Фабий встал во главе собранных им войск и осторожно и осмотрительно двинулся на поиски своего врага.

Продвижение Ганнибала.

Тем временем Ганнибал перешел на восточную сторону Италии и двинулся вниз, завоеывая и опустошая страну по мере продвижения, пока не оказался значительно южнее Рима. Похоже, что после битвы на Фрасименском озере он счел не совсем благоразумным идти на штурм города; ведь огромного населения Рима было достаточно, чтобы, если бы он довел себя до отчаяния, угрожая захватом и разграблением города, полностью подавить его армию. Поэтому он двинулся на восток и продвигался по этой стороне, пока не миновал город, и так получилось, что Фабию пришлось идти на юг и на восток, чтобы встретить его. Обе армии сошлись на восточной стороне Италии, недалеко от берегов Адриатического моря.

Политика Фабия.

Он отказывается от сражения.

Фабий решил не давать Ганнибалу сражения, а наблюдать за ним и изматывать его армию усталостью и задержками. Поэтому он держался рядом с ним, но всегда размещал свою армию на выгодных позициях, которые все пренебрежения и провокации Ганнибала не могли побудить его покинуть. Когда Ганнибал двигался, что он вскоре был вынужден делать, чтобы добыть провизию, Фабий тоже двигался, но только для того, чтобы, как и прежде, расположиться и укрепиться в каком-нибудь безопасном месте. Ганнибал делал все возможное, чтобы вызвать Фабия на бой, но все его усилия были безуспешны.

Опасность Ганнибала.

Стратегема огненных быков.

На самом деле ему самому одно время грозила неминуемая опасность. Благодаря умелому управлению Фабия он оказался в окружении гор, на которых Фабий разместил свои войска, и только одно ущелье давало возможность прохода, да и то Фабий тщательно охранял его. Ганнибал прибег к своему обычному средству - хитрости и стратегеме - для поиска путей к отступлению. Он собрал стадо волов. Он привязал к их рогам факелы, наполнив факелы смолой, чтобы они стали легко воспламеняемыми. В ночь, когда он собирался попытаться пройти через дефиле, он приказал своей армии быть готовой к маршу, а затем приказал волам загнать их на холмы, расположенные по другую сторону от римского отряда, охранявшего проход. Затем на рогах волов зажгли факелы. Они бегали, испуганные и разъяренные огнем, который быстро обжигал их рога и ослеплял их падающими от него искрами. Листья и ветви леса были подожжены. В результате поднялся большой переполох, и стражники, увидев движущиеся огни и услышав шум, решили, что карфагенская армия находится на высотах и спускается, чтобы напасть на них. В большой спешке и смятении они вышли навстречу воображаемому врагу, оставив проход без охраны, и, пока они преследовали костры на головах волов во всевозможные опасные и труднодоступные места, Ганнибал спокойно провел свою армию через дефиле и достиг безопасного места.

Непопулярность Фабия.

Хотя Фабий удерживал Ганнибала и не давал ему подойти к городу, вскоре стало ощущаться недовольство тем, что он не действовал более решительно. Минуций постоянно уговаривал его дать Ганнибалу сражение, и, не имея возможности склонить его к этому, он постоянно выражал свое недовольство и неудовольствие. Армия сочувствовала Минуцию. Он тоже писал домой в Рим, горько жалуясь на неэффективность диктатора. Ганнибал узнал обо всем этом с помощью своих шпионов и других источников информации, которыми всегда располагает такой хороший военачальник, как он. Ганнибал, конечно, был очень рад услышать об этих разногласиях и непопулярности Фабия. Он считал такого врага, как он, - благоразумного, осторожного и бдительного, - гораздо более опасным противником, чем таких смелых и стремительных полководцев, как Фламиний и Минуций, которых он всегда мог завлечь в затруднительное положение, а затем легко победить.

Проницательность Ганнибала.

Ганнибал решил оказать Минуцию небольшую помощь, чтобы сделать Фабия непопулярным. Он узнал от некоторых римских дезертиров, что диктатор владеет ценной фермой в деревне, и отправил туда отряд своих войск с приказом разграбить и уничтожить все имущество вокруг, но оставить ферму Фабия нетронутой и в безопасности. Это было сделано для того, чтобы дать врагам Фабия в Риме повод говорить о том, что между ним и Ганнибалом втайне существовало хорошее взаимопонимание и что от смелых действий в защиту своей страны его удерживала некая коррупционная сделка, которую он предательски заключил с врагом.

Заговоры против Фабия.

Эти планы увенчались успехом. Недовольство и неудовлетворенность быстро распространились как в лагере, так и в городе. В Риме срочно потребовали возвращения Фабия, якобы для того, чтобы он принял участие в великих религиозных церемониях, но на самом деле для того, чтобы удалить его из лагеря и дать Минуцию возможность напасть на Ганнибала. Они также хотели придумать способ, как лишить его власти, если это возможно. Он был назначен на шесть месяцев, и этот срок еще не истек, но они хотели сократить его, а если не могли сократить, то ограничить и уменьшить его власть.

Он отправляется в Рим.

Минуций рискует сразиться.

Фабий отправился в Рим, оставив армию под командованием Минуция, но положительно приказав ему не давать Ганнибалу сражения и не подвергать свои войска опасности, а неуклонно ту же политику, которой придерживался сам. Однако он пробыл в Риме совсем недолго, прежде чем пришло известие о том, что Минуций провел сражение и одержал победу. В римский сенат пришли хвастливые письма Минуция, восхваляющие совершенный им подвиг.

Речь Фабия.

Фабий внимательно изучил отчеты. Он сопоставил одно с другим и убедился в том, что впоследствии оказалось правдой: Минуций не одержал никакой победы. Он потерял пять или шесть тысяч человек, а Ганнибал - не больше, и Фабий показал, что никакого преимущества не было. Он убеждал сенат в необходимости придерживаться той линии политики, которую он проводил, и в опасности рисковать всем, как это делал Минуций, в зависимости от удачи одного сражения. Кроме того, по его словам, Минуций не подчинился его приказам, которые были четко и ясно сформулированы, и он заслуживает отзыва.

Говоря это, Фабий как никогда раздражал и приводил в ярость своих врагов. "Вот человек, - говорили они, - который не только сам не будет сражаться с врагами, против которых его послали, но и не позволит никому другому сражаться с ними". Даже на таком расстоянии, когда его второй командир одерживает победу, он не признает ее и старается урезать ее преимущества. Он хочет затянуть войну, чтобы дольше наслаждаться верховной и неограниченной властью, которую мы ему доверили".

Фабий возвращается в армию.
Он лишается верховной власти.

Враждебность к Фабию наконец достигла такого накала, что на народном собрании было предложено сделать Минуция равным ему по должности. Фабий, закончив дела, которые вызвали его в Рим, не стал дожидаться обсуждения этого вопроса, а покинул город и уже собирался снова присоединиться к армии, когда его догнал гонец с письмом, в котором сообщалось, что декрет принят и что отныне он должен считать Минуция своим коллегой и равным. Минуций, разумеется, был чрезвычайно воодушевлен таким результатом. "Теперь, - сказал он, - мы посмотрим, нельзя ли что-нибудь сделать".

Разделение власти.

Первым вопросом, однако, было решить, по какому принципу и каким образом они должны разделить свою власть. "Мы не можем командовать одновременно", - сказал Минуций. "Давайте осуществлять власть попеременно, каждый из нас будет властвовать в течение дня, или недели, или месяца, или любого другого периода, который вы предпочтете".

"Нет, - ответил Фабий, - мы не будем делить время, мы будем делить людей. Есть четыре легиона. Ты возьмешь два из них, а два других будут моими. Так я смогу, возможно, спасти половину армии от опасностей, в которые, боюсь, твоя стремительность ввергнет всех, кто находится под твоим командованием".

Амбускада Ганнибала.
Успех Ганнибала.

Этот план был принят. Армия была разделена, и каждая часть под руководством своего предводителя отправилась в свой отдельный лагерь. В результате произошло одно из самых любопытных и необычных происшествий, зафиксированных в истории народов. Ганнибал, который был хорошо осведомлен обо всех этих операциях, сразу почувствовал, что Минуций в его власти. Он знал, что тот так жаждет битвы, что его легко будет заманить в нее почти при любых обстоятельствах, которые он сам захочет устроить. Поэтому он подсмотрел удобный момент, когда рядом с лагерем Минуция было подходящее место для засады, и расположил в нем пять тысяч человек так, чтобы их скрывали камни и другие препятствия для обзора. Между этим местом и лагерем Минуция был холм. Когда засада была готова, Ганнибал отправил небольшой отряд, чтобы овладеть вершиной холма, предвидя, что Минуций сразу же пошлет более сильные силы, чтобы прогнать их. Он так и сделал. Тогда Ганнибал послал еще большее подкрепление. Минуций, чей дух и гордость теперь были возбуждены, послал еще больше, и таким образом, постепенно, Ганнибал оттянул на себя все силы противника, а затем, приказав своим войскам отступить перед ними, потянул римлян дальше, вниз по холму, пока они не оказались окруженными засадой. Тогда скрытые войска набросились на них, и за короткое время римляне были повергнуты в полное смятение, разбежавшись во все стороны перед своими врагами, и полностью отданы на их милость.

Фабий приходит на помощь.

Речь Минуция.

Все было бы безвозвратно потеряно, если бы не вмешательство Фабия. Получив сведения об опасности в своем лагере, он сразу же выступил со всеми своими силами, прибыл на место так вовремя и действовал так эффективно, что сразу же полностью изменил ход событий. Он спас Минуция и его половину армии от полного уничтожения. Карфагеняне в свою очередь отступили, а Ганнибал был полностью подавлен разочарованием и досадой от того, что лишился своей добычи. История гласит, что Минуциюхватило честности и здравого смысла после этого признать свою ошибку и уступить руководству и направлению Фабия. Он собрал свою часть армии, когда они достигли своего лагеря, и обратился к ним с такими словами: "Друзья-солдаты, я часто слышал, как говорят, что самые мудрые люди - это те, кто сам обладает мудростью и проницательностью, а рядом с ними - те, кто умеет воспринимать мудрость и проницательность других и готов ими руководствоваться; глупцы же те, кто не знает, как себя вести, и не хочет, чтобы ими руководили те, кто знает. Мы не будем принадлежать к этому последнему классу; и поскольку доказано, что мы не имеем права причислять себя к первому, давайте присоединимся ко второму. Мы отправимся в лагерь Фабия и соединим наш лагерь с его лагерем, как и прежде. Мы обязаны ему, а также всей его части армии, нашей вечной благодарностью за благородство духа, которое он проявил, придя к нам на помощь, когда мог бы с таким правом оставить нас одних".

Римская армия вновь объединилась.

Оба легиона направились в лагерь Фабия, и между двумя частями армии наступило полное и окончательное примирение. Благодаря этой сделке Фабий очень высоко поднялся во всеобщем уважении. Однако срок его диктатуры истек вскоре после этого, и, поскольку опасность со стороны Ганнибала была уже не столь неотвратимой, должность не была возобновлена, а консулы были выбраны, как и прежде.

Характер Фабия.

Его честность.

Характер Фабия вызывает у всего человечества глубочайшее восхищение. Во всем, что он делал, проявлялся благородный дух. Один из его последних поступков стал ярким тому подтверждением. Он договорился с Ганнибалом о выплате определенной суммы денег в качестве выкупа за нескольких пленников, которые попали в его руки и которых Ганнибал, поверив обещанию, отпустил. Фабий полагал, что римляне с готовностью ратифицируют договор и выплатят сумму; но они отказались, будучи недовольны или делая вид, что недовольны, поскольку Фабий не посоветовался с ними перед заключением соглашения. Фабий, чтобы сохранить веру свою и своей страны неповрежденной, продал свою ферму, чтобы выручить деньги. Таким образом он, конечно, защитил и отстоял свою собственную честь, но вряд ли можно сказать, что он спас честь народа Рима.

Глава IX.

Битва при Каннах.

215 Г. ДО Н.Э.

Интерес, вызванный битвой при Каннах.

Битва при Каннах была последним великим сражением, которое Ганнибал провел в Италии. Этот конфликт получил широкую известность в истории не только благодаря своим масштабам и ужасному отчаянию, с которым он был разыгран, но и из-за сильного драматического интереса, который вызывают сопутствующие ему обстоятельства. Однако этот интерес, возможно, в равной степени объясняется как особым мастерством древнего историка, повествующего об этой истории, так и самими событиями, которые он описывает.

Различные военные операции.

Состояние общественного мнения в Риме.

Эта битва произошла примерно через год после окончания диктатуры Фабия. Этот промежуток времени римские консулы, занимавшие в это время свои посты, провели в различных военных операциях, которые, однако, не привели ни к каким решительным результатам. Тем временем в Риме царили большое беспокойство, недовольство и неудовлетворенность. Наличие такого опасного и страшного врага во главе сорока тысяч человек, вторгшегося в окрестности их города, опустошающего территории их друзей и союзников и постоянно угрожающего напасть на сам город, было постоянным источником беспокойства и досады. Римскую гордость уязвляло и то, что самые большие армии, которые они могли собрать, и самые умелые генералы, которых они могли выбрать и назначить, оказывались совершенно неспособными справиться с врагом. Самые прозорливые из них, по сути, сочли необходимым вообще отказаться от поединка с ним.

Плебеи и патриции.

Консулы Эмилий и Варро.

Такое положение вещей вызвало в городе много дурного настроения. Партийный дух был очень высок; проводились бурные собрания; преобладали споры и пререкания, взаимные обвинения и упреки без конца. Сформировались две большие партии: с одной стороны - средние слои населения, с другой - аристократия. Первые назывались плебеями, вторые - патрициями. Разделение между этими двумя классами было очень велико и очень сильно выражено. Вследствие этого выборы консулов были сопряжены с бесконечными трудностями. Наконец консулы были избраны, по одному от каждой партии. Патриция звали Паулус Эмилий. Плебея звали Варро. Их ввели в должность, и таким образом они вместе получили в свое распоряжение огромную власть, для эффективного и успешного использования которой, казалось бы, требовалось единство и согласие между теми, кто ею обладал, но при этом Эмилий и Варро были заядлыми и непримиримыми политическими врагами. Так часто происходило и в римском правительстве. Консульство было двуглавым чудовищем, которое тратило половину своих сил на ожесточенные споры между своими членами.

Собрана новая армия.

Теперь римляне решили предпринять эффективные усилия, чтобы избавиться от своего врага. Они собрали огромную армию. Она состояла из восьми легионов. Римский легион был самостоятельной армией. Обычно в нем было четыре тысячи пеших воинов и триста

всадников. Очень необычно было иметь на поле боя более двух-трех легионов одновременно. Однако по этому случаю римляне увеличили число легионов, а также увеличили их размер, так что в каждом из них было по пять тысяч пехоты и четыреста конницы. Они были полны решимости предпринять великое и последнее усилие, чтобы защитить свой город и спасти государство от гибели. Эмилий и Варро приготовились принять командование над этим огромным отрядом, твердо решив сделать его средством уничтожения Ганнибала.

Самоуверенность Варро.

Однако характеры двух полководцев, равно как и их политические связи, были очень несхожи, и вскоре они начали проявлять совершенно разный дух и принимать совершенно разные позы и повадки, каждая из которых отличалась от другой. Эмилий был другом Фабия и одобрял его политику. Варро выступал за большую оперативность и решительность. Он давал большие обещания и с величайшей уверенностью говорил, что сможет уничтожить Ганнибала одним ударом. Он осуждал политику Фабия, пытавшегося измотать врага промедлением. Он сказал, что это план аристократической партии - затянуть войну, чтобы занять высокие посты и увековечить свое значение и влияние. По его словам, войну можно было закончить уже давно, и он пообещал народу, что теперь непременно закончит ее в тот самый день, когда увидит Ганнибала.

Предостережение Эмилия.

Мнения Эмилия.

Что касается Эмилия, то он придерживался совершенно иного тона. По его словам, он был удивлен, что кто-то может претендовать на то, чтобы решать, еще не выйдя из города и, разумеется, находясь в полном неведении, как о состоянии собственной армии, так и о положении, замыслах и силе противника, как скоро и при каких обстоятельствах будет разумно дать ему сражение. Планы должны формироваться в соответствии с обстоятельствами, так как обстоятельства нельзя заставить измениться в соответствии с планами. Он верил, что они должны добиться успеха в столкновении с Ганнибалом, но считал, что единственная надежда на успех должна основываться на проявлении благоразумия, осторожности и проницательности; он был уверен, что опрометчивость и глупость могут привести в будущем, как это всегда бывало в прошлом, только к разочарованию и гибели.

Совет Фабия.

Разговор между Фабием и Эмилием.

Говорят, что Фабий, бывший диктатор, беседовал с Эмилием перед его отъездом в армию и дал ему совет, который подсказали его возраст и опыт, а также знание характера и действий Ганнибала. "Если бы у тебя был такой же коллега, как ты сам, - сказал он, - я не стал бы давать тебе никаких советов; ты бы в них не нуждался. Или, если бы ты сам был таким же, как твой коллега, - тщеславным, самодовольным и самонадеянным, - я бы промолчал; совет был бы для тебя излишним. Но как бы то ни было, хотя у вас есть великая рассудительность и проницательность, чтобы направлять вас, вы должны быть поставлены в ситуацию чрезвычайной трудности и опасности. Если я не ошибаюсь, самая большая трудность, с которой вам придется столкнуться, - это не открытый враг, с которым вы встретитесь на поле. Я думаю, вы обнаружите, что Варро доставит вам не меньше хлопот, чем Ганнибал. Он будет самонадеян, безрассуден и упрям. Он вдохновит всех опрометчивых и пылких молодых

людей в армии своей собственной восторженной глупостью, и нам очень повезет, если мы не увидим вновь ужасные и кровавые сцены у Фрасименского озера. Я уверен, что истинная политика, которую мы должны принять, - это та, которую я обозначил. Это всегда правильный курс для захватчиков, которого они должны придерживаться, когда есть хоть малейшие сомнения в успехе сражения. Мы становимся сильнее, в то время как Ганнибал постоянно слабеет из-за промедления. Он может процветать только до тех пор, пока может сражаться в битвах и совершать блестящие подвиги. Если мы лишим его этой возможности, его силы будут постоянно иссякать, а дух и мужество его людей ослабевать. Сейчас у него едва ли третья часть той армии, которая была у него, когда он перешел Ибер, и ничто не спасет этот остаток от гибели, если мы будем мудры".

Решение Эмилия.

В ответ на это Эмилий заявил, что вступил в поединок без особых надежд и ободрения. Если Фабию было так трудно противостоять бурному влиянию своего конного мастера, который был его подчиненным офицером и, как таковой, находился под его командованием, то как он мог рассчитывать сдержать своего коллегу, который по своей должности имел право на полное равенство с ним. Но, несмотря на трудности, которые он предвидел, он собирался выполнить свой долг и подчиниться результату; если же результат окажется неблагоприятным, он будет искать смерти в конфликте, так как смерть от карфагенских копий, по его мнению, была гораздо более легким злом, чем недовольство и порицание соотечественников.

Консулы присоединяются к армии.

Консулы отбыли из Рима, чтобы присоединиться к армии: Эмилий - в сопровождении небольшого числа людей высокого ранга и положения, а Варро - с гораздо большим обозом, хотя он состоял из людей низших слоев общества. Армия была организована, а расположение лагерей доведено до совершенства. Одна из церемоний заключалась в принесении солдатами клятвы, как это было принято в римских войсках в начале кампании. Их заставили поклясться, что они не дезертируют из армии, что никогда не оставят пост, на котором находились, в страхе или бегстве, и не покинут ряды, кроме как для того, чтобы взять или вернуть оружие, поразить врага или защитить друга. Эти и другие меры были выполнены, и армия была готова к выступлению. В отношении разделения власти консулы заключили соглашение, отличное от того, которое приняли Фабий и Минуций. Между ними было решено, что они будут осуществлять свою общую власть поочередно, каждый в течение одного дня.

Положение Ганнибала.

Нехватка продовольствия.

Тем временем Ганнибал начал сталкиваться с большими трудностями в добыче провизии для своих людей. Политика Фабия оказалась настолько успешной, что поставила его в очень неловкое положение, которое с каждым днем становилось все более и более затруднительным. Он не мог добыть себе никакого продовольствия, кроме того, что получал путем грабежа, а для этого теперь было очень мало возможностей, поскольку жители страны унесли все зерно и сложили его в сильно укрепленных городах; и хотя Ганнибал был очень уверен в своих силах справиться с римской армией в обычном сражении на открытом поле, у него не было достаточно сил, чтобы разрушить цитадели или атаковать укрепленные лагерь.

Поэтому его запасы провизии все больше и больше истощались, и теперь у него был запас всего на десять дней, и он не видел возможности увеличить его.

Страдания войск Ганнибала.

Поэтому его главной целью было вызвать сражение. Варро был готов дать ему сражение, но Эмилий, или, если называть его полным именем, Паулюс Эмилий, под которым он чаще всего известен, очень хотел продолжать политику Фабия до истечения десяти дней, после чего, как он знал, Ганнибал должен был оказаться в крайне бедственном положении и, возможно, должен был сразу же сдаться, чтобы спасти свою армию от фактического голода. Поговаривали, что войска получали столь скудное довольствие, что это вызывало сильное недовольство, а большая часть испанцев готовилась дезертировать и вместе перейти в римский лагерь.

Поражение фуражиров.

Все шло своим чередом, когда однажды Ганнибал отправил из своего лагеря отряд за продовольствием, и Эмилий, который в тот день командовал отрядом, выслал сильные силы, чтобы перехватить их. Он добился успеха. Карфагенский отряд был разгромлен. Около двух тысяч человек было убито, а остальные бежали по всем дорогам, которые могли найти, обратно в лагерь Ганнибала. Варро очень хотел последовать за ними, но Эмилий приказал своим людям остановиться. Он опасался какой-нибудь хитрости или предательства со стороны Ганнибала и был настроен удовлетвориться уже одержанной победой.

Ганнибал притворно покинул свой лагерь.

Этот небольшой успех, однако, только разжег Варро жажду битвы и вызвал общий энтузиазм в римской армии; а через день или два после этого произошло обстоятельство, которое подняло это волнение на высшую ступень. Несколько разведчиков, расположившихся вблизи лагеря Ганнибала, чтобы наблюдать за его движениями и признаками, передали консулам, что все карфагенские стражи вокруг их лагеря внезапно исчезли, а внутри воцарилась необычайная тишина. Отряды римских солдат постепенно и осторожно подходили к карфагенской линии и вскоре обнаружили, что лагерь опустел, хотя костры еще горели и палатки оставались. Это известие, конечно, привело всю римскую армию в волнение и возбуждение. Они столпились вокруг павильонов консулов и стали настойчиво требовать, чтобы их повели овладеть лагерем и преследовать врага. "Он бежал, - говорили они, - и с такой поспешностью, что оставил палатки на месте, а костры еще горят. Ведите нас в погоню за ним".

Миссия Статилиуса.

Варро был взволнован не меньше остальных. Он жаждал действий. Эмилий колебался. Он навел справки. Он сказал, что им следует действовать осторожно. В конце концов он призвал к себе некоего благоразумного и проницательного офицера по имени Статилиус и приказал ему взять небольшой отряд всадников, отправиться в карфагенский лагерь, точно выяснить обстоятельства и доложить о результатах. Статилиус так и сделал. Достигнув линии, он приказал своим войскам остановиться, взял с собой двух всадников, на чью храбрость и силу он мог положиться, и поскакал туда. Три всадника объехали лагерь и осмотрели все вокруг, чтобы выяснить, действительно ли Ганнибал покинул свою позицию и бежал, или же это была какая-то хитрость.

Уловка была раскрыта.

Огорчение Ганнибала и римлян.

Вернувшись, он доложил армии, что, по его мнению, дезертирство в лагере было не настоящим, а уловкой, чтобы втянуть римлян в какие-то трудности. Костры были самыми большими на стороне, обращенной к римлянам, что указывало на то, что они были разведены с целью обмана. Он также видел деньги и другие ценности, разбросанные по земле, что показалось ему больше похожим на приманку в ловушке, чем на имущество, брошенное беглецами в качестве препятствия к бегству. Варро это не убедило, а войско, услышав о деньгах, воспыало еще большим рвением к грабежу. Их с трудом удавалось сдерживать. В это время в римский лагерь пришли два раба, которых некоторое время назад взяли в плен карфагеняне. Они рассказали консулам, что все карфагенское войско затаилось в засаде совсем рядом, ожидая, когда римляне войдут в их лагерь, чтобы окружить их и изрубить на куски. В суматохе и движении, сопутствующим этому плану, рабы сбежали. Разумеется, римская армия была теперь удовлетворена. Они вернулись, удрученные и разочарованные, в свои кварталы, а Ганнибал, еще более удрученный и разочарованный, вернулся в свой.

Однако вскоре он обнаружил, что не может больше оставаться на месте. Его запасы провизии были исчерпаны, и он не мог получить больше. Римляне не хотели выходить из своего лагеря, чтобы дать ему бой на равных, а сами они были слишком сильно укреплены, чтобы их можно было атаковать там, где они находились. Поэтому он решил эвакуировать эту часть страны и внезапным маршем двинуться в Апулию.

Апулия.

Апулия находилась на восточной стороне Италии. Через нее протекает река Ауфидус, возле устья которой находится город Канны. Район Ауфида представлял собой теплую и солнечную долину, которая сейчас была усыпана созревающими зёрнами. Находясь южнее того места, где он был раньше, и больше подвергаясь воздействию солнца, Ганнибал решил, что урожай созреет раньше, и, по крайней мере, у него появится новое поле для грабежа.

Ганнибал вступает в Апулию.

Римляне следуют за ним.

Он решил всерьез покинуть свой лагерь и двинуться в Апулию. Он принял те же меры, что и раньше, когда его уход был лишь предлогом. Он оставил палатки и горящие костры, но ночью тайно вывел армию из лагеря, так что римляне не заметили его ухода; а на следующий день, когда они увидели, что в лагере царит тишина и одиночество, они заподозрили очередной обман и сами не предпринимали никаких действий. Однако вскоре пришло известие, что длинные колонны армии Ганнибала уже видны далеко на востоке и движутся вперед как можно быстрее со всем своим багажом. Римляне, после долгих споров и сомнений, решили последовать за ним. Орлы Апеннин смотрели вниз на две огромные движущиеся массы, медленно ползущие по лесам и долинам, как рои насекомых, один за другим, ведомые странным, но сильным притяжением, влекущим их друг к другу на расстоянии, но удерживающим от разрыва еще более сильным отталкиванием вблизи.

Новые лагеря.

Разногласия между консулами.

Римская армия сошлась с армией Ганнибала на реке Ауфид, недалеко от Канн, и два огромных лагеря расположились со всем шумом и волнением, присущим передвижениям двух больших армий, разместившихся накануне битвы по соседству друг с другом. В римском лагере неразбериха значительно усугубилась из-за гневных споров, которые сразу же возникли между консулами и их сторонниками по поводу того, какой курс следует выбрать.

Варро настаивал на немедленном сражении с карфагенянами. Эмилий отказался. Варро заявил, что он должен протестовать против продолжения этих непростительных задержек и настаивать на сражении. Он не может согласиться с тем, чтобы Италия и впредь оставалась во власти такого бедствия. Эмилий ответил, что, если Варро и решится на сражение, он сам протестует против своей опрометчивости и не может нести никакой ответственности за результат. Различные офицеры встали на сторону одного консула, другого, но большинство - на сторону Варро. Разногласия наполнили лагерь волнением, возбуждением и недоброжелательностью.

Бегство жителей.

Тем временем жители страны, в которую так внезапно ворвались эти две огромные орды свирепых, хотя и сдержанных и организованных бойцов, бежали со всех ног от ужасной сцены, которая, по их мнению, должна была произойти. Они выносили из своих деревень и хижин то небольшое имущество, которое удалось спасти, а женщин и детей уводили в укрытия, где, по их мнению, можно было найти временное убежище или защиту. Весть о движении двух армий распространилась по всей стране, разносимая сотнями беженцев и гонимых, и вся Италия с тревогой и напряжением ожидала результата.

Маневры.

Армии маневрировали в течение дня или двух: Варро во время своего командования принимал меры для продвижения и благоприствования действиям, а Эмилий на следующий день делал все, что было в его силах, чтобы предотвратить их. В конце концов Варро добился успеха. Линии были сформированы, и сражение должно было начаться. Теперь Эмилий отказался от поединка, и хотя он искренне протестовал против курса, которого придерживался Варро, он был готов сделать все возможное, чтобы предотвратить поражение, поскольку избежать столкновения уже не было никакой возможности.

Битва при Каннах.

Битва началась, и читатель должен представить себе эту сцену, поскольку ни одно перо не в состоянии ее описать. Пятьдесят тысяч человек с одной стороны и восемьдесят тысяч с другой, упорно и неуклонно работая в течение шести часов, убивая друг друга всеми возможными средствами уничтожения - удары, удары, борьба, крики, крики гнева и неповиновения, крики ужаса и агонии, все смешалось в один общий грохот, который покрывал всю страну на многие мили, и все это вместе представляло собой сцену ужаса, о которой никто, кроме тех, кто был свидетелем великих сражений, не может составить адекватного представления.

Еще одна стратагема.

Кажется, что Ганнибал ничего не может сделать без стратагем. В начале этого конфликта он отправил большую часть своих войск к римлянам как дезертиров. Они бросили свои копья и пряжки, когда достигли римских рядов, в знак сдачи. Римляне приняли их, открыли им проход в тыл и приказали оставаться там. Поскольку они были безоружны, они оставили лишь небольшую стражу, чтобы держать их под стражей. Однако у мужчин были припрятаны кинжалы, и, улучив удобный момент в разгар битвы, они вскочили на ноги, достали оружие,

оторвались от своей охраны и напали на римлян с тыла в тот момент, когда те были настолько потеснены врагом спереди, что едва могли удержаться на ногах.

Поражение римлян.

Эмилий ранен.

Уже через много часов стало ясно, что римские войска повсюду уступают. Медленно и неохотно уступая, они вскоре обратились в бегство. Во время бегства слабые и раненые были растоптаны ногами толпы, наседавшей на них сзади, или были сбиты с ног бесцельными ударами врагов, когда те проносились мимо, преследуя тех, кто еще был в состоянии бежать. В разгар этой сцены римский офицер по имени Лентул, ускакав, увидел на обочине дороги другого раненого офицера, который сидел на камне, теряя сознание и истекая кровью. Подъехав к нему, он остановился и увидел, что это консул Эмилий. Он был ранен в голову пращей, и силы его почти иссякли. Лентул предложил ему свою лошадь и убеждал сесть на нее и бежать. Эмилий отказался. Он сказал, что уже слишком поздно спасать свою жизнь и что, кроме того, у него нет никакого желания ее спасать. "Поэтому отправляйся сам, - сказал он, - так быстро, как только сможешь. Как можно скорее отправляйтесь в Рим. Передай тамошним властям от меня, что все потеряно и они должны сделать все, что в их силах, для защиты города. Поспеши как можно быстрее, иначе Ганнибал будет у ворот раньше тебя".

Смерть Эмилия.

Бегство Варро.

Эмилий отправил послание и Фабию, заявив ему, что он не виноват в том, что рискнул вступить в битву с Ганнибалом. По его словам, он сделал все возможное, чтобы предотвратить ее, и до последнего придерживался политики, которую рекомендовал Фабий. Получив эти сообщения, Лентул, видя, что карфагеняне приближаются к нему в погоне, ускакал, оставив консула на произвол судьбы. Карфагеняне наступали и, увидев раненого, по очереди втыкали копья в его тело, пока его конечности не перестали дрожать. Что касается другого консула, Варро, то ему удалось спастись. В сопровождении примерно семидесяти всадников он добрался до укрепленного города, расположенного не очень далеко от поля битвы, где остановился со своими всадниками и решил, что попытается собрать там остатки армии.

Состояние поля битвы.

Карфагеняне, признав победу полной, отказались от преследования врага, вернулись в свой лагерь, несколько часов пировали и ликовали, а затем легли спать. Конечно, они были сильно измотаны напряженной работой в течение дня. На поле, где проходила битва, всю ночь лежали раненые вперемешку с мертвыми, наполняя воздух криками и стонами и корчась в агонии.

Раненые и умирающие.

Римский и карфагенский солдат.

Рано утром следующего дня карфагеняне вернулись на поле, чтобы разграбить мертвые тела римлян. Все поле представляло собой шокирующее зрелище. Тела лошадей и людей лежали в страшном беспорядке, как попало, одни мертвые, другие еще живые, люди стонали, просили воды и время от времени слабо пытались выпутаться из груды туш, под которыми они были погребены. Смертельная и неистребимая ненависть, которую карфагеняне испытывали к своим врагам, не утихла после уничтожения сорока тысяч из них, и они избивали и закалывали этих несчастных беглецов везде, где находили их, в качестве

утреннего времяпрепровождения после тяжелых трудов предыдущего дня. Однако эту бойню вряд ли можно считать жестокостью по отношению к несчастным жертвам, ведь многие из них обнажали грудь перед нападавшими и умоляли нанести им удар, который должен был положить конец их мучениям. При осмотре поля один карфагенский солдат был найден еще живым, но заключенным в мертвое тело лежащего на нем римского врага. Лицо и уши карфагенянина были страшно изуродованы. Римлянин, упав на него, когда оба были смертельно ранены, продолжал сражаться зубами, когда уже не мог использовать оружие, и наконец умер, связав измученного врага своим собственным трупом.

Огромная добыча.

Карфагеняне захватили огромное количество награбленного. В римской армии было много офицеров и солдат из аристократических слоев общества, и их оружие и одежда были очень ценными. Карфагеняне добыли несколько бушелей золотых колец с их пальцев, которые Ганнибал отправил в Карфаген в качестве трофея своей победы.

Глава X.

Сципион.

215-201 гг. до н. э.

Причина успеха Ганнибала.

Сципионы.

Истинная причина, по которой Ганнибала не удалось задержать в его триумфальной карьере, заключается не в том, что римляне не проводили правильной политики по отношению к нему, а в том, что до сих пор у них не было полководца, равного ему. Тот, кого посылали против него, вскоре оказывался ему уступающим. Ганнибал мог перехитрить их всех в стратегеме и победить на поле боя. Однако теперь должен был появиться человек, способный справиться с Ганнибалом. Это был молодой Сципион, тот самый, что спас жизнь своему отцу в битве при Тицине. Этот Сципион, хотя и был сыном первого великого антагониста Ганнибала с таким именем, в истории обычно называется старшим Сципионом, так как после него был еще один человек с таким же именем, который прославился своими войнами против карфагенян в Африке. Эти двое получили от римского народа фамилию Африканус в честь своих африканских побед, а тот, кто сейчас выходит на сцену, назывался Сципионом Африканским старшим, или иногда просто старшим Сципионом. Подвиги Сципиона, пытавшегося остановить Ганнибала при Роне и на По, были настолько затмлены его сыном и другим Сципионом, который последовал за ним, что первый остается вне поля зрения и забывается при обозначении и выделении остальных.

Фрагменты римской армии.

Сципион избран полководцем.

Наш сегодняшний Сципион впервые появляется на сцене, выполняя функции военного командира, после битвы при Каннах. Он был подчиненным офицером и на следующий день после битвы оказался в местечке Канузиум, которое находилось на небольшом расстоянии от Канн, по дороге в Рим, с несколькими другими офицерами своего ранга, а также с разбитыми массами и отрядами армии, которые время от времени прибывали сюда, слабые,

измученные и в отчаянии. Ходили слухи, что оба консула убиты. Поэтому этими частями армии некому было командовать. Офицеры собрались вместе и единогласно решили назначить Сципиона своим командиром на время чрезвычайной ситуации, пока не прибудет какой-нибудь вышестоящий офицер или пока они не получат приказ из Рима.

Энергия Сципиона.

Здесь произошел случай, который с поразительной точки зрения показал смелость и энергию характера молодого Сципиона. В то самое собрание, на котором он был назначен командиром, и когда все были переполнены недоумением и заботами, вошел офицер и сообщил, что в другой части лагеря собрались офицеры и молодые люди во главе с неким Метеллом, которые решили в отчаянии бросить дело своей страны, и что они принимают меры, чтобы немедленно отправиться к морскому побережью, получить корабли и уплыть на поиски нового дома в чужие края, считая свое дело в Италии полностью проигранным и разрушенным. Офицер предложил им созвать совет и обсудить, как лучше поступить.

Дело Метелла.

"Обсуждайте!" - сказал Сципион; "это дело не для обсуждений, а для действий. Вынимайте мечи и следуйте за мной". Сказав это, он во главе отряда направился к покоям Метелла. Они смело вошли в апартаменты, где он и его друзья совещались. Сципион поднял меч и очень торжественно произнес клятву, обязуясь не покидать свою страну в этот тяжелый час и не позволять никому из римских граждан покинуть ее. Если же он окажется виновным в подобной измене, он призывает Юпитера, самые страшные проклятия, чтобы тот уничтожил его полностью, дом, семью, состояние, душу и тело.

Метелл уступает.

"А теперь, Метелл, я призываю тебя, - сказал он, - и всех, кто с тобой, дать такую же клятву. Ты должен это сделать, иначе тебе придется защищаться как от наших мечей, так и от мечей карфагенян". Метелл и его отряд уступили. Они уступили не только под влиянием страха. Влияние надежды было не меньше, чем влияние страха. Мужество, энергия и боевой пыл, проявленные Сципионом, пробудили в них аналогичный дух и заставили вновь надеяться, что, возможно, их страна еще будет спасена.

Смятение в Риме.

Весть о страшном поражении и гибели римской армии быстро долетела до Рима и вызвала всеобщее смятение. Весь город был взбудоражен. В армии были солдаты почти из каждой семьи, так что все женщины и дети в городе были охвачены двойным волнением - безутешной скорбью о смерти мужа или отца, убитого в битве, и ужасным страхом, что Ганнибал и его неистовые последователи вот-вот ворвутся через ворота города, чтобы убить их. Улицы города, и особенно Форум, были заполнены огромными толпами мужчин, женщин и детей, которые наполняли воздух громкими причитаниями, криками ужаса и отчаяния.

Сенат объявляет перерыв.

Магистраты не смогли восстановить порядок. Сенат объявил перерыв, чтобы его члены могли пройти по городу и, используя свое влияние и власть, добиться хотя бы тишины, если не удастся восстановить самообладание. Наконец улицы были очищены. Женщинам и детям было приказано оставаться дома. Вооруженные патрули были поставлены на страже, чтобы предотвратить возникновение бурных собраний. Людей отправили на лошадях по

дороге в Канузий и Канны, чтобы получить более точные сведения, а затем сенат снова собрался и начал со спокойствием, на которое только был способен, обсуждать, что делать.

Ганнибал отказывается идти на Рим.

Ганнибал устраивает свой штаб в Капуе.

Однако паника в Риме была в какой-то мере ложной тревогой, так как Ганнибал, вопреки ожиданиям всей Италии, не пошел на Рим. Его генералы очень настойчиво убеждали его сделать это. Ничто не могло помешать, говорили они, ему немедленно овладеть городом. Но Ганнибал отказался это сделать. Рим был сильно укреплен и имел огромное население. К тому же его армия была сильно ослаблена битвой при Саппæ, и, похоже, он счел за благо не пытаться овладеть Римом до тех пор, пока не получит подкрепления из дома. Сейчас был такой поздний сезон, что он не мог ожидать немедленного подкрепления, и, соответственно, решил выбрать какое-нибудь более доступное место, чем Рим, и сделать его своей штаб-квартирой на зиму. Он остановил свой выбор на Капуе, большом и могущественном городе в одной-двух сотнях миль к юго-востоку от Рима.

Ганнибал, по сути, задумал сохранить за собой владение Италией и сделать Капуу столицей страны, оставив Рим на произвол судьбы, чтобы он, как это неизбежно должно быть при таких обстоятельствах, пришел в упадок и стал вторым городом. Возможно, он устал от усталости и опасностей войны и, едва избежав разорения перед битвой при Каннах, решил не подвергать себя новым опасностям. Для него было большим вопросом, идти ли ему вперед на Рим или попытаться построить новую столицу в Капуе. Вопрос о том, что из этих двух вариантов ему следовало сделать, был предметом больших дебатов тогда, и он много обсуждался военными людьми во все века, начиная с его дней. Правильно это или нет, но Ганнибал решил основать свою столицу в Капуе, а Рим пока оставить в покое.

Ганнибал отправляет Маго в Карфаген.

Однако тот сразу же отправился в Карфаген за подкреплением. Посланником, которого он отправил, был один из его генералов по имени Маго. Маго с радостной вестью о победе и бушелем колец, собранных, как уже говорилось, на поле Канны, добрался до Карфагена. Карфагенский город был сильно взволнован принесенными им новостями. Друзья и покровители Ганнибала были полны энтузиазма и гордости, они насмеялись и упрекали его врагов в том, что те противостояли ему, когда он был первоначально назначен командовать армией Испании.

Речь Маго.

Мешок с кольцами.

Маго встретился с карфагенским сенатом и в очень пылкой и красноречивой речи рассказал им, сколько славных битв провел Ганнибал и сколько побед он одержал. Он сражался с величайшими полководцами, которых римляне могли выставить против него, и победил их всех. Всего, по его словам, он убил более двухсот тысяч человек. Теперь вся Италия находится под его властью, Капуя - его столица, а Рим пал. В заключение он сказал, что Ганнибал нуждается в значительных дополнительных поставках людей, денег и провизии, которые, как он не сомневается, карфагеняне пришлют без лишних проволочек. Затем он показал сенату большой мешок с кольцами, который он принес, и высыпал их на мостовую сенатского дома в качестве трофея за победы, о которых он сообщал.

Дебаты в карфагенском сенате.

Возможно, все это было бы очень хорошо для Ганнибала, если бы его друзья довольствовались тем, что оставили дело там, где его оставил Маго; но некоторые из них не смогли устоять перед соблазном поиздеваться над его врагами, и особенно над Ганно, который, как известно, изначально был против его отправки в Испанию. Они повернулись к нему и с триумфом спросили, что он теперь думает о своей развратной оппозиции столь храброму воину. Ханно поднялся. Сенат посмотрел на него и глубоко замолчал, гадая, что он ответит. Ханно, с видом совершенной непринужденности и самообладания, заговорил примерно следующим образом:

Речь Ганно в карфагенском сенате.

"Я не стал бы ничего говорить, а предоставил бы сенату самому решать, что делать с предложением Маго, если бы ко мне не было обращено особое внимание. Как бы то ни было, я скажу, что думаю сейчас так же, как думал всегда. Мы втянуты в самую дорогостоящую и самую бесполезную войну и, как мне кажется, сейчас не ближе к ее концу, чем когда-либо, несмотря на все эти хваленые успехи. Пустоту их ясно показывает несоответствие притязаний Ганнибала на то, что он сделал, с требованиями, которые он выдвигает в отношении того, что он хочет, чтобы мы сделали. Он говорит, что победил всех своих врагов, и при этом требует, чтобы мы прислали ему еще солдат. Он подчинил себе всю Италию - самую плодородную страну в мире - и правит ею в Капуе, но при этом требует от нас кукурузы. А затем, в довершение всего, он посылает нам бушели золотых колец в качестве образца богатств, добытых им грабежом, и сопровождает это подношение требованием новых поставок денег. На мой взгляд, его успех иллюзорен и пуст. Кажется, в его положении нет ничего существенного, кроме его нужд и тяжелого бремени, которое эти нужды налагают на государство".

Ход войны.

Несмотря на язвительные замечания Ганно, карфагеняне решили поддержать Ганнибала и прислать ему необходимые припасы. Однако они долго не доходили до него. Возникали различные трудности и задержки. Римляне, хотя и не смогли оттеснить Ганнибала от его позиций в Италии, собрали армии в разных странах и вели длительные войны с карфагенянами и их союзниками в разных частях света, как на море, так и на суше.

Консервация армии Ганнибала.

В результате Ганнибал пробыл в Италии пятнадцать или шестнадцать лет, в течение всего этого времени ведя затяжную борьбу с Римской державой, но так и не сумев предпринять никаких решительных мер. В течение этого периода он иногда добивался успеха и побед, а иногда был очень сильно потеснен своими врагами. Говорят, что его армия была очень истощена и ослаблена удобствами и роскошью, которыми они наслаждались в Капуе. Капуя была очень богатым и красивым городом, и жители ее открыли свои ворота перед Ганнибалом по собственной воле, предпочитая, как они говорили, его союз римлянам. Офицеры - как почти всегда поступают офицеры армии, когда оказываются в богатом и могущественном городе после утомительного и почетного похода - предались празднествам и ликованию, играм, представлениям и всевозможным развлечениям, которые они вскоре научились бесконечно предпочитать труду и опасности маршей и сражений.

Упадок карфагенской державы.

Каковы бы ни были причины, не подлежит сомнению тот факт, что с того момента, как Ганнибал и его армия заняли удобные кварталы в Капуе, карфагенская держава начала постепенно клониться к упадку. Поскольку Ганнибал решил сделать этот город столицей Италии вместо Рима, то, конечно, обосновавшись там, он почувствовал себя в какой-то степени оседлым и домашним, и планы нападения на древнюю столицу интересовали его меньше, чем раньше. Тем не менее, война продолжалась, было много сражений, осаждено много городов, римская власть все время укреплялась, хотя и не одерживала решающих побед.

Марцелл.

В этих сражениях наконец появился новый римский полководец по имени Марцелл, и то ли из-за того, что он обладал более смелым и активным темпераментом, то ли из-за изменения относительной силы двух соперничающих держав, он проводил более агрессивную политику, чем это считал благоразумным Фабий. Однако Марцелл был осторожен и осмотрителен в своих предприятиях, а свои планы разрабатывал с такой проницательностью и мастерством, что почти всегда добивался успеха. Римляне высоко оценили его активность и пылкость, не забыв, однако, о своих обязательствах перед Фабием за его осторожность и оборонительную стойкость. Они говорили, что Марцелл был мечом их содружества, как Фабий был его *щитом*.

Успех римлян.

Осада Капуи.

Римляне продолжали вести подобную войну, и чем дольше, тем успешнее, пока, наконец, не дошли до самых стен Капуи и не пригрозили ей осадой. Окопы и укрепления Ганнибала были слишком сильны, чтобы они могли попытаться взять город внезапным штурмом, а римляне даже не были достаточно сильны, чтобы полностью заложить город, чтобы полностью закрыть его для своих врагов. Однако они расположились с большой армией поблизости и заняли столь угрожающую позицию, что держали войска Ганнибала внутри в состоянии постоянной тревоги. И, помимо тревоги, для карфагенской гордости было очень унижительно и оскорбительно обнаружить, что сам очаг их могущества, так сказать, закрыт и подавлен врагом, над которым они так недолго торжествовали, одерживая непрерывные победы.

Нападение Ганнибала на римский лагерь.

Он идет на Рим.

Ганнибала не было в Капуе в то время, когда римляне пришли на нее напасть. Однако он сразу же отправился на помощь и, атакуя римлян в свою очередь, попытался заставить их *снять осаду*, как это технически называется, и отступить. Однако они так укрепились на занятых ими позициях, а атаки, с которыми он столкнулся, потеряли столько прежней силы, что он не смог добиться ничего решающего. Тогда он оставил землю со своей армией и сам двинулся к Риму. Он расположился лагерем в окрестностях города и угрожал напасть на него; но стены, крепости и башни, которыми был защищен Рим, как и Капуя, были слишком грозными, а приготовления к обороне слишком полными, чтобы ему было разумно штурмовать город. Его целью было встревожить римлян и заставить их вывести свои войска из его столицы, чтобы они могли защитить свою собственную.

Подготовка к битве.

Буря помешала.

В самом деле, тревога в некоторой степени пробудилась, и в ходе обсуждений, проходивших среди римских властей, было предложено вывести войска из Капуи; но это предложение было отклонено; даже Фабий был против. Ганнибала больше не боялись. Они приказали вернуть небольшой отряд из Капуи, добавив к нему те силы, которые смогли собрать в городе, и выдвинулись вперед, чтобы дать Ганнибалу бой. Как рассказывают, все было готово к сражению, но тут разразилась сильная буря, настолько сильная, что заставила сражающихся вернуться в свои лагеря. По словам великого римского историка, это происходило два или три раза подряд; каждый раз погода становилась безмятежной, как только полководцы отводили свои войска от намеченной битвы. Возможно, что-то подобное и происходило, хотя, несомненно, дело было в том, что обе стороны боялись друг друга и были готовы использовать любой предлог, чтобы отложить решающий конфликт. Было время, когда Ганнибала не останавливали от нападения на римлян даже самые бурные штормы.

Продажи на аукционе.

Таким образом, хотя Ганнибал, в конце концов, действительно добрался до стен Рима, он не делал ничего, кроме угроз, когда находился там, а его лагерь возле города можно рассматривать только как браваду. Его присутствие, похоже, не вызвало особых опасений в городе. На самом деле римляне еще до этого времени потеряли страх перед карфагенским оружием. Чтобы показать свое презрение к Ганнибалу, они продали с публичного аукциона землю, на которой он расположился лагерем, пока он осаждал город, и она принесла обычную цену. Возможно, на участников торгов несколько повлиял патриотический дух и желание поддразнить Ганнибала, выразив свое мнение о том, что его занятие земли будет очень временным обременением. Ганнибал, чтобы отомстить за эту насмешку, выставил на аукцион в своем лагере лавки одной из главных улиц Рима, и они были куплены его офицерами с большим энтузиазмом. Это свидетельствовало о том, что в характере борьбы между Карфагеном и Римом произошли большие перемены: эти огромные державы, которые за несколько лет до этого с такой разрушительной и страшной яростью сражались друг с другом на По и при Каннах, теперь удовлетворяли свою угасающую вражду подобными потасовками.

Гасдрубал переходит Альпы.

Когда другие способы, с помощью которых Ганнибал пытался получить подкрепление, потерпели неудачу, он предпринял попытку переправить через Альпы вторую армию под командованием своего брата Гасдрубала. Это была большая армия, и на своем пути она столкнулась с теми же трудностями, что и сам Ганнибал, хотя и в гораздо меньшей степени. И все же из всей этой могучей массы, отправившейся из Испании, до Ганнибала не дошло ничего, кроме *головы* его брата. Обстоятельства неудачного завершения попытки Гасдрубала были следующими:

Когда Гасдрубал спустился с Альп, радуясь тому, как успешно он преодолел эти грозные преграды, он вообразил, что все его трудности позади. Он отправил курьеров к своему брату Ганнибалу, сообщая, что преодолел горы и как можно быстрее идет ему на помощь.

Ливий и Нерон.

Разделение провинций.

Два консула, занимавшие свои должности в это время, были названы: один - Нерон, другой - Ливий. Каждому из них, как это было принято у римских консулов, была отведена определенная провинция и определенная часть армии для ее защиты, а законы

предписывали им строго не покидать свои провинции ни под каким предлогом без разрешения римского законодательного органа. В данном случае Ливий был назначен в северную часть Италии, а Нерон - в южную. Поэтому Ливий должен был встретить и дать бой Гасдрубалу при спуске с Альп, а Нерон - оставаться в окрестностях Ганнибала, мешать его планам, противостоять его продвижению и, если возможно, завоевать и уничтожить его, в то время как его коллега препятствовал получению ожидаемого подкрепления из Испании.

Перехваченные письма.

Недоумение Нерона.

При таком положении дел курьеры, которых Гасдрубал послал с письмами, должны были ускользнуть от бдительности обоих консулов, прежде чем они смогут передать их в руки Ганнибала. Им удалось миновать Ливия, но они были перехвачены Нероном. Патрульные, схватившие гонцов, доставили их в палатку Нерона. Нерон вскрыл и прочитал письма. В них были подробно описаны все планы и приготовления Гасдрубала, так что Нерон понял, что если он сразу же двинется на север с сильными силами, то сможет оказать своим коллегам такую помощь, которая, благодаря знанию планов Гасдрубала, полученному из писем, позволит им победить его; если же он оставит Ливия в неведении и одиночестве, то опасался, что Гасдрубалу удастся пробить себе путь и в конце концов соединиться с Ганнибалом. В этих обстоятельствах он, конечно, очень хотел отправиться на север, чтобы оказать необходимую помощь, но закон строго запрещал ему покидать свою собственную провинцию и вступать в провинцию своего коллеги без разрешения Рима, на получение которого сейчас не было времени.

Законы военной дисциплины.

Их строгость и суровость.

Законы военной дисциплины очень строги и властны, и в теории их никогда нельзя нарушать. Офицеры и солдаты всех рангов и степеней должны подчиняться приказам, которые они получают от вышестоящего начальства, не задумываясь о последствиях и не отклоняясь от намеченной линии ни под каким предлогом. В сущности, это самая суть военной субординации и эффективности, что приказ, однажды отданный, приостанавливает всякое осуществление суждения или усмотрения со стороны того, кому он адресован; и хороший генерал или хорошее правительство в целом предпочтут, чтобы вред был причинен строгим повиновением приказам, а не выгодой, обеспеченной несанкционированным отклонением от них. Это хороший принцип не только на войне, но и во всех тех случаях общественной жизни, когда люди должны действовать согласованно и при этом хотят добиться эффективности действий.

Опасность нарушения дисциплины.

Иллюстрация.

И все же бывают случаи исключения - случаи, когда необходимость настолько настоятельна, или преимущества, которые можно получить, настолько велики; когда затронутые интересы настолько значительны, а успех настолько уверен, что командир решается послушаться и взять на себя ответственность. Ответственность, однако, очень велика, а опасность, связанная с ее принятием, чрезвычайно велика. Тот, кто берет на себя, подвергает себя самым суровым наказаниям, от которых его не спасет ничего, кроме ясного доказательства самой настоятельной необходимости и, в дополнение к этому, самого триумфального успеха. В английской истории есть рассказ об одном флотоводце, служившем английской королеве,

который однажды, в случае крайней необходимости на море, ослушался приказа своего начальства и одержал таким образом очень важную победу. Сразу же после этого он был арестован и отправился в порт как узник, обвиненный в преступлении, вместо полководца, торжествующего победу. Он сдался офицерам королевской юстиции и послал самой королеве весточку, что прекрасно знает, что за его проступок полагается смерть, но готов пожертвовать жизнью ради служения ее величеству. Он был помилован!

План Нерона.

Нерон, после долгих тревожных размышлений, пришел к выводу, что чрезвычайная ситуация, в которой он оказался, требует от него взять на себя ответственность за неповиновение. Однако он не решился идти на север со всеми своими силами, ведь это означало бы оставить южную Италию полностью на милость Ганнибала. Поэтому он отобрал из всего своего войска, состоявшего из сорока тысяч человек, семь или восемь тысяч самых эффективных и надежных; людей, на которых он мог положиться, как в отношении их способности переносить усталость быстрого марша, так и в отношении мужества и энергии, с которыми они встретят войска Гасдрубала в бою по его окончании. В то время, когда были перехвачены письма Гасдрубала, он занимал просторный и хорошо расположенный лагерь. Он расширил и укрепил его, чтобы Ганнибал не мог заподозрить, что он намеревается уменьшить численность своих войск. Все это было сделано очень быстро, так что уже через несколько часов после получения сведений, на основании которых он действовал, он тайно, ночью, вывел колонну из шести или восьми тысяч человек, никто из которых не знал, куда они идут.

Ночной марш.

Он как можно быстрее двинулся на север и, прибыв в северную провинцию, сумел проникнуть в лагерь Ливия так же скрытно, как и вышел из своего. Таким образом, из двух армий та, где требовалось пополнение, была значительно усилена за счет другой, причем ни один из карфагенских генералов не подозревал об этой перемене.

Ливий и Нерон атакуют Гасдрубала.

Ливий обрадовался столь своевременному подкреплению. Он посоветовал всем войскам некоторое время спокойно оставаться в лагере, пока вновь прибывшие войска не отдохнут и не восстановят силы после быстрого и утомительного марша; но Нерон воспротивился этому плану и посоветовал немедленно вступить в бой. Он знал характер людей, которых привел с собой, и, кроме того, не хотел рисковать опасностями, которые могли возникнуть в его собственном лагере на юге Италии из-за слишком долгого отсутствия в нем. Поэтому было решено немедленно атаковать Гасдрубала, и был дан сигнал к бою.

Гасдрубал приказывает отступить.

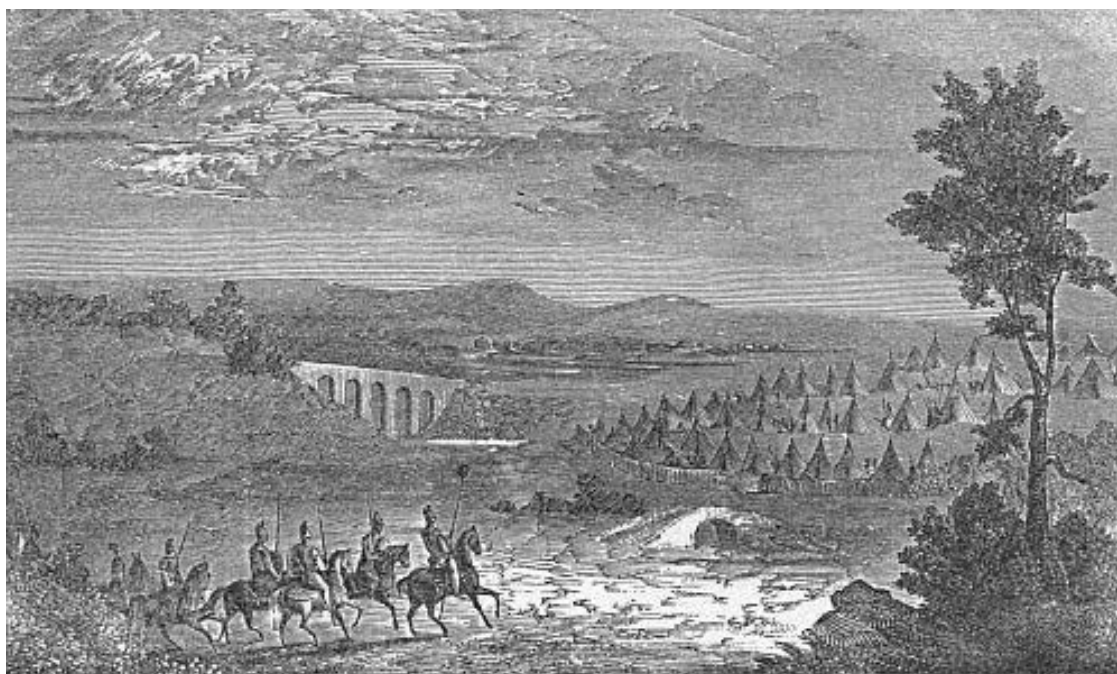
Разгром армии Гасдрубала.

Смерть Гасдрубала.

Не исключено, что Гасдрубал был бы побежден одним Ливием, но дополнительные силы, которые привел Нерон, сделали римлян слишком сильными для него. Кроме того, находясь на переднем крае битвы, он по некоторым признакам, которые заметил его бдительный глаз, понял, что часть войск, атаковавших его, находилась с юга; из этого он сделал вывод, что Ганнибал потерпел поражение и что, вследствие этого, против него были направлены все объединенные силы римской армии. Он был удручен и обескуражен и вскоре приказал отступить. Его преследовали различные подразделения римской армии, и вскоре

отступающие колонны карфагенян были приведены в полное замешательство. Они запутались в реках и озерах, а проводники, взявшиеся вести армию, поняв, что все потеряно, бросили их и бежали, заботясь лишь о спасении собственной жизни. Вскоре карфагеняне оказались в таком положении, что не могли защищаться и не могли бежать. Римляне не проявляли к ним милосердия, но продолжали убивать своих несчастных и отчаявшихся жертв, пока вся армия не была почти полностью уничтожена. Они отрубили голову Гасдрубала, и Нерон в ту же ночь после битвы отправился с ней в триумфальном шествии к своему лагерю. Прибыв на место, он послал конный отряд, чтобы перебросить голову в лагерь Ганнибала, как страшный и ужасный трофей его победы.

Ганнибал был переполнен разочарованием и печалью из-за потери своей армии, которая принесла с собой крушение всех его надежд. "Моя судьба предрешена, - сказал он, - все потеряно. Я больше не пошлю в Карфаген вестей о победе. Потеряв Гасдрубала, я потерял последнюю надежду".

Голова

Гасдрубала.

Прогресс римского оружия.

Успехи Сципиона.

Пока Ганнибал находился в таком состоянии в Италии, римские войска при поддержке своих союзников постепенно одерживали победы над карфагенянами в различных частях света под командованием различных генералов, поставленных римским сенатом. Новости об этих победах постоянно приходили домой в Италию, ободряли и воодушевляли римлян, в то время как Ганнибал и его армия, а также люди, которые были в союзе с ним, были удручены и подавлены ими. Сципион был одним из таких полководцев, командовавших в чужих землях. Его провинцией была Испания. Новости, которые приходили домой из его армии, становились все более захватывающими, по мере того как он продвигался от завоевания к завоеванию, пока не стало казаться, что вся страна будет подчинена. Он побеждал одного карфагенского полководца за другим, пока не достиг Нового Карфагена, который он осадил и завоевал, и римская власть была полностью установлена на всей земле.

Затем Сципион с триумфом вернулся в Рим. Народ принял его с восторгом. На следующих выборах они выбрали его консулом. При распределении провинций ему досталась Сицилия с правом по своему усмотрению переходить в Африку. Другой консул должен был вести войну в Италии непосредственно против Ганнибала. Сципион собрал армию, снарядил флот и отплыл в Сицилию.

Сципион в Африке.

Первое, что он сделал по прибытии в свою провинцию, - наметил экспедицию в саму Африку. Он не мог, как хотел, напрямую противостоять Ганнибалу, направив свои войска на юг Италии, так как эта работа была поручена его коллеге. Однако он мог совершить вторжение в Африку и даже угрожать самому Карфагену, что он и решил сделать с той смелостью и пылкостью, которые отличали его характер.

Карфаген угрожал.

Он с триумфом осуществил все свои планы. Его армия, проникнутая духом энтузиазма, который одушевлял их полководца, и уверенная в успехе, шла, как и его войска в Испании, от победы к победе. Они завоевывали города, захватывали провинции, разгромили и отбросили назад все армии, которые карфагеняне могли выставить против них, и, наконец, пробудили на улицах и в домах Карфагена ту же панику и оцепенение, которые победоносные успехи Ганнибала вызвали в Риме.

Перемирие.

Карфагеняне, доведенные до отчаяния, отправили к Сципиону посольство с просьбой о мире, чтобы узнать, на каких условиях он его заключит и уйдет из страны. Сципион ответил, что не может заключить мир. Это должен сделать римский сенат, чьим слугой он являлся. Однако он назвал некоторые условия, которые он готов предложить сенату, и, если карфагеняне согласятся на них, он предоставит им *перемирие*, то есть временное прекращение военных действий, до тех пор, пока не будет получен ответ римского сената.

Ганнибал отозвался.

Карфагеняне согласились на условия. Они были очень обременительными. Римляне говорят, что на самом деле не собирались их выполнять, но согласились на время, чтобы выиграть время для отправки за Ганнибалом. Они очень верили в его ресурсы и военную мощь и считали, что, если он будет в Африке, то сможет их спасти. Поэтому одновременно с отправкой своих посольств в Рим с предложениями о мире они отправили Ганнибалу депеши с приказом как можно скорее снарядить свои войска и, оставив Италию, поспешить домой, чтобы спасти, если еще не поздно, свой родной город от разрушения.

Когда Ганнибал получил эти послания, его охватили разочарование и печаль. Он провел несколько часов в крайнем волнении, то пребывая в угрюмом молчании, то прерываясь на стоны отчаяния, то произнося громкие и гневные проклятия, вызванные пресыщенностью его чувств. Однако он не мог сопротивляться. Он направился в Карфаген. В то же время римский сенат, вместо того чтобы решить вопрос о мире или войне, который Сципион вынес на их рассмотрение, вернул его на рассмотрение. Они послали к Сципиону комиссаров, уполномочив его действовать от их имени и единолично решать, продолжать или прекратить войну, а если прекратить, то на каких условиях.

Ганнибал собирает новую армию.
Римляне захватывают его шпионов.

Ганнибал собрал в Карфагене большое войско, присоединив к нему остатки прежних армий, оставшихся после сражений Сципиона, и во главе этих войск вышел навстречу врагу. Он шел пять дней, пройдя, возможно, семьдесят пять или сто миль от Карфагена, когда обнаружил, что приближается к лагерю Сципиона. Он разослал шпионов на разведку. Патрули армии Сципиона схватили этих шпионов и привели их в палатку генерала, как они предполагали, для казни. Вместо того чтобы наказать их, Сципион приказал провести их вокруг своего лагеря и дать возможность увидеть все, что они пожелают. Затем он отпустил их, чтобы они вернулись к Ганнибалу с полученными сведениями.

Беседа Ганнибала со Сципионом.

Разумеется, отчет, который они принесли о силе и ресурсах армии Сципиона, был очень грозным для Ганнибала. Он решил, что лучше попытаться договориться о мире, чем рисковать сражением, и отправил Сципиону весточку с просьбой о личной беседе. Сципион удовлетворил эту просьбу, и для встречи было назначено место между двумя лагерями. В назначенное время оба генерала с большой pompой и парадом, а также с многочисленными сопровождающими лицами отправились на это место. Они были двумя величайшими полководцами той эпохи, в которой жили, и в течение пятнадцати или двадцати лет совершали во главе огромных армий подвиги, наполнившие мир их славой. Однако поля их действий были весьма отдалены друг от друга, и сейчас они впервые встретились лично. Оказавшись в присутствии друг друга, они некоторое время стояли молча, с интересом и любопытством разглядывая и изучая друг друга, но не произнося ни слова.

Переговоры.

Однако в конце концов переговоры были начаты. Ганнибал сделал Сципиону предложения о мире. Они были очень выгодны римлянам, но Сципиона они не удовлетворили. Он потребовал еще больших жертв, чем Ганнибал был готов принести. В результате, после долгих и бесплодных переговоров, каждый полководец вернулся в свой лагерь и приготовился к битве.

Последняя битва.
Поражение карфагенян.

В военных кампаниях тем, кто завоевывал, обычно легко продолжать завоевания: многое зависит от ожиданий, с которыми армии соперников идут в бой. Сципион и его войска рассчитывали на завоевание. Карфагеняне ожидали, что будут побеждены. Результат совпал. К концу дня, когда состоялась битва, сорок тысяч карфагенян лежали на земле мертвыми и умирающими, еще столько же были пленниками в римском лагере, а остальные разбитыми массами бежали с поля боя в смятении и ужасе по всем дорогам, ведущим в Карфаген. Ганнибал прибыл в город вместе с остальными, отправился в сенат, объявил о своем поражении и сказал, что больше ничего не может сделать. "Удача, которая когда-то сопутствовала мне, - сказал он, - потеряна навсегда, и нам ничего не остается, как заключить мир с нашими врагами на любых условиях, которые они сочтут нужным выдвинуть".

Глава XI.

Ганнибал - беглец и изгнанник.

200-182 гг. до н.э.

Завоевания Ганнибала.

Жизнь Ганнибала была похожа на апрельский день. Самый яркий блеск его был утром. Заход его солнца омрачался тучами и ливнями. Хотя в течение пятнадцати лет римский народ не мог найти ни одного полководца, способного выступить против него, Сципион наконец победил его, и все его блестящие завоевания закончились, как и предсказывал Ганно, лишь тем, что его страна оказалась в гораздо худшем состоянии, чем прежде.

Мирные занятия.

Опасность духа честолюбия и завоеваний.

На самом деле, пока карфагеняне посвящали свои силы полезному труду, торговле и миру, они процветали и с каждым годом увеличивали свое богатство, влияние и почести. Их корабли ходили повсюду, и везде им были рады. Все берега Средиземного моря посещали их купцы, и комфорт и счастье многих народов и племен поддерживались теми самыми средствами, которые они использовали для увеличения своего собственного богатства и славы. Все могло бы продолжаться так еще много веков, если бы не возникли военные герои, жаждущие более пикантной славы. Отец Ганнибала был одним из самых выдающихся из них. Он начал с завоеваний в Испании и посягательств на римскую юрисдикцию. Он привил Ганнибалу те же чувства честолюбия и ненависти, которые пылали в его собственном сознании. В течение многих лет политика, которую они проводили со своими соотечественниками, была успешной. Из полезных и желанных гостей всего мира они превратились в хозяев и проклятие его части. Пока Ганнибал превосходил любого римского полководца, которого можно было выставить против него, он продолжал завоевания. Но наконец появился Сципион, превосходящий Ганнибала. Тогда ход событий изменился, и все огромные завоевания полувековой давности были вырваны с тем же насилием, кровопролитием и страданиями, с которыми они были приобретены.

Постепенный ход побед Сципиона.

Мы подробно описали подвиги Ганнибала, совершившего эти завоевания, в то время как подвиги Сципиона, отвоевавшего их, были описаны очень кратко, поскольку эта книга предназначена для истории Ганнибала, а не Сципиона. Завоевания Сципиона происходили медленно и заняли много времени. В битве при Каннах, вскоре после которой начались его походы, Сципиону было всего восемнадцать лет, а когда он стал консулом, перед самым походом в Африку, ему было тридцать. Таким образом, он пятнадцать или восемнадцать лет разрушал огромную надстройку власти, воздвигнутую Ганнибалом, работая все это время в регионах, удаленных от Ганнибала и Карфагена, как бы оставляя великого полководца и великий город напоследок. Однако он настолько преуспел в своем деле, что когда, наконец, перешел к нападению на Карфаген, все остальное было уже не важно. Карфагенская держава превратилась в пустую оболочку, пустую и тщетную, которой требовался лишь один большой последний удар, чтобы полностью разрушиться. На самом деле, все ресурсы карфагенян были настолько израсходованы и исчерпаны, что великий город был вынужден призвать на помощь великого полководца в момент угрозы, и Сципион уничтожил их обоих вместе.

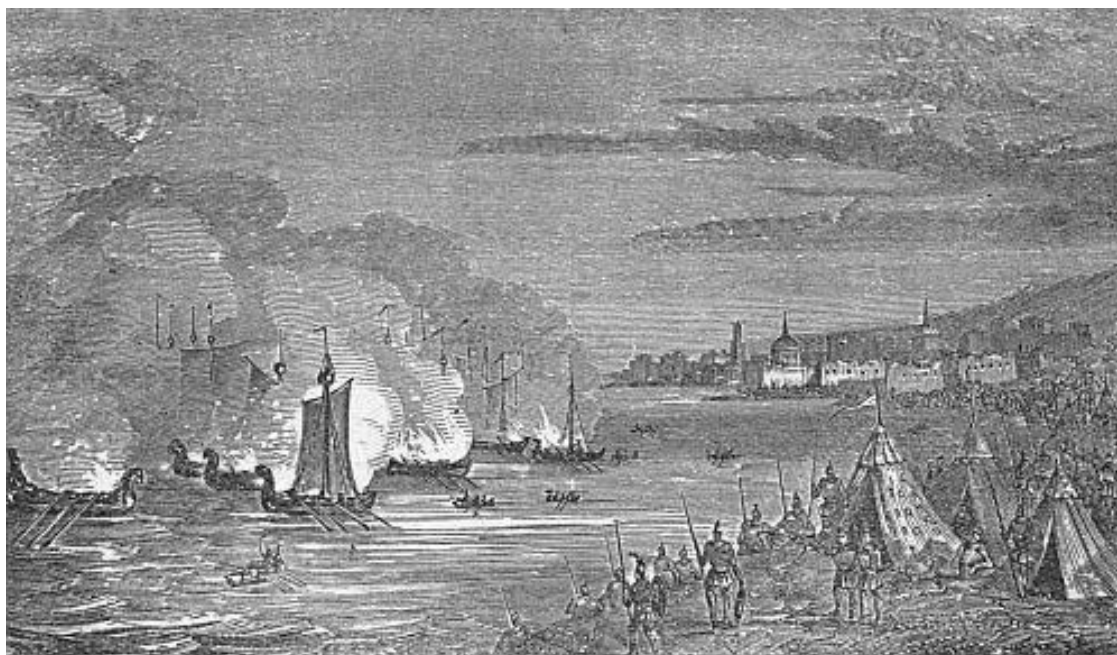
Сципион выдвинул жесткие условия мира.

И все же Сципион не зашел так далеко, чтобы буквально и фактически уничтожить их. Он пощадил жизнь Ганнибала и позволил городу устоять, но условия мира, которые он выдвинул, были таковы, что положили абсолютный и вечный конец карфагенскому владычеству. По этим условиям карфагенскому государству было позволено оставаться свободным и независимым и даже сохранить управление теми территориями в *Африке*, которыми оно владело до войны; но все их иностранные владения были отняты; и даже в отношении Африки их юрисдикция была ограничена и урезана очень жесткими ограничениями. Весь их флот должен был быть отдан римлянам, за исключением десяти небольших кораблей с тремя банками весел, которые, по мнению Сципиона, понадобятся правительству для целей гражданского управления. Их разрешалось оставить у себя. Сципион не сказал, что ему делать с остальным флотом: он должен был безоговорочно сдаться ему. Их боевые слоны также должны были быть отданы, и их обязали больше не тренировать. Они не должны были появляться как военная держава ни в какой другой части света, кроме Африки, и не должны были вести войну в Африке, кроме как предварительно сообщив о поводе к ней римскому народу и получив его разрешение. Они также должны были выплачивать римлянам очень большую ежегодную дань в течение пятидесяти лет.

Дебаты в карфагенском сенате.

Во время обсуждения этих жестоких условий в карфагенском совете царило большое смятение и недоумение. Ганнибал был за то, чтобы принять их. Другие выступали против. Они считали, что лучше продолжать безнадежную борьбу, чем согласиться на столь позорные и роковые условия.

Ганнибал присутствовал на этих дебатах, но теперь он оказался в совсем ином положении, чем то, которое он занимал в течение тридцати лет, будучи победоносным генералом во главе своей армии. Там он привык все контролировать и направлять. На его военных советах никто не выступал иначе, как по его приглашению, и никакое мнение не высказывалось, кроме того, которое он был готов выслушать. Однако в карфагенском сенате дело обстояло совсем иначе. Здесь мнения высказывались свободно, как в споре равных, причем Ганнибал занимал свое место среди остальных и считался только с одним. И все же дух власти и командования, к которому он так долго привыкал, еще сохранялся и заставлял его проявлять нетерпение и беспокойство при противоречиях. Так, когда один из ораторов в сенате поднялся, чтобы возразить Ганнибалу и выступить против его взглядов, он попытался силой оттащить его и заставить замолчать. Это действие немедленно вызвало в собрании такие выражения недовольства и неудовольствия, которые ясно показали ему, что время для такого властолюбия прошло. Однако ему хватило здравого смысла выразить сожаление о том, что он вскоре забыл об обязанностях своего нового положения, и принести подробные извинения.

Сожжение

карфагенского флота.

Условия мира соблюдены.

Сдача слонов и кораблей.

Карфагеняне приняли решение согласиться на условия мира, выдвинутые Сципионом. Первая часть дани была выплачена. Слоны и корабли были сданы. Через несколько дней Сципион объявил о своем намерении не забирать корабли с собой, а уничтожить их на месте. Возможно, это было связано с тем, что он считал, что корабли будут малопригодны для римлян из-за сложности их обслуживания. Корабли, конечно, бесполезны без моряков, и многие народы в наше время, которые могли бы легко построить флот, лишены возможности сделать это, потому что их население не обеспечивает моряков в достаточном количестве для управления и навигации. Возможно, отчасти по этой причине Сципион решил не забирать карфагенские корабли, а также, чтобы показать Карфагену и всему миру, что его цель завладеть национальным имуществом своих врагов - не обогатить свою страну грабежом, а лишить честолюбивых солдат возможности больше компрометировать мир и счастье человечества походами за завоеваниями и властью. Как бы то ни было, Сципион решил уничтожить карфагенский флот, а не увести его.

Сципион сжигает карфагенский флот.

Чувства зрителей.

Поэтому в назначенный день он приказал собрать все галеры в бухте напротив города Карфагена и сжечь их. Их было пятьсот, так что они составляли большой флот и занимали большое пространство воды. Огромное количество людей собралось на берегу, чтобы наблюдать за грандиозным пожаром. Эмоции, которые такое зрелище само по себе должно было вызвать, значительно усиливались глубокими, но подавляемыми чувствами обиды и ненависти, которые будоражили грудь каждого карфагенянина. Римляне, наблюдавшие за происходящим из своего лагеря на берегу, тоже были взволнованы, хотя и с другими эмоциями. Их лица светились выражением ликования и триумфа, когда они видели огромные массы пламени и столбы дыма, поднимающиеся с моря и возвещающие о полном и безвозвратном крушении карфагенской гордости и мощи.

Сципион отплывает в Рим.

Его прием.

Завершив таким образом свое дело, Сципион отплыл в Рим. Вся Италия была наполнена славой о его подвигах, благодаря которым он уничтожил господство Ганнибала. Теперь городу Риму больше нечего было бояться своего великого врага. Он был заперт, обезоружен и беспомощен в своем родном государстве, и ужас, который внушало его присутствие в Италии, навсегда исчез. Все население Рима, помня ужасные сцены смятения и страха, которые так часто переживал город, воспринимало Сципиона как великого избавителя. Они с нетерпением ждали и приветствовали его прибытие. Когда пришло время и он приблизился к городу, огромные толпы людей вышли ему навстречу. Власти сформировали гражданские процессии, чтобы приветствовать его. Они принесли короны, гирлянды и цветы и приветствовали его приближение громкими и продолжительными возгласами триумфа и радости. В честь его побед ему дали имя Африканус. Это была новая честь - давать завоевателю имя страны, которую он покорил; она была придумана специально в награду Сципиону, избавителю, спасшему империю от самой большой и страшной опасности, которой она когда-либо подвергалась.

Положение и позиция Ганнибала в Карфагене.

Ганнибал, хотя и пал, все еще сохранял в Карфагене часть своего бывшего могущества. Слава его прошлых подвигов по-прежнему окутывала его характер своеобразным ореолом, который делал его объектом всеобщего уважения, и у него по-прежнему были большие и влиятельные друзья. Он был возведен на высокий пост и прилагал все усилия, чтобы регулировать и улучшать внутренние дела государства. Однако эти усилия не увенчались успехом. Историки говорят, что цели, которые он стремился достичь, были благими, а меры по их реализации - сами по себе разумными; но, привыкший к властным и произвольным действиям военачальника в лагере, он с трудом научился проявлять осторожность, терпение и уважение к мнению других, которые так необходимы для влияния на людей при управлении гражданскими делами государства. Он нажил себе множество врагов, которые делали все, что было в их силах, как заговорами и интригами, так и открытой враждой, чтобы погубить его.

Приказы из Рима.

Гибель Ганнибала.

Его гордость также была крайне уязвлена и смирена одним событием, которое произошло очень скоро после возвращения Сципиона в Рим. Поводом послужила война с соседним африканским племенем, и Ганнибал во главе нескольких войск, собранных в городе для этой цели, отправился ее вести. Римляне, заботившиеся о том, чтобы иметь в Карфагене своих агентов, которые были бы в курсе всего происходящего, узнали об этом и послали в Карфаген весть, предупреждая карфагенян, что это противоречит договору и не может быть допущено. Правительство, не желая подвергать себя риску еще одного визита Сципиона, отправило Ганнибалу приказ отказаться от войны и вернуться в город. Ганнибал был вынужден подчиниться; но после того, как он привык в течение многих лет бросать вызов всем армиям и флотам, которые римская власть могла, приложив максимум усилий, направить против него, такому духу, как у него, должно быть, было очень тяжело оказаться остановленным и покоренным одним словом. Все силы, которые они могли направить против него, даже у самых ворот собственного города, оказались бессильными и тщетными. Теперь же одно лишь послание и угроза, пришедшие через далекое море, разыскали его в далеких пустынях Африки и в одно мгновение лишили всей его силы.

Проходили годы, а Ганнибал, хотя внешне и вынужденный покориться своей судьбе, был неспокоен и не в духе. Его дух интригана, подстегиваемый теперь двойным стимулом - обидой и честолюбием, был постоянно занят, тщетно пытаясь найти какой-нибудь план, с помощью которого он мог бы снова возобновить борьбу со своим древним врагом.

Сирия и Финикия.

Царь Антиох.

Следует помнить, что Карфаген первоначально был торговой колонией Тира, города на восточном берегу Средиземного моря. Страны Сирия и Финикия находились в непосредственной близости от Тира. Это были мощные торговые сообщества, и они всегда поддерживали очень дружеские отношения с карфагенским государством. Корабли постоянно ходили туда-сюда, и всегда, в случае бедствий или катастроф, угрожавших одной из этих областей, жители, естественно, обращались к другой за убежищем и защитой: Карфаген смотрел на Финикию как на свою мать, а Финикия считала Карфаген своим ребенком. В это время в Сирии и Финикии на троне находился очень могущественный монарх по имени Антиох. Его столицей был Дамаск. Он был богат и могущественен, и у него были определенные трудности с римлянами. Их завоевания, постепенно распространяясь на восток, подошли к границам владений Антиоха, и два народа оказались на грани войны.

Интриги Ганнибала с Антиохом.

В таком состоянии враги Ганнибала в Карфагене отправили в римский сенат информацию о том, что он ведет переговоры и замышляет с Антиохом объединить сирийские и карфагенские войска против них и тем самым ввергнуть мир в новую всеобщую войну. В связи с этим римляне решили отправить посольство к карфагенскому правительству и потребовать, чтобы Ганнибал был смещен со своего поста и отдан им в плен, чтобы его можно было судить по этому обвинению.

Посольство из Рима.

Эти уполномоченные прибыли в Карфаген, держа, однако, цель своей миссии в глубоком секрете, так как прекрасно знали, что если Ганнибал заподозрит это, то сбежит прежде, чем карфагенский сенат сможет решить вопрос о его выдаче. Однако Ганнибал был слишком осторожен для них. Он догадался об их цели и тут же решил бежать. Он знал, что его враги в Карфагене многочисленны и сильны, а вражда против него становится все сильнее и сильнее. Поэтому он не посмел довериться результатам обсуждения в сенате, а решил бежать.

Бегство Ганнибала.

У него был небольшой замок или башня на побережье, примерно в ста пятидесяти милях к юго-востоку от Карфагена. Он отправил туда экспресс, приказав подготовить судно, чтобы вывести его в море. Он также распорядился, чтобы у одних из ворот города с наступлением темноты были готовы всадники. В течение дня он свободно появлялся на улицах, ходил беззаботно, как будто его мысли были спокойны, и создавал у римских посольств, наблюдавших за его передвижениями, впечатление, что он не помышляет о побеге. Однако ближе к концу дня, неторопливо пройдя домой, он сразу же занялся приготовлениями к путешествию. Как только стемнело, он отправился к городским воротам, сел на предоставленную ему лошадь и помчался через всю страну к своему замку. Там он нашел готовое судно, которое заказал. Он сел на него и вышел в море.

Остров Серсина.

На небольшом расстоянии от побережья есть остров Церцина. Ганнибал достиг этого острова в тот же день, когда покинул свою башню. Здесь была гавань, куда обычно заходили торговые корабли. В порту он обнаружил несколько финикийских судов, некоторые из которых направлялись в Карфаген. Прибытие Ганнибала произвело здесь сильный фурор, и, чтобы объяснить свое появление среди них, он сказал, что едет с посольством от карфагенского правительства в Тир.

Стратагема Ганнибала.
Он отплывает в Сирию.

Теперь он боялся, что некоторые из этих судов, которые собирались отплыть в Карфаген, могут разнести весть о том, что его видели в Церцине, и, чтобы предотвратить это, он со свойственной ему хитростью разработал следующий план. Он разослал всем корабельным мастерам в порту приглашения на большое развлечение, которое он собирался устроить, и одновременно попросил, чтобы они одолжили ему грот-паруса своих кораблей, чтобы сделать большой тент и укрыть гостей от ночной росы. Корабельные мастера, желая стать свидетелями и насладиться той веселой сценой, которую сулило им предложение Ганнибала, приняли приглашение и приказали спустить свои громадные паруса. Разумеется, это ограничило пребывание всех их судов в порту. Вечером компания собралась на берегу под огромным шатром, сделанным из грота. Ганнибал встретил их и некоторое время оставался с ними. Однако в течение ночи, когда все они были в разгаре веселья, он улизнул, сел на корабль, отплыл, и, прежде чем корабельщики успели очнуться от глубокой и продолжительной дремы, наступившей после вина, и снова закрепить грот-мачту, Ганнибал был уже далеко от них на пути в Сирию.

Волнение в Карфагене.
Ганнибал в безопасности в Эфесе.

Тем временем в Карфагене произошло большое волнение из-за того, что на следующий день после его отъезда по городу разнеслась весть о том, что его не могут найти. Перед его домом собрались огромные толпы. Распространялись дикие и странные слухи, объясняющие его исчезновение, но они были противоречивы и невозможны, что только усиливало всеобщее волнение. Это волнение продолжалось до тех пор, пока наконец не прибыли корабли из Церцины и не открыли правду. Однако сам Ганнибал к этому времени был в безопасности, вне пределов возможного преследования. Он плыл к Тиру, благополучный внешне, но удрученный и жалкий в душе. Там он благополучно высадился на берег и был радушно принят. Через несколько дней он отправился в глубь страны и, после различных скитаний, достиг Эфеса, где нашел сирийского царя Антиоха.

Карфагенские депутаты.
Перемена судьбы.

Как только в Карфагене стало известно о бегстве Ганнибала, жители города сразу же начали опасаться, что римляне сочтут их виновными в этом и тем самым навлекут на себя новую враждебность со стороны Рима. Чтобы предотвратить эту опасность, они немедленно отправили в Рим депутацию, чтобы сообщить о факте бегства Ганнибала и выразить сожаление по этому поводу, надеясь таким образом спастись от недовольства своих грозных врагов. На первый взгляд может показаться, что карфагеняне поступили очень неблагородно, оставив своего полководца в час его несчастья и беды и выступив против него вместе с врагами, чье недовольство он вызвал только на их службе и выполняя их волю. И такое поведение карфагенян следовало бы считать не только неблагородным, но и крайне непоследовательным, если бы в этих двух случаях действовали одни и те же люди. Но это

было не так. Люди и влияние, которые сейчас противостояли проектам и планам Ганнибала, противостояли им всегда и с самого начала; только до тех пор, пока его дела шли успешно и хорошо, они были в меньшинстве, а приверженцы и друзья Ганнибала контролировали все общественные действия в городе. Но теперь, когда горькие плоды его честолюбия и совершенно неоправданных посягательств на римские территории и римские права начали претворяться в жизнь, партия его друзей была опрокинута, власть вернулась в руки тех, кто всегда выступал против него, и в попытке удержать его, когда он однажды пал, их действия, будь они политически правильными или неправильными, соответствовали сами себе и не могут рассматриваться как обвинение в неблагодарности или вероломстве.

Непоколебимый дух Ганнибала.

Его новые планы.

Можно было бы предположить, что все надежды Ганнибала на то, что он когда-нибудь снова встретится со своим великим римским врагом, теперь уже окончательно разрушены, и что отныне он откажется от активной враждебности и будет довольствоваться поисками убежища, где он сможет спокойно провести остаток своих дней, довольный тем, что после таких опасностей и побегов он лично защитит себя от мести своих врагов. Но такую неукротимую настойчивость и энергию, как у него, трудно подавить и усмирить. Он еще очень мало был склонен покориться своей судьбе. Едва оказавшись при дворе Антиоха, он начал разрабатывать новые планы войны с Римом. Он предложил сирийскому монарху собрать военно-морской флот и отдать его под его командование. Он сказал, что если Антиох даст ему сто кораблей и десять или двенадцать тысяч человек, то он лично примет командование экспедицией и не сомневается, что ему удастся вернуть утраченные позиции и вновь смирить своего древнего и грозного врага. Сначала, по его словам, он отправится со своими силами в Карфаген, чтобы заручиться сотрудничеством и помощью своих соотечественников в осуществлении новых планов. Затем он направится в Италию и не сомневался, что вскоре восстановит там свое прежнее господство.

Ганнибал отправляет тайного гонца в Карфаген.

То, что Ганнибал решил сначала отправиться в Карфаген со своей сирийской армией, несомненно, было вызвано его желанием уничтожить там партию своих врагов и вернуть власть своим сторонникам и приверженцам. Чтобы лучше подготовить путь к этому, он послал в Карфаген тайного гонца, пока шли переговоры с Антиохом, чтобы сообщить своим друзьям о новых надеждах, которые он начал лелеять, и о новых замыслах, которые у него возникли. Он знал, что его враги в Карфагене будут очень внимательно следить за любым таким сообщением; поэтому он не писал писем и не записывал на бумаге ничего, что, будучи обнаруженным, могло бы выдать его. Однако он очень подробно объяснил своему посланнику все свои планы и дал ему подробные и тщательные инструкции относительно того, как их передать.

Плакаты.

Карфагенские власти действительно бдительно следили за порядком, и их шпионы сообщили им о прибытии этого чужака. Они немедленно приняли меры для его ареста. Гонец, который сам был не менее бдителен, чем они, получил сведения об этом в своем тайном убежище в городе и решил немедленно бежать. Однако сначала он подготовил несколько бумаг и плакатов, которые развесил в общественных местах и в которых объявил, что Ганнибал отнюдь не считает себя окончательно побежденным, что он, напротив,

разрабатывает новые планы по уничтожению своих врагов в Карфагене, восстановлению своего прежнего господства там и снова проникает огнем и мечом на римские территории, а тем временем призывает друзей Ганнибала в Карфагене оставаться верными и преданными его делу.

Волнение, произведенное ими.

Разместив свои плакаты, гонец ночью бежал из города и вернулся к Ганнибалу. Разумеется, это событие вызвало немалое волнение в городе. Оно вызвало гнев и негодование врагов Ганнибала и пробудило новые надежды и ободрение в сердцах его друзей. Однако, кроме этого, оно не привело ни к каким непосредственным результатам. Власть партии, выступавшей против Ганнибала, была слишком прочно установлена в Карфагене, чтобы ее можно было легко поколебать. Они отправили в Рим информацию о прибытии в Карфаген эмиссара Ганнибала и о результатах его миссии, а дальше все пошло как прежде.

Римские комиссары.

Предполагаемая беседа Ганнибала и Сципиона.

Мнение Ганнибала об Александре и Пирре.

Тем временем римляне, узнав, куда отправился Ганнибал, послали туда двух или трех комиссаров, чтобы посоветоваться с сирийским правительством относительно их намерений и планов, а также понаблюдать за передвижениями Ганнибала. Говорили, что к этому посольству присоединился и сам Сципион, который действительно встретился с Ганнибалом в Эфесе и имел с ним несколько личных бесед и разговоров. Один из древних историков приводит конкретный рассказ об одной из таких бесед, в которой разговор, как и положено двум столь выдающимся полководцам, зашел о военном величии и славе. Сципион спросил Ганнибала, кого он считает величайшим из когда-либо живших военных героев. Ганнибал отдал пальму первенства Александру Македонскому, поскольку тот со сравнительно небольшим числом македонских войск проник в столь отдаленные регионы, покорил столь огромные армии и подчинил своей власти столь безграничную империю. Затем Сципион спросил его, кого он склонен поставить рядом с Александром. Он ответил, что Пирра. Пирр был греком, который пересек Адриатическое море и с большим успехом воевал с римлянами. Ганнибал сказал, что отдал Пирру второе место, потому что он систематизировал и усовершенствовал военное искусство, а также потому, что он обладал способностью пробуждать чувство личной привязанности к себе у всех своих солдат и даже у жителей завоеванных им стран, чем любой другой полководец, который когда-либо жил. Тогда Сципион спросил Ганнибала, кто следующий по порядку, и тот ответил, что должен отдать третий ранг себе. "И если бы, - добавил он, - я победил Сципиона, я бы считал себя выше Александра, Пирра и всех полководцев, которых когда-либо производил мир".

Анекдоты.

О Ганнибале во время его первого появления в Сирии рассказывают и другие различные анекдоты, свидетельствующие о том, как высоко его ценили, с каким любопытством и интересом его ждали повсюду. Однажды случилось так, что один тщеславный и самодовольный оратор, который мало что знал о войне, кроме своих теоретических рассуждений, томил собрание, в котором присутствовал Ганнибал, будучи очень доволен возможностью продемонстрировать свои способности перед столь выдающимся слушателем. Когда речь была закончена, Ганнибала спросили, что он об этом думает. "Я слышал, - сказал он в ответ, - много старых болванов за свою жизнь, но этот, поистине, величайший болван из всех".

Усилия Ганнибала оказались тщетными.

Антиох соглашается выдать его.

Несмотря на всю свою настойчивость, Ганнибал не смог получить средства для нового нападения на римлян. Он прилагал неустанные усилия, но, хотя царь иногда поощрял его надежды, ничего так и не было сделано. Он оставался в этой части света в течение десяти лет, постоянно стремясь к достижению своих целей, но с каждым годом он оказывался все дальше от их достижения, чем когда-либо. Час его удачи и процветания явно прошел. Все его планы проваливались, влияние падало, имя и слава быстро уходили. Наконец, после долгих и бесплодных споров с римлянами, Антиох заключил с ними мирный договор, среди пунктов которого было и согласие отдать Ганнибала в их власть.

Сокровища Ганнибала.

Ганнибал решил бежать. Местом убежища он выбрал остров Крит. Он обнаружил, что не может долго оставаться здесь. Однако он захватил с собой большое количество сокровищ, и когда он собирался снова покинуть Крит, его охватило беспокойство за эти сокровища, так как у него были основания опасаться, что критяне намереваются захватить их. Поэтому он должен был придумать какую-нибудь хитрость, которая позволила бы ему увезти это золото. План, который он принял, был следующим:

Его план по обеспечению безопасности.

Он наполнил свинцом несколько глиняных кувшинов, покрыв их донышки золотом и серебром. С величайшей осторожностью и заботой он отнес их в храм Дианы, очень священное сооружение, и поместил там под особую опеку критян, которым, как он сказал, он доверил все свои сокровища. Они приняли фальшивый вклад с многочисленными обещаниями хранить его в безопасности, и тогда Ганнибал ушел со своим настоящим золотом, отлитым в центре полых статуй из латуни, которые он унес с собой, не вызывая подозрений, как предметы искусства, не представляющие особой ценности.

Несчастное положение Ганнибала.

Ганнибал бежал из царства в царство, из провинции в провинцию, пока жизнь не превратилась в жалкое бремя. Решительная враждебность римского сената преследовала его повсюду, изводя постоянным беспокойством и страхом и уничтожая всякую надежду на комфорт и покой. Его разум был подвержен горьким воспоминаниям о прошлом и еще более ужасным предчувствиям будущего. Все утро своей жизни он потратил на то, чтобы нанести самые страшные увечья объектам своей непримиримой вражды и ненависти, хотя они никогда не причиняли вреда ему, и теперь, вечером его дней, ему суждено было ощутить на себе давление того же ужаса и страданий, которые причинили ему. Враждебность, которой ему приходилось опасаться, была столь же беспощадной, как и та, которую он проявлял; возможно, она еще более усиливалась от того, что к ней примешивалось то, что те, кто ее испытывал, вероятно, считали справедливой обидой и местью.

Ядовитое зелье.

Ганнибал терпит неудачу в попытке бегства.

Он отравляет себя.

Когда Ганнибал обнаружил, что римляне теснят его все теснее и теснее, а опасность того, что он наконец попадет в их власть, возрастает, он приготовил зелье с ядом и держал его наготове, решив скорее умереть от собственной руки, чем сдаться врагам. Наконец пришло время принять яд. Несчастный беглец находился тогда в Вифинии, малоазийском царстве.

Вифинский царь приютил его на некоторое время, но в конце концов согласился выдать его римлянам. Узнав об этом, Ганнибал приготовился к бегству. Но при попытке бегства он обнаружил, что все пути выхода из занимаемого им дворца, даже тайные, которые он специально придумал для облегчения своего бегства, были захвачены и охранялись. Поэтому бегство стало невозможным, и Ганнибал отправился в свои апартаменты и послал за ядом. Он был уже старым человеком, почти семидесяти лет от роду, измученным и истощенным затянувшимися тревогами и страданиями. Он был рад умереть. Он выпил яд и через несколько часов перестал дышать.

Глава XII.

Разрушение Карфагена.

146-145 гг. до н.э.

Разрушение.
Третья Пуническая война.

Последствия безрассудных амбиций Ганнибала и его совершенно неоправданной агрессии против римских прав, направленной на их удовлетворение, не ограничились его личной гибелью. Пламя, разожженное им, продолжало гореть, пока наконец не привело к полному и безвозвратному уничтожению Карфагена. Это произошло в ходе третьей и последней войны между карфагенянами и римлянами, которая известна в истории как третья Пуническая война. Повествованием о событиях этой войны, закончившейся полным разрушением города, мы и завершим историю Ганнибала.

Хронологическая таблица Пунических войн.

Следует помнить, что война, которую Ганнибал сам вел против Рима, была второй по счету, а первой была война, в которой Регул сыграл столь заметную роль. Та, историю которой мы сейчас расскажем, - третья. Хронологические соотношения этих состязаний читатель сможет четко понять из следующей таблицы:

ТАБЛИЦА.

Дата до н.э.	События.	Пунические войны.
264	Начало войны на Сицилии	I. 24 года.
262	Морские сражения в Средиземноморье	
249	Регул отправлен в плен в Рим	
241	Заключен мир	
Мир на 24 года		
218	Ганнибал атакует Сагунтум	II. 17 лет.
217	Пересекает Альпы	

216	Битва при Каннах
205	Завоеван Сципионом
200	Заключен мир

Мир на 52 года

148	Объявлена война	}	III.
145	Карфаген разрушен		3 года.

Характер Пунических войн.
Интервалы между ними.

Эти три пунические войны, как видно из таблицы, растянулись более чем на сто лет. Каждая последующая война была короче, но более жестокой и отчаянной, чем предыдущая, в то время как мирные интервалы были длиннее. Так, первая Пуническая война продолжалась двадцать четыре года, вторая - около семнадцати, а третья - всего три или четыре. Интервал между первой и второй войной также составлял двадцать четыре года, в то время как между второй и третьей наступило подобие мира, длившееся около пятидесяти лет. Эти различия были вызваны, конечно, в некоторой степени случайными обстоятельствами, от которых зависели последовательные разрывы, но они не были полностью обусловлены этой причиной. Чем дольше продолжались эти воинственные отношения между двумя странами и чем больше они обе испытывали на себе ужасные последствия своих ссор, тем менее склонны они были возобновлять эту страшную борьбу, и все же, когда они возобновляли ее, они вступали в нее с удвоенной энергией решимости и новым накалом ненависти. Таким образом, войны следовали одна за другой с большим интервалом, но конфликты, когда они происходили, хотя и были короче по продолжительности, но все более отчаянными и беспощадными по характеру.

Вражда и раздоры.

Мы уже говорили, что после окончания второй Пунической войны в течение пятидесяти лет царил мир. Разумеется, за это время как в Риме, так и в Карфагене сменялось одно поколение государственных деятелей, причем каждая последующая группа с обеих сторон унаследовала подавленную вражду и ненависть, которую лелеяли их предшественники. Конечно, пока Ганнибал был жив и продолжал свои козни и замыслы в Сирии, он был средством поддержания постоянного раздражения среди римлян против карфагенского имени. Правда, карфагенское правительство отреклось от его деяний и заявило, что полностью против его замыслов; но в Риме, конечно, хорошо знали, что это только потому, что считали его неспособным привести их в исполнение. Они не верили ни в веру, ни в честность карфагенян, и, конечно же, не могло быть ни настоящей гармонии, ни стабильного мира.

Нумидия.
Нумидийские всадники.

Постепенно возник и другой источник разногласий. Обратившись к [карте](#), читатель увидит, что к западу от Карфагена находится страна под названием Нумидия. Эта страна имела сто или более миль в ширину и простиралась на несколько сотен миль вглубь. Это был очень богатый и плодородный регион, в котором находилось множество сильных и богатых

городов. Жители были воинственны, а особенно славились своей конницей. Древние историки рассказывают, что они выезжали на своих лошадях в поле без седел, а часто и без уздечек, направляя и управляя ими с помощью голоса и надежно удерживая их в седле благодаря огромной личной силе и непревзойденному мастерству. Эти нумидийские всадники часто упоминаются в повествованиях о походах Ганнибала, да и вообще во всех военных историях того времени.

Масинисса.

Среди царей, правивших в Нумидии, был один, принявший сторону римлян во второй Пунической войне. Его звали Масинисса. Он вступил в борьбу за власть с соседним монархом по имени Сифакс, и в то время как он, то есть Масинисса, перешел на сторону римлян, Сифакс присоединился к карфагенянам, причем каждый вождь надеялся таким образом получить помощь от своих союзников в покорении другого. Покровители Масиниссы оказались самыми сильными, и в конце второй Пунической войны, когда были заключены мирные условия, владения Масиниссы были расширены и подтверждены, а карфагеняне обязались не чинить ему никаких препятствий.

Партии в Риме и Карфагене.

Их разногласия.

В таких государствах, как Рим и Карфаген, всегда будут существовать две большие партии, борющиеся друг с другом за обладание властью. Каждая из них стремится использовать любую возможность, чтобы противостоять и помешать другой, и поэтому они почти всегда занимают разные стороны во всех возникающих крупных вопросах государственной политики. В Риме было две таких партии, и они расходились во мнениях относительно курса, который следует проводить в отношении Карфагена: одна из них в целом выступала за мир, другая постоянно призывала к войне. Аналогичные разногласия были и в Карфагене: одна сторона желала умиротворить римлян и избежать столкновений с ними, в то время как другая была очень беспокойна и тревожна под давлением римской власти на них и постоянно пыталась разжечь враждебные чувства к своим древним врагам, как будто желая, чтобы война разразилась снова. Последняя партия была недостаточно сильна, чтобы довести карфагенское государство до открытого разрыва с самим Римом, но в конце концов им удалось вовлечь свое правительство в спор с Масиниссой и вывести армию, чтобы дать ему сражение.

Масинисса готовится к войне.

Со времени окончания войны Ганнибала, как уже отмечалось, прошло пятьдесят лет. За это время Сципион - то есть тот Сципион, который победил Ганнибала, - исчез со сцены. Сам Масинисса был уже очень преклонного возраста, ему было более восьмидесяти лет. Однако он все еще сохранял силу и энергию, которые были присущи ему в расцвете сил. Он собрал огромную армию и, взобравшись, как и его солдаты, на коня с голой спиной, скакал от шеренги к шеренге, отдавал необходимые команды и готовился к битве.

Гасдрубал.

Карфаген объявляет войну.

Карфагенского полководца в этот раз звали Гасдрубал. Это имя было очень распространено в Карфагене, особенно среди друзей и родственников Ганнибала. В данном случае его носитель, возможно, получил его от родителей в память о брате Ганнибала, потерявшем голову при спуске в Италию с Альп, так как за пятьдесят лет мира было достаточно времени, чтобы ребенок, родившийся после этого события, вырос до полной зрелости. Во всяком случае, новый Гасдрубал унаследовал ту лютую ненависть к Риму, которая была свойственна его тезке, и ему и его партии удалось добиться временного превосходства в Карфагене, и они воспользовались своим кратким владением властью, чтобы возобновить, по крайней мере косвенно, борьбу с Римом. Они отправили в изгнание вождей соперников, собрали армию, и сам Гасдрубал, приняв командование над ней, отправился в большом составе на встречу с Масиниссой.

Параллель между Ганнибалом и Гасдрубалом.

Подобным образом Ганнибал начал свою войну с Римом, предварительно поссорившись с римским союзником. Ганнибал, правда, начал свою агрессию в Сагунтуме, в Испании. Гасдрубал начинает в Нумидии, в Африке, но, за исключением разницы в географическом положении, все выглядит одинаково, и Гасдрубал, вполне вероятно, полагал, что ему предстоит та же славная карьера, которая обессмертила имя его великого предка.

Между этими двумя случаями есть еще одна аналогия: и Ганнибал, и Гасдрубал имели в Карфагене сильные партии, противостоявшие им на начальных этапах их начинаний. В данном случае оппозиция была жестоко подавлена, а ее лидеры отправлены в изгнание, но все равно оставались элементы, готовые в случае любой катастрофы с оружием Гасдрубала или любого другого события, уменьшающего его власть, сразу же подняться и свергнуть его. Таким образом, Гасдрубалу пришлось бороться с двойным врагом: один был перед ним на поле боя, а другой, возможно, еще более грозный, в городе позади него.

Битва с Масиниссой.

Поражение карфагенян.

На этом, однако, параллель заканчивается. Ганнибал одержал победу при Сагунтуме, но Гасдрубал потерпел полное поражение в битве в Нумидии. Битва была долгой и отчаянной с обеих сторон, но карфагенянам пришлось уступить, и они в смятении отступили в поисках убежища в своем лагере. Свидетелем битвы стал римский офицер, который стоял на соседнем холме и весь день с напряженным интересом наблюдал за происходящим. Это был Сципион - младший Сципион - который впоследствии стал главным действующим лицом в ужасных сценах, разыгравшихся в последующей войне. В то время он был выдающимся офицером римской армии и находился на службе в Испании. Там его командир послал его в Африку, чтобы он приобрел у Масиниссы слонов для использования в армии. С этой целью он и прибыл в Нумидию, а так как во время его пребывания там произошла битва между Масиниссой и Гасдрубалом, он остался, чтобы наблюдать за ней.

Младший Сципион.

Зритель битвы.

Этот второй Сципион не был по крови родственником другого, но он был усыновлен сыном старшего Сципиона и получил его имя, так что по усыновлению он был внуком. Уже в то время он пользовался большим уважением среди всех, кто его знал, благодаря своей энергии и работоспособности, а также здравому смыслу и практическому рассудку. Во время

этой битвы он занимал весьма необычное положение, в какое попадали очень немногие великие полководцы; поскольку сам он был приписан к римской армии в Испании, а в Нумидию был отправлен лишь в качестве военного посланника, он был нейтралом в этом сражении и не мог, как положено, принимать участие ни на одной из сторон. Поэтому ему оставалось только занять свое место на холме и смотреть на ужасную сцену как на зрелище, устроенное специально для его удовольствия. Он говорит об этом так, словно очень доволен предоставленной ему возможностью, утверждая, что до него было всего два подобных случая, когда генерал мог бы так смотреть вниз, на поле великой битвы, и наблюдать за всем ходом сражения, сам оставаясь спокойным и незаинтересованным зрителем. Его очень взволновала эта сцена, и он особенно отмечает появление ветерана Масиниссы, которому тогда было восемьдесят четыре года, который весь день скакал от шеренги к шеренге на диком и стремительном скакуне без седла, отдавая приказы своим людям, ободряя и вдохновляя их своим голосом и примером.

Переговоры о мире.

Сципион назначен третейским судьей.

Гасдрубал отступил со своими войсками в свой лагерь, как только закончилась битва, и укрепился там, в то время как Масинисса выступил со своей армией, окружил лагерь и зажал в нем беглецов. Находясь в крайней и неминуемой опасности, Гасдрубал послал к Масиниссе переговоры о мире, предложив Сципиону выступить в роли третейского судьи или посредника между двумя сторонами, чтобы договориться об условиях. Сципион вряд ли мог быть беспристрастным судьей, но все же его вмешательство, как считал Гасдрубал, могло бы защитить его от чрезмерных и непомерных притязаний со стороны завоевателя. План, однако, не удался. Даже условия Сципиона Гасдрубал счел неприемлемыми. Он требовал, чтобы карфагеняне уступили Масиниссе определенную территорию. Гасдрубал был готов согласиться на это. Кроме того, они должны были выплатить ему большую сумму денег. Он согласился и на это. Кроме того, они должны были позволить изгнанным противникам Гасдрубала вернуться в Карфаген. За этим, если бы противники Гасдрубала вновь оказались у власти в Карфагене, последовало бы его собственное падение и гибель; он не мог на это согласиться. Поэтому он остался сидеть в своем лагере, а Сципион, потеряв надежду договориться, взял предоставленных ему слонов и вернулся через Средиземное море в Испанию.

Гасдрубал сдается.

Условия, выдвинутые Масиниссой.

Вскоре после этого армия Гасдрубала, измученная голодом и страданиями в своем лагере, вынудила его сдаться на собственных условиях Масиниссы. Людей отпустили на свободу, но большинство из них погибло по дороге в Карфаген. Самому Гасдрубалу удалось добраться до безопасного места, но влияние его партии было подорвано катастрофическим результатом его предприятия, а изгнанные враги были отозваны в соответствии с договором о капитуляции, и противная партия была немедленно возвращена к власти.

Карфагенское посольство в Рим.

При этих новых советах первой мерой карфагенян было обвинение Гасдрубала в государственной измене за вовлечение его страны в эти трудности, а следующей - отправка торжественного посольства в Рим, чтобы признать вину, в которой был виновен их народ, предложить отдать Гасдрубала в их руки, как главного автора этого деяния, и спросить, какого еще удовлетворения требуют римляне.

Их миссия оказалась бесплодной.

Тем временем, до прибытия этих посланцев, римляне обсуждали, что делать. Наиболее сильная сторона выступала за то, чтобы продолжить ссору с Карфагеном и объявить войну. Однако ни к какому положительному решению они не пришли. Поэтому они приняли депутацию очень прохладно и не дали ей прямого ответа. Что касается удовлетворения, которое карфагеняне должны выплатить римлянам за то, что они, вопреки торжественным условиям договора, развязали войну со своим союзником, они сказали, что этот вопрос должны решать сами карфагеняне. В настоящее время им нечего сказать по этому вопросу. Депутаты вернулись в Карфаген с этим ответом, который, конечно же, вызвал большое беспокойство и тревогу.

Еще одно посольство.

Карфагеняне все больше и больше желали сделать все, что в их силах, чтобы предотвратить угрожающую опасность враждебности со стороны Рима. Они отправили в Рим новое посольство, еще более смиренное, чем прежде. Посольство отплыло из Карфагена с очень слабой надеждой, однако, выполнить цель своей миссии. Тем не менее, они были уполномочены пойти на самые неограниченные уступки и подчиниться любым условиям, лишь бы предотвратить беду новой войны.

Римляне объявляют войну.

Но римляне получили предлог для нового начала военных действий, и среди них была очень сильная партия, которая была полна решимости воспользоваться этой возможностью, чтобы полностью уничтожить карфагенскую державу. Поэтому вскоре после возвращения первого посольства римский сенат объявил войну, собрал и снарядил флот и армию, и экспедиция отплыла. Поэтому, когда посольство прибыло в Рим, они обнаружили, что война, которую они хотели предотвратить, уже объявлена.

Переговоры о мире.

Римляне требуют заложников.

Римляне, однако, предоставили им аудиенцию. Посольские выразили готовность подчиниться любым условиям, которые сенат может предложить для прекращения войны. Сенат ответил, что готов заключить договор с карфагенянами при условии, что последние полностью отдадут себя в руки римской власти и обязуются подчиняться приказам консулов, которые они издадут по прибытии в Африку с армией; римляне, со своей стороны, гарантируют, что они будут продолжать пользоваться своей свободой, своими территориальными владениями и своими законами. Однако в качестве доказательства честности намерений карфагенян при заключении договора и гарантии их будущей покорности они должны были отдать римлянам триста заложников. Этими заложниками должны были стать молодые люди из первых семейств Карфагена, сыновья людей, которые занимали самое видное место в обществе и чье влияние, как можно предположить, могло контролировать действия народа.

Посольства не могли не считать эти условия весьма обременительными. Они не знали, какие распоряжения дадут им консулы по прибытии в Африку, а от них требовалось полностью отдать содружество в их власть. Кроме того, в гарантии, которую им предложили римляне, говорилось о защите их *территорий* и *законов*, но ничего не говорилось об их городах, кораблях, оружии и боеприпасах. Заключенный договор, если бы он был выполнен, поставил бы карфагенское сообщество в полную зависимость от своих хозяев в отношении всех тех

вещей, которые в те времена были наиболее ценными для нации как элементы власти. Тем не менее, посольствам было приказано заключить мир с римлянами на любых условиях, и они, соответственно, согласились на них, хотя и с большой неохотой. Особенно им не понравилось соглашение в отношении заложников.

Жестокость системы заложников.

Эта повсеместно распространенная в древние времена система, когда правительство одного народа отдавало детей самых выдающихся граждан правительству другого народа в качестве гарантии выполнения условий договора, была очень жестоким испытанием для тех, кому приходилось терпеть разлуку; но, похоже, не было другой достаточно сильной гарантии, чтобы удержать такие незаконные силы, какими были правительства в те времена, на своем слове. Какими бы суровыми и грубыми ни были мужчины тех воинственных народов, матери тогда были такими же, как и сейчас, и они так же остро страдали, видя, как их детей отсылают от них, чтобы они томились в чужой стране, в безнадежном изгнании, в течение многих лет; к тому же постоянно подвергаясь опасности самого жестокого обращения и даже смерти, чтобы отомстить за какую-то мнимую правительственную ошибку.

Возвращение посольств.

Смятение в Карфагене.

Конечно же, вернувшись в Карфаген с этими условиями, посольские знали, что принесли тяжелые вести. На самом деле, когда эта новость пришла, она повергла общину в самое крайнее смятение. Говорят, что весь город наполнился плачем и причитаниями. Матери, чувствуя, что их ждет тяжелая утрата, били себя в грудь, рвали на себе волосы и всеми другими способами показывали свое крайнее и неизбывное горе. Они умоляли и упрашивали своих мужей и отцов не соглашаться на столь жестокие и невыносимые условия. Они не могли и не хотели отказываться от своих детей.

Их плачевное состояние.

Мужья и отцы, однако, чувствовали себя вынужденными сопротивляться всем этим уговорам. Теперь они не могли противостоять римской воле. Их армия была почти уничтожена в битве с Масиниссой, их город был беззащитен, а римский флот уже достиг своего африканского порта, и войска были высажены на берег. Как оказалось, спасти себя и свой город от полного уничтожения можно было только полным подчинением условиям, которые навязали им суровые завоеватели.

Заложников требовалось в течение тридцати дней отправить на остров Сицилия, в порт на западной оконечности острова под названием Лилибеум. Лилибеум был ближайшим к Карфагену сицилийским портом, находящимся, возможно, на расстоянии ста миль по водам Средиземного моря. Римский эскорт должен был быть готов принять их там и доставить в Рим. Хотя карфагенянам было дано тридцать дней на выбор и отправку заложников, они решили не пользоваться этой отсрочкой, а сразу же отправить несчастных детей, чтобы этой оперативностью засвидетельствовать римскому сенату, что они искренне желают умиловить его.

Выбор заложников.

Час расставания.

Сцена расставания.

Горе и отчаяние.

Соответственно, были выбраны дети, по одному от каждой из ведущих семей города, всего триста человек. Читатель должен представить себе душераздирающие сцены страданий, которые, должно быть, опустошили эти триста семей и домов, когда до каждого из них дошел суровый и неумолимый указ о том, что один из любимых членов семьи должен быть выбран, чтобы уйти. И когда, наконец, настал час отплытия, и они собрались на пристани, картина была полна глубокого и неизбывного страдания. Бедные изгнанники стояли в недоумении от ужаса и горя, собираясь расстаться со всем, что им когда-либо было дорого, - с родителями, братьями и сестрами, родной землей, чтобы отправиться неизвестно куда, под присмотром железносердечных солдат, которые, казалось, не знали ни нежности, ни сострадания к их бедам. Их потерявшие надежду матери плакали и стонали, сжимая в объятиях любимых, которых собирались навсегда оторвать от них, в бреду материнской привязанности и неудержимого горя; их братья и сестры, их юные друзья стояли рядом, одни почти обезумевшие от эмоций, которые они не пытались подавить, другие немые и неподвижные в своем горе, проливая горькие слезы страдания или дико глядя на сцену с видом отчаяния; В то время как отцы, чьим суровым долгом было пройти через эту сцену, не дрогнув, беспокойно ходили туда-сюда в глубоком, но молчаливом страдании, говорили друг с другом отрывистые и бессвязные слова и, наконец, помогли, используя смесь уговоров и мягкой силы, оторвать детей от рук матерей и посадить их на суда, которые должны были их увезти. Корабли отчалили и медленно отошли от берега. Матери смотрели им вслед, пока их не стало видно, а затем вернулись, удрученные и несчастные, в свои дома; и тогда горе и волнение этой сцены расставания сменились тревожным ожиданием, которое теперь охватило весь город, чтобы узнать, какие новые опасности и оскорбления им предстоит испытать от приближающейся римской армии, которая, как они знали, уже была на подходе.

Продвижение римской армии.

Сдача Утики.

Римская армия высадилась в Утике. Утика была большим городом к северу от Карфагена, недалеко от него и на берегу того же залива. Когда жители Утики узнали, что между Римом и Карфагеном должно произойти очередное серьезное столкновение, они предвидели, чем, вероятно, закончится это противостояние, и решили, что, чтобы спасти себя от гибели, которая явно надвигалась на город-побратим, они должны бросить его на произвол судьбы и заключить с Римом общее дело. Поэтому они отправили депутатов в римский сенат с предложением отдать Утику под их власть. Римляне приняли это предложение и сделали этот город портом высадки своей армии.

Как только в Карфаген пришло известие о том, что римская армия высадилась в Утике, народ послал депутатов узнать, каковы приказы консулов, ведь, как известно, по договору они были обязаны подчиняться приказам, которые должны были принести консулы. Прибыв туда, они обнаружили, что бухта покрыта римским флотом. Там было пятьдесят военных кораблей с тремя банками весел на каждом и огромное количество транспортов. В лагере на берегу находилось восемьдесят тысяч пеших и четыре тысячи конных воинов, вооруженных и экипированных самым совершенным образом.

Требования римлян.

Депутаты были убеждены, что это сила, которой их соотечественники и не думали сопротивляться. Они с трепетом спрашивали приказаний консулов. Консулы сообщили им, что по приказу римского сената карфагеняне должны, во-первых, поставлять им кукурузу для пропитания своих войск. Депутаты вернулись в Карфаген с этим требованием.

Карфагеняне подчиняются.

Карфагеняне решили подчиниться. Они были связаны договором и заложниками, которых они дали, а также запуганы присутствием римских войск. Они предоставили кукурузу.

Вскоре после этого консулы выдвинули еще одно требование к карфагенянам. Оно заключалось в том, чтобы они сдали им все свои военные суда. Это требование они выполняли с большим нежеланием, чем предыдущее, но в конце концов согласились. Они надеялись, что требования их врагов на этом прекратятся и что, удовлетворившись тем, что ослабили их до сих пор, они уйдут и оставят их; тогда они смогут снова построить новые корабли, когда наступят лучшие времена.

Римляне требуют все военное снаряжение.
Их огромное количество.

Но римляне еще не были удовлетворены. Они послали третий приказ, чтобы карфагеняне сдали все свое оружие, военные склады и всевозможные военные машины, отправив их в римский лагерь. Эти требования привели карфагенян почти в отчаяние. Многие из них твердо решили, что не подчинятся, а будут сопротивляться любой ценой. Другие отчаялись в возможности сопротивляться и считали все потерянным, а триста семей, из которых ушли заложники, дрожали за безопасность пленных детей и настаивали на выполнении требования. В конце концов сторонники покорности одержали верх. Оружие было собрано и перевезено в огромном длинном обозе в римский лагерь. Там было двести тысяч полных доспехов, дротики и копья без числа, а также две тысячи военных машин для метания деревянных брусьев и камней. Так Карфаген был обезоружен.

Жестокие требования римлян.
Карфаген должен быть разрушен.

Все эти требования, какими бы необоснованными и жестокими ни считали их карфагеняне, были лишь предварительными к великому окончательному решению, оглашение которого консулы отложили на потом. Когда все оружие было доставлено, консулы объявили своим беззащитным жертвам, что римский сенат пришел к решению, что Карфаген должен быть разрушен. В связи с этим они приказали всем жителям покинуть город, который, как только он будет освобожден, должен быть сожжен. Они могли взять с собой все имущество, которое могли унести; и они имели право построить вместо этого укрепленного морского порта внутренний город на расстоянии не менее десяти миль от моря, только он не должен был иметь ни стен, ни укреплений какого-либо рода. Как только жители уйдут, Карфаген, по словам консулов, должен быть разрушен.

Отчаяние народа.
Подготовка к обороне.

Объявление об этой совершенно беспрецедентной и нетерпимой реквизиции повергло весь город в отчаяние. Они не могли и не хотели смириться с этим. Уговоры и уговоры друзей заложников смолкли или были подавлены взрывом негодования и гнева, поднявшимся по всему городу. Ворота были закрыты. Тротуары улиц были разорваны, а здания разрушены, чтобы получить камни, которые понесли на валы, чтобы они служили вместо оружия. Все рабы были освобождены и размещены на стенах для помощи в обороне. Все, кто мог работать в кузнице, были заняты изготовлением мечей, наконечников копий, пик и другого оружия, которое можно было сделать с наибольшим удобством и быстротой. Они использовали все железо и латунь, которые только можно было достать, а затем переплавляли вазы и статуи из драгоценных металлов и оправляли копья менее качественными наконечниками из серебра и золота. Точно так же, когда запасы льна и

пенькового шпагата для тетивы луков закончились, прекрасные сестры и матери заложников отрезали свои длинные волосы, скручивали и заплетали их в шнуры, чтобы использовать их в качестве тетивы для стрел, которые делали их мужья и братья. Одним словом, жалкие карфагеняне были доведены до предела человеческой выносливости и в каком-то френдзоне отчаяния возбуждали себя к безнадежному сопротивлению.

Гасдрубал.

Уничтожение римского флота.

Читатель помнит, что после битвы с Масиниссой Гасдрубал потерял все свое влияние в Карфагене и, судя по всему, был безнадежно разорен. Однако он не отказался от борьбы. Он сумел собрать остатки своей армии в окрестностях Карфагена. Во время этих операций его силы постепенно увеличивались, так как вокруг него, естественно, собирались те, кто был против этих уступок римлянам. Сейчас он находился в своем лагере, недалеко от города, во главе двадцати тысяч человек. Оказавшись в столь отчаянном положении, карфагеняне послали к нему с просьбой прийти на помощь. Он с радостью подчинился призыву. Он разослал по всем территориям, еще подвластным Карфагену, свежие войска, собрал запасы оружия и продовольствия. Он выступил на помощь городу. Он заставил римлян, которые были одинаково удивлены сопротивлением, оказанным им изнутри стен, и столь грозным наступлением извне, немного отступить и расположиться лагерем, чтобы обеспечить свою безопасность. Он отправил в город запасы продовольствия. Он также придумал тайно установить в гавани множество пожарных кораблей и, поджигая их, обрушить на римский флот, который стоял на якоре в бухте в мнимой безопасности. План был осуществлен так искусно, что римские корабли были почти все уничтожены. Таким образом, положение дел изменилось. Римляне оказались разочарованы в своей добыче. Они ограничились лагерем и отправились домой к римскому сенату за новыми подкреплениями и припасами.

Ужасы осады.

Одним словом, римляне обнаружили, что вместо того, чтобы просто уничтожить город без сопротивления, они оказались вовлечены в серьезную и затяжную войну. Война действительно продолжалась два или три года - ужасная, почти истребительная с обеих сторон. Сципион прибыл с римской армией, сначала в качестве подчиненного офицера; но его храбрость, проницательность и успех некоторых почти романтических подвигов вскоре сделали его объектом всеобщего уважения. Однажды отряд армии, который ему удалось выволить из опасной ситуации, в которую они попали, выразил свою благодарность тем, что наварл венец из *травы* и возложил его на свое чело с великой церемонией и громкими возгласами.

Героическая доблесть карфагенян.

В ходе этой войны карфагеняне сделали все, на что была способна самая отчаянная доблесть; но хладнокровные, неуклонные и хорошо просчитанные планы Сципиона делали неодолимый прогресс, и в конце концов загнали их во все более узкие пределы неуклонно усиливающимся давлением, от которого они не могли оторваться.

Батарейные двигатели.

Попытка их уничтожить.

Сципион соорудил на воде возле города нечто вроде мола или пирса, на котором установил множество больших и мощных орудий для штурма стен. Однажды ночью большая компания

карфагенян, взяв в руки незажженные факелы и какие-то приспособления для разведения огня, вброд и вплавь пробиралась по воде гавани к этим машинам. Когда они оказывались достаточно близко, они зажигали свои факелы и поджигали их. Римские солдаты, которые стояли на страже машин, были охвачены ужасом при виде всех этих вспышек огня, внезапно вспыхнувших над поверхностью воды, и в ужасе бежали. Карфагеняне подожгли брошенные машины, а затем, бросив в пламя свои бесполезные факелы, снова погрузились в воду и поплыли обратно, спасаясь. Но вся эта отчаянная храбрость принесла мало пользы. Сципион спокойно отремонтировал двигатели, и осада продолжилась, как и прежде.

Город взяли штурмом.

Отчаянная борьба.

Люди отступают в цитадель.

Но мы не можем подробно описать все подробности этой затяжной и страшной борьбы. Мы должны перейти к заключительной сцене, которая, как рассказывают историки того времени, представляет собой почти невероятную череду ужасов. После того как огромное количество людей было убито во время штурма города, а также тысячи и тысячи людей умерли от голода, а также от опасностей и лишений, связанных с такой осадой, армии Сципиона удалось пробить себе путь через ворота и войти в город. Некоторые жители были настроены больше не сопротивляться, а сдаться на милость завоевателя. Другие, обезумев от отчаяния, были полны решимости сражаться до последнего, не желая отказываться от удовольствия убить всех ненавистных врагов, даже ради спасения своей жизни. Поэтому они сражались от улицы к улице, постепенно отступая по мере продвижения римлян, пока не нашли убежище в цитадели. Один отряд солдат Сципиона взобрался на верхушки домов - крыши были плоскими - и сражался там, а другая колонна таким же образом продвигалась по улицам вниз. Никакое воображение не может представить себе шум и грохот такого нападения на густонаселенный город - ужасное смешение громких команд офицеров, криков наступающих и победоносных штурмующих, криков ужаса испуганных женщин и детей, страшных стонов и проклятий умирающих от неудовлетворенной мести и корчащихся в пыли в агонии боли.

Город охвачен огнем.

Жена Гасдрубала.

Более решительные бойцы во главе с Гасдрубалом овладели цитаделью, которая представляла собой квартал города, расположенный на возвышенности и сильно укрепленный. Сципион подошел к стенам этого укрепления и поджег ту часть города, которая находилась ближе всего к нему. Огонь горел шесть дней и открыл большую площадь, что дало римским войскам простор для действий. Когда войска были введены на освободившееся после пожара место, а люди в цитадели увидели, что их положение безнадежно, в стенах началась, как всегда бывает в таких случаях, отчаянная борьба - продолжать сопротивление или сдаться в отчаянии. Огромная масса, не менее шестидесяти тысяч, наполовину женщин и детей, была полна решимости выйти на улицу, чтобы сдаться на милость Сципиона и вымолить себе жизнь. Жена Гасдрубала, ведя за руку двух детей, убедительно просила мужа разрешить ей пойти с ними. Но он отказался. В цитадели находился целый отряд дезертиров из римского лагеря, которые, как полагал Гасдрубал, не имели никакой надежды избежать гибели, кроме отчаянного сопротивления до последнего, и никогда не сдадутся. Поэтому он поручил свою жену и детей их попечению, и эти дезертиры, искавшие убежища в большом храме внутри цитадели, взяли с собой обезумевшую от страха мать, чтобы разделить ее участь.

Гасдрубал сдается.

Однако решимость Гасдрубала сопротивляться римлянам до последнего вскоре угасла, и он решил сдаться. Его обвиняют в жесточайшем предательстве, когда он пытается спастись, лишив жену и детей всякой возможности избежать гибели. Но смятение и грохот такой сцены, внезапность и жестокость, с которыми события сменяют друг друга, бурное и неконтролируемое душевное волнение, которое они порождают, лишают человека, призванного действовать в ней, всякого чувства и разума и освобождают его почти в такой же степени от моральной ответственности за то, что он делает, как если бы он был безумен. Во всяком случае, Гасдрубал, заперев жену и детей с разъяренной бандой отчаянных, которые никак не могли сдаться, сдался сам, возможно, надеясь, что все-таки сможет их спасти.

Цитадель открыла огонь.

Негодование и отчаяние жены Гасдрубала.

Карфагенские солдаты, следуя примеру Гасдрубала, открыли ворота цитадели и впустили завоевателя. Дезертиры были в полном отчаянии от опасности, и некоторые из них, более яростные, чем остальные, предпочитая умереть от собственных рук, чем доставить ненавистным врагам удовольствие убить их, подожгли здание, в котором они были заперты. Несчастные узники бегали туда-сюда, полузадохнувшись от дыма и опаленные пламенем. Многие из них добрались до крыши. Среди них были жена и дети Гасдрубала. Она посмотрела вниз с этого возвышения, где вокруг нее клубились клубы дыма и пламени, и увидела своего мужа, стоявшего внизу с римским генералом - возможно, он в ужасе искал жену и детей среди этой ужасной сцены. Вид мужа и отца в безопасном месте привел жену и мать в совершенное бешенство от обиды и гнева. "Негодяй! - закричала она голосом, возвышавшимся над всеобщим гулом, - неужели ты пытаешься спасти свою жизнь, жертвуя нашей? Я не могу добраться до тебя лично, но я убиваю тебя таким образом в лице твоих детей". Сказав это, она пронзила кинжалом своих испуганных сыновей и бросила их вниз, все время сопротивляясь безумному материнскому желанию, в ближайшее отверстие, из которого поднималось пламя, а затем прыгнула вслед за ними, чтобы разделить их ужасную участь.

Карфаген разрушен.

Его нынешнее состояние.

Овладев городом, римляне приняли самые эффективные меры для его полного разрушения. Жители были рассеяны по окрестностям, а вся территория превращена в римскую провинцию. После этого были предприняты попытки восстановить город, и долгое время он был местом отдыха, поскольку люди скорбно задерживались в хижинах, которые они построили среди руин. Однако постепенно город был оставлен, камни рассыпались и истлели, растительность вновь овладела почвой, и теперь на месте города нет ничего, что могло бы его обозначить.

Война и торговля.

Антагонистические принципы.

Война и торговля - два великих антагонистических принципа, которые борются за господство над человеческой расой, причем функция одного из них - сохранять, а другого - разрушать. Торговля заставляет строить города и возделывать поля, распространяет комфорт и

изобилие, все блага промышленности и мира. Она несет организацию и порядок повсюду; она защищает собственность и жизнь; она обезвреживает мор и запрещает голод. Война, с другой стороны, *разрушает*. Она дезорганизует социальное государство. Она разрушает города, обезлюдняет поля, обрекает людей на безделье и нужду, и единственное средство, которое она знает от зла, которое она приносит человеку, - это сократить страдания своих жертв, предоставив мору и голоду наиболее широкие полномочия для уничтожения их жизни. Таким образом, война - великий враг, а торговля - великий друг человечества. Это антагонистические принципы, постоянно борющиеся за господство среди всех организаций людей.

Величие Ганнибала как военного героя.

Когда Ганнибал появился на сцене, он обнаружил, что его страна мирно и процветающе занимается обменом продуктами различных стран известного тогда мира и повсеместно содействует комфорту и счастью человечества. Он решил направить всю эту энергию в новое русло военной агрессии, завоеваний и войн. Ему это прекрасно удалось. В его личности и истории мы, безусловно, имеем все признаки и характеристики великого военного героя. Он одержал самые великолепные победы, опустошил множество земель, смутил и прекратил торговые связи, которые несли жизненные блага стольким тысячам домов, и вместо них распространил повсюду лишения, нужду и ужас, сопровождаемые мором и голодом. Он держал страну своих врагов в состоянии непрерывной тревоги, страданий и беспокойства в течение многих лет, а свою собственную родину в конце концов привел к абсолютному и непреодолимому разорению. Одним словом, он был одним из величайших военных героев, которых когда-либо знал мир.

Конец.

Сноска

[A] Французское слово - *col*. Таким образом, существуют Коль-де-Бальме, Коль-де-Жеан и т.д.

Примечания транскриптора

1. Незначительные изменения сделаны для исправления ошибок наборщиков, а также для обеспечения единообразия орфографии и пунктуации в данном тексте; в остальном все усилия были направлены на то, чтобы сохранить верность оригиналу книги.
2. Боковые сноски, используемые в данном тексте, первоначально публиковались в виде баннеров в заголовках страниц и для удобства читателя были перенесены в соответствующий абзац.